

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени
В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Научный журнал

Том 6 (72). № 3

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2020

ISSN 2413–1644

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации – ПИ № ФС 77–61827 от 18 мая 2015 года

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, отрасль науки 08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Редколлегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Экономика и управление»:

Никитина М. Г. – д-р экон. наук, д-р геогр. наук, проф., главный редактор;

Апатова Н. В. – д-р экон. наук, д-р пед. наук, проф.;

Воронина Т. В. – д-р экон. наук, проф.;

Дадашев Б. А. – д-р экон. наук, проф.;

Звонова Е. А. – д-р экон. наук, проф.;

Кирильчук С. П. – д-р экон. наук, проф.;

Лукьянович Н. В. – д-р полит. наук, проф.;

Медведкин Т. С. – д-р экон. наук, проф.;

Нижегородцев Р. М. – д-р экон. наук, проф.;

Панков Д. А. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Реутов В. Е. – д-р экон. наук, проф.;

Симченко Н. А. – д-р экон. наук, проф.;

Солодовников С. Ю. – д-р экон. наук, проф., Республика Беларусь;

Цехла С. Ю. – д-р экон. наук, проф.;

Ячменева В. М. – д-р экон. наук, проф.

Ответственный секретарь – Мираньков Д. Б.

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, протокол № 8 от 16 октября 2020 г.

Подписано в печать 16.10.2020. Формат 70x100 1/16.
8,09 усл. п. л. Тираж 25. Заказ № НП/258. Бесплатно.

Отпечатано в Издательском доме ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского».

Пр. Академика Вернадского, 4,
295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7.

<http://sn-ecoman.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2020 г.

УДК 331

МОНИТОРИНГ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА

Анисимова Н. Ю.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: anisimova.99@mail.ru

В статье раскрыты роль и значение трудовых ресурсов в производственном процессе, показана их устойчивая взаимосвязь в системе производственно-трудовых отношений регионального уровня. На примере Республики Крым проведен сравнительный анализ основных показателей эффективности производственно-трудовых отношений в отраслях промышленного производства в динамике за 2015–2019 гг., выявлены их региональные особенности. Показана необходимость совершенствования системы производственно-трудовых отношений в регионе по направлениям оптимизации структуры региональной экономики, модернизации системы подготовки кадров и повышения роли мотивационных механизмов персонала.

Ключевые слова: экономика труда, промышленное производство, производственно-трудовые отношения, валовой региональный продукт, производительность труда, заработная плата, эффективность, совершенствование.

ВВЕДЕНИЕ

Основу любого производственного процесса составляют различные виды ресурсов, обладающие равнозначной ценностью для получения конечного готового продукта. Тем не менее, один из ресурсов играет главенствующую роль, обусловленную его возможностями объединять, компоновать и использовать другие элементы производственного процесса. Речь идет о кадровых ресурсах, важность которых сформировала устойчивое экономическое понятие производственно-трудовых отношений, складывающихся в товарно-денежном обороте.

Эффективность взаимоотношений производственно-трудового характера влияет на показатели развития экономических систем всех уровней: от структурных подразделений предприятий до национальных экономик. Региональный уровень в этом структурном ряду интересен возможностью оценки особенностей формирования и использования кадрового потенциала совокупности предприятий, функционирующих в одинаковых административно-территориальных и природно-климатических условиях.

Взаимосвязь кадровых ресурсов и производимых ими производственно-трудовых отношений исследовали достаточно много авторов как в России, так и за рубежом. Например, Е. О. Смолева изучила кризисные явления в региональной экономике, связанные с процессами обесценивания труда и пришла к выводу о потере удовлетворенности работников вследствие отсутствия у них возможности контролировать производственные процессы и проявлять свою индивидуальность [6]. А. А. Рабцевич рассмотрел теневую сторону производственно-трудовых взаимоотношений субъектов региональной экономики и выявил государственные механизмы, способствующие их легализации [3]. Б. Д. Бабаев, Д. Б. Бабаев,

Н. В. Боровкова и Н. А. Игнатьева отразили специфику трудовых взаимоотношений в условиях цифровизации экономики как важнейшего фактора современного развития региона [1].

Среди зарубежных авторов можно выделить работы Р. Курта, исследовавшего потенциальное влияние Индустрии 4.0 на региональные рынки труда [9]; Ф. М. Х. Неффке, Э. Отто и А. Вейха, осветивших проблемы межотраслевых потоков рабочей силы в пределах отдельных территорий [10]; А. Чади, М. де Пинто и Г. Шульце, обративших внимание на вопросы трудоустройства талантливой молодежи на региональном рынке труда [8].

В контексте нашего исследования особый интерес представляют научные труды, касающиеся особенностей производственно-трудовых отношений в Республике Крым. Анализ публикаций последних лет свидетельствует, что наиболее глубоко данную тему изучают С. Ю. Цёхла, Н. А. Симченко, А. Т. Потеев, Е. А. Полищук, И. Н. Подсмашная, рассматривающие проблемные вопросы рынка труда, подготовки кадров, феномена трудовых подвигов в условиях нарастания больших вызовов [2, 5, 7]. Тем не менее, комплексный мониторинг региональной специфики производственно-трудовых отношений в контексте социально-экономических преобразований последних лет в данных трудах не освещался. В связи с этим целью данной статьи явился научный поиск направлений совершенствования производственно-трудовых отношений в Республике Крым на основе анализа их региональных особенностей.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Оценка производственно-трудовых отношений на региональном уровне включает достаточно обширный перечень социально-экономических показателей – натуральных, трудовых и стоимостных. Наиболее объемным и комплексным из них является валовой региональный продукт, динамика которого в 2015–2019 гг. по производственным отраслям Республики Крым представлена в таблице 1.

Как свидетельствуют данные таблицы 1, за период 2015–2019 гг. стоимость валового регионального продукта в Республике Крым увеличилась на 198,4 млрд руб. или 74,6 %, в том числе продукта промышленных отраслей – на 11,8 млрд руб. или 12,5 %. Наибольший рост отмечен в сфере обрабатывающих производств – на 19,8 млрд руб. или 83,2 %, наименьший – в производстве и распределении энергоресурсов – на 183,4 млн руб. или 0,9 %. В аграрном секторе экономики региона наблюдается практически ежегодный спад объемов производства за исключением 2019 года, когда был отмечен рост ВРП сельского хозяйства на 4,9 млрд руб. или 18,7 %. Однако статистические данные за 2019 год в настоящее время являются предварительными и могут измениться после уточнения, в том числе и в меньшую сторону. В целом же за последние пять лет стоимость валового регионального продукта аграрной сферы Республики Крым уменьшилась на 12,0 млрд руб. или 27,9 %.

Анализируя данные, представленные в таблице 1, можно также отметить, что за 2015–2019 гг. удельный вес производства промышленной продукции в общем объеме

МОНИТОРИНГ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТРУДОВЫХ...

ВРП Республики Крым снизился от 35,4 % в 2015 году до 22,8 % в 2019 году, что негативно характеризует развитие промышленного потенциала региона.

Таблица 1

Динамика валового регионального продукта Республики Крым в сфере промышленного производства, млн руб.

Отраслевая структура ВРП	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2015 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	43009,2	32333,2	28432,0	26135,7	31023,1	72,1
Добыча полезных ископаемых	7520,1	8689,0	8901,3	10737,7	11322,6	150,6
Обрабатывающие производства	23747,9	33182,8	27415,1	35938,5	43502,3	183,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и пара	19836,5	18573,9	16538,6	17365,2	20019,9	100,9
Итого по производственным отраслям	94113,7	92724,9	81287,0	90177,1	105867,9	112,5
ВРП (всего)	265970,6	327739,3	346100,4	391299,0	464332,9	174,6

Источник: составлено автором по данным [4]

Производство валового регионального продукта обеспечивают соответствующие кадровые ресурсы предприятий и организаций Республики Крым (таблица 2). Из данных таблицы 2 видно, что общая динамика изменения среднесписочной численности работников региона за прошедшие пять лет также является положительной. Общее увеличение персонала предприятий Крыма за 2015–2019 гг. составило 75,3 тыс. чел. или 22,2 %, в сфере промышленного производства – 9,8 тыс. чел. или 14,7 %. Рост, в отличие от динамики валового регионального продукта, отмечен по всем отраслям промышленности – от 2,6 % в сельском хозяйстве до 91,5 % в добывающих отраслях. Таким образом, одной из особенностей производственно-трудовых отношений в Республике Крым выступает отсутствие прямой зависимости между динамикой объемов отраслевого промышленного производства и количеством обеспечивающих их работников.

Несмотря на количественный рост, в относительном измерении доля работников промышленных отраслей Республики Крым сокращается пропорционально уменьшению удельного веса ВРП промышленного производства в общем объеме валового регионального продукта (рисунок 1).

Таблица 2
Динамика среднесписочной численности работников Республики Крым в сфере промышленного производства, чел.

Отраслевая структура ВРП	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2015 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	17942	22106	19699	19332	18417	102,6
Добыча полезных ископаемых	2937	6563	5603	5794	5625	191,5
Обрабатывающие производства	31752	39870	37558	37956	37689	118,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и пара	14067	15217	15317	14937	14793	105,2
Итого по производственным отраслям	66698	83756	78177	78019	76524	114,7
Всего по региону	338757	400924	403266	420400	414033	122,2

Источник: составлено автором по данным [4]

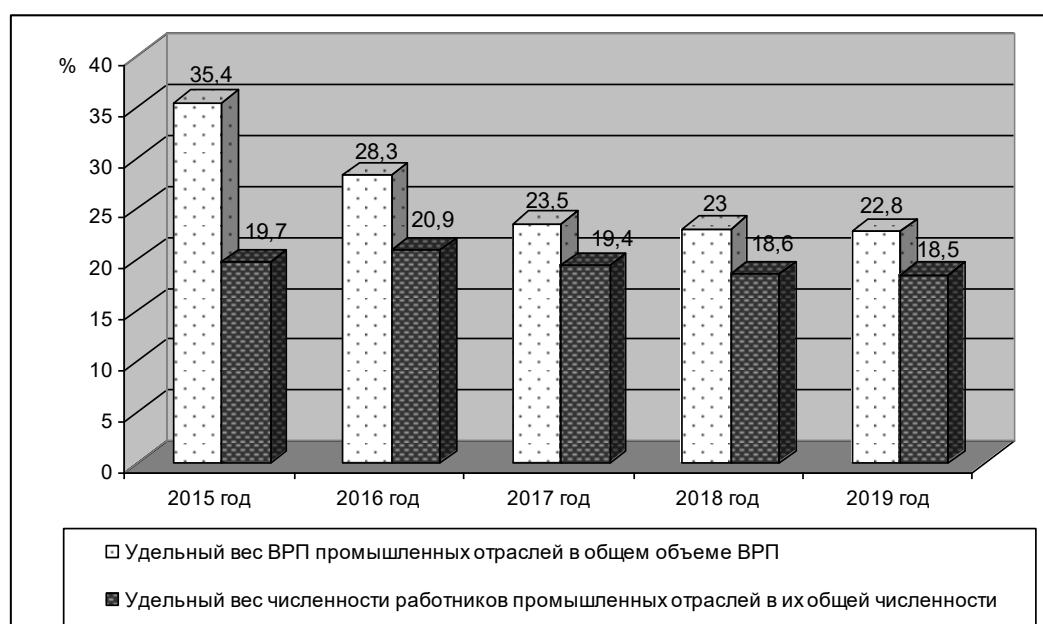

Рисунок 1. Динамика относительных показателей ВРП и работников отраслей промышленного производства Республики Крым

Источник: составлено автором по данным [4]

МОНИТОРИНГ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОИЗВОДСТВЕННО-ТРУДОВЫХ...

Взаимосвязь показателей валового регионального продукта и среднесписочной численности работников предприятий и организаций региона выражается через основной критерий эффективности труда мезоэкономического масштаба – производительность. Его расчетные показатели в разрезе отраслей промышленного производства Республики Крым представлены в таблице 3.

Таблица 3

Динамика производительности труда работников Республики Крым в сфере промышленного производства, млн руб./чел.

Отраслевая структура ВРП	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2015 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство	2,40	1,46	1,44	1,35	1,68	70,2
Добыча полезных ископаемых	2,56	1,32	1,59	1,85	2,01	78,5
Обрабатывающие производства	0,75	0,83	0,73	0,95	1,15	153,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и пара	1,41	1,22	1,08	1,16	1,35	95,7
Итого по производственным отраслям	1,41	1,10	1,04	1,16	1,38	97,9
Всего по региону	0,79	0,82	0,86	0,93	1,12	141,8

Источник: составлено автором по данным [4]

Данные, представленные в таблице 3, свидетельствуют, что в целом производительность труда работников предприятий и организаций Республики Крым за 2015–2019 гг. возросла на 330,0 тыс. руб./чел. или 41,8 %. Из перечня промышленных отраслей данная положительная динамика наблюдается только в обрабатывающих производствах, производительность труда персонала которых увеличилась в 2019 году по сравнению с 2015 годом на 400,0 тыс. руб./чел. или 53,3 %. Все остальные отрасли промышленного производства региона демонстрируют негативную динамику снижения производительности труда: в сельском хозяйстве – на 29,8 %, в сфере добычи полезных ископаемых – на 21,5 %, в отраслях производства и распределения энергоресурсов – на 4,3 %. В целом в производственных отраслях Республики Крым производительность труда 1 работника за период 2015–2019 гг. уменьшилась на 30,0 тыс. руб./чел. или 2,1 %.

Из данного этапа анализа производственно-трудовых отношений в Республике Крым можно выделить еще одну их особенность – постепенное снижение роли промышленного производства в социально-экономическом развитии региона в противовес росту значения сферы торговли и услуг. С одной стороны, это обусловлено рекреационным характером территорий полуострова, приоритетным направлением развития которых выступает санаторно-курортный комплекс. С другой – является следствием социально-экономических преобразований в Республике Крым, связанных с вхождением региона в состав Российской Федерации и последовавшими за этим событием санкциями. Несмотря на благоприятное влияние

данного процесса реструктуризации экономики на экологию Крыма, его нельзя характеризовать как положительное явление для устойчивого развития полуострова. Промышленное производство, особенно в части переработки сельскохозяйственного сырья, Республике Крым необходимо, что подтверждается многолетним историческим опытом и благоприятными условиями для размещения производительных сил.

Еще одним показателем, характеризующим эффективность производственно-трудовых отношений, но уже с позиции самого работника, является размер его заработной платы, динамика которой представлена в таблице 4:

Таблица 4

Динамика среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников Республики Крым в сфере промышленного производства, чел.

Отраслевая структура ВРП	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2019 г. в % к 2015 г.
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	14625	17027	18882	22266	23587	163,1
Добыча полезных ископаемых	35437	37375	45125	48503	54132	152,8
Обрабатывающие производства	18945	21187	24469	28618	31813	167,9
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	27191	32333	33771	36190	40897	150,4
Итого по производственным отраслям	24050	26981	30562	33894	37607	156,4
Всего по региону	22440	24140	26165	29640	32748	145,9

Источник: составлено автором по данным [4]

Анализируя данные таблицы 4, можно констатировать, что уровень номинальной заработной платы в Республике Крым ежегодно растет, что количественно за период 2015–2019 гг. составило 10,3 тыс. руб. или 45,9 %. В отраслях промышленного производства за тот же период рост составил 13,6 тыс. руб. или 56,4 %. Этот показатель будет еще выше, если из расчетов исключить аграрный сектор экономики, работники которого в регионе получают в настоящее время самую низкую заработную плату (23,6 тыс. руб.).

Таким образом, данные таблиц 3 и 4 свидетельствуют еще об одной региональной особенности производственно-трудовых отношений в Республике Крым – несоблюдении экономического закона превышения темпа роста производительности труда над темпом роста его заработной платы (рисунок 2). И если выше рассмотренные особенности отражают внутренние структурные изменения рынка труда региона, опосредованно влияющие на его устойчивое развитие, то нарушение закона производительности является крайне негативной тенденцией.

Решение выявленных проблем в системе производственно-трудовых отношений Республики Крым лежит как в плоскости оптимизации отраслевой структуры экономики полуострова, так и формирования его кадрового потенциала. Первое

направление обусловлено необходимостью развития промышленного производства в регионе с целью сбалансированного взаимодействия всех отраслей санаторно-курортного комплекса. Его приоритетность в Крыму не вызывает сомнений, однако социально-общественный характер не позволяет причислить его к бюджетообразующим сферам экономики. Развитое промышленное производство, преимущественно в аграрном секторе, позволит не только обеспечить отдыхающих разнообразной и экологически чистой продукцией, но и сформировать доходную часть регионального бюджета.

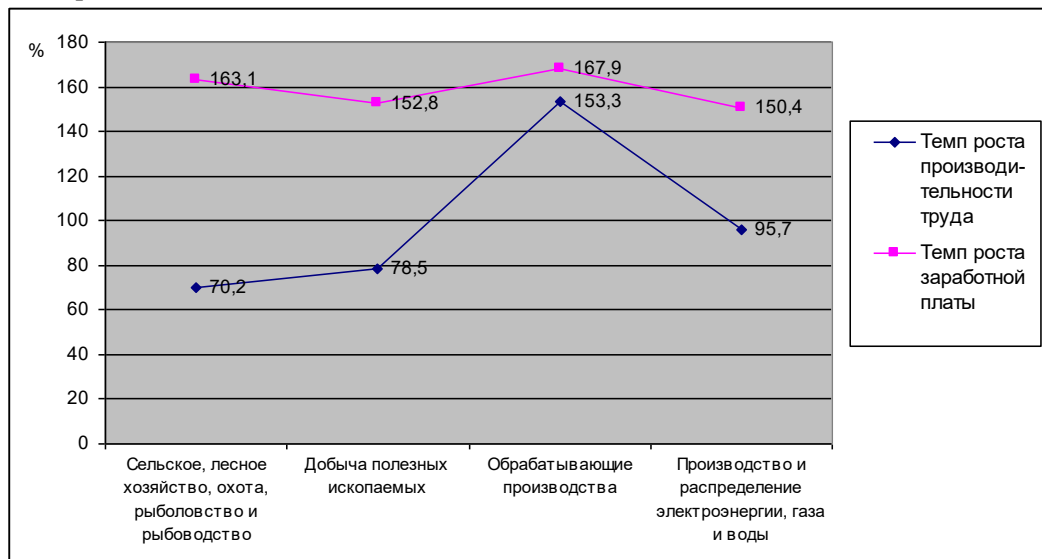

Рисунок 2. Динамика изменения темпов роста производительности труда и заработной платы работников отраслей промышленного производства Республики Крым

Источник: составлено автором по данным [4]

Возобновление деятельности целого ряда промышленных предприятий Республики Крым на основе новых цифровых технологий повлечет за собой соответствующий рост производительности труда. Речь идет о качественно новых компетенциях, обладание которыми позволит увеличить трудоотдачу каждого работника при сохранении их количественного состава. Формирование и использование кадрового потенциала региона потребует соответствующей модернизации системы основного и дополнительного профессионального образования, в том числе с использованием дуального обучения. А рост уровня квалификации и профессионализма персонала приведет не только к повышению его мотивации, но и производительности труда.

ВЫВОДЫ

Производственно-трудовые отношения являются неотъемлемым элементом современного общества, в котором получение жизненных благ большинством

индивидов возможно только в обмен на производство общественно значимого продукта. Общие черты производственно-трудовых отношений проявляются в обязательных элементах производственного процесса (планировании, организации и координации), а его эффективность определяется показателями производительности труда и размером заработной платы работников.

Детализация общих характеристик производственно-трудовых отношений, в том числе и на региональном уровне, позволяет не только дать им обоснованную и комплексную оценку, но и разработать адекватные направления совершенствования. В Республике Крым такими особенностями можно считать отсутствие прямой зависимости между динамикой объемов отраслевого промышленного производства и количеством обеспечивающих их работников, постепенное снижение роли промышленного производства в социально-экономическом развитии региона, превышение темпа роста заработной платы работников над темпом роста производительности их труда.

С целью устранения негативных факторов влияния на эффективность системы производственно-трудовых отношений в Республике Крым необходимо оптимизировать отраслевую структуру экономики полуострова и сформировать соответствующий ей кадровый потенциал. Рост удельного веса высококвалифицированного персонала в отраслях промышленного производства региона является наиболее мощным драйвером его социально-экономического развития в условиях цифровой экономики.

Список литературы

1. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б., Боровкова Н. В., Игнатъева Н. А. Реалии регионального воспроизводства и цифровая экономика (по материалам Ивановской области) // Теоретическая экономика. 2019. № 8 (56). С. 50–53.
2. Полищук Е. А. Регулирование рынка труда молодежи: теория, методология, практика: дисс. д-ра экон. наук: 08.00.05. Орёл, 2018. 297 с.
3. Рабцевич А. А. Проявления теневых взаимоотношений работника и работодателя в региональной экономике // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 2 (152). С. 144–150.
4. Республика Крым в цифрах. 2019: крат. стат. сб. Симферополь: Крымстат, 2020. 218 с.
5. Симченко Н. А., Подсмашная И. Н. Мотивационные модели активизации трудовых отношений в условиях модернизации экономики Республики Крым // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии: сб. тр. 18-ой Межд. науч.-практ. конф. СПб.: ФГАОУ ВО «СППУ Петра Великого», 2016. С. 325–327.
6. Смолева Е. О. Отчуждение населения региона в сфере труда // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 120–136.
7. Цёхла С. Ю., Симченко Н. А., Потеев А. Т. Трудовые подвиги в экономическом развитии Крыма: монография. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2020. 202 с.
8. Chadi A., Pinto de M., Schultze G. Young, gifted and lazy? The role of ability and labor market prospects in student effort decisions // Economics of Education Review. 2019. Vol. 72. P. 66–79.
9. Kurt R. Industry 4.0 in Terms of Industrial Relations and Its Impacts on Labour Life // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158. P. 590–601.
10. Neffke F. M. H., Otto A., Weyh A. Inter-industry labor flows // Journal of Economic Behavior & Organization. 2017. Vol. 142. P. 275–292.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 330

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Апатова Н. В.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: apatova@list.ru

Рассмотрены основные проблемы управления социальной сферой в цифровой экономике. Во-первых, роль компьютеров и информационных технологий в жизни общества и связанные с этим риски; во-вторых, управление бизнесом и создание электронного Правительства; в-третьих, формирование кадров и компетенций; в-четвертых, развитие электронной коммерции, способствующей занятости, особенно среди молодежи; в-пятых, цифровизация социальных услуг и адаптация всех социальных групп; в-шестых, цифровой доступ и выравнивание уровня жизни; в-седьмых, улучшение гендерных возможностей для женщин.

Ключевые слова: цифровая экономика, социальная сфера, Интернет, информационные технологии, управление, риски.

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века характеризуется бурным развитием информационных коммуникационных технологий и компьютерной сети Интернет, технологическими изменениями во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в социальной сфере. Изменения, касающиеся каждого члена общества, происходят в системах образования и здравоохранения, а также изменяются институты, подверженные воздействию технологического фактора.

С 1950-х годов в странах мира наблюдается постиндустриальная экономика массового производства, за которой следуют экономика знаний в 1990-х и цифровая – в 2000-х. Общим фактором производства стала информация и коммуникационные технологии (ИКТ). Одним из процессов формирования цифровой экономики является передача различных видов социально-экономической деятельности с использованием ИКТ в электронную среду Интернета: электронная коммерция, электронный бизнес, электронное обучение, электронные СМИ и электронное правительство. По разным исследованиям объем «Интернет-экономики» в ВВП для группы стран G20 увеличился с примерно 4,1 % в 2010 году до 8,3 % в 2012 году. Хотя исследования в области информационной революции, информационного общества и информационной экономики начались в 1970-х годах, цифровая экономика уже является статистически зарегистрированным фактом и процессами, которые постоянно усиливают свое влияние на мировое развитие, отчетливо видны.

Началом цифровизации считают 2008 год, сам термин «цифровая экономика» ввел в обиход Николас Негропonte в 1995 г., хотя он говорил в целом об «Электронной экономике». В мире ускоряется движение таких факторов, как информация, идеи и инновации, которые пересекают благодаря Интернет географические границы и вовлекают все большее число людей в процессы глобальной экономики.

Цифровые платформы являются основой новой экономики. Наибольшее число пользователей зарегистрировано на Facebook – 1 590 млн чел., YouTube – 1 000 млн, WhatsApp – 1 000 млн, WeChat – 650 млн, Alibaba – 407 млн, Instagram – 400 млн, Twitter – 320 млн, Skype – 300 млн, Amazon – 300 млн.

Больше всего пользователей цифровых платформ имеется в Китае – 1 372 млн, в Индии – 1 314 млн, США – 321 млн, Индонезии – 256 млн и в Бразилии – 205 млн человек.

Примерно 12 % товаров мировой торговли в настоящее время продаются и покупаются через электронную коммерцию и около 50 % торговых сервисов в мире уже оцифровано. Помимо применения цифровых платформ в электронной коммерции традиционными занятиями в производстве и сервисе и фрилансерами создается глобальный рынок рабочей силы.

По данным Всемирного банка (2018 г), на первом уровне цифровизации российской экономики находятся банки и инвестиционные компании (26 % охвата), телекоммуникации (25 % охвата) и Правительство (18 % охвата), на втором – СМИ (30 %), страхование (22 %), транспорт (22 %), сфера услуг (19 %), розничная торговля (15 %), здравоохранение (13 %). По данным того же источника, производство в целом «оцифровано» на 14 %, оптовая торговля на 11 %, образование на 12 % и добыча природных ископаемых на 7 % [1].

Приведенные показатели свидетельствуют о всеохвате процессами цифровизации жизни общества, в связи с чем необходимо рассмотреть социальные процессы в новых условиях.

Целью данной работы является исследование управления социальной сферой в условиях цифровой экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Цифровая экономика получает свое развитие во всех областях жизни общества, в том числе в социальной сфере, которая определяет потребление и благосостояние, а также образ жизни и ее уровень на некоторой территории и охватывает образование, здравоохранение, культуру, спорт, социальное обеспечение, общественное питание, коммунальное обслуживание, а также пассажирский транспорт и связь. Помимо территориальной составляющей в социальную сферу могут входить такие элементы, как этническая, классовая, экономическая, профессиональная, демографическая и другие. Какие бы не предлагались определения социальной сферы, на первом месте всегда находятся здравоохранение и образование, затем следуют социальное обеспечение, культура и спорт.

В цифровую эпоху управление социальной сферой во многом зависит от внедренных в соответствующие организации информационных технологий.

Социальным вызовам в эпоху цифровой экономики, факторам, влияющим на развитие социальной сферы, влиянию цифровых технологий на социальные услуги посвящены работы отечественных ученых Г. Г. Иванова и Г. Г. Малинецкого [2], С. Корчагина Б. Польщикова [3], В. В. Зябрикова и Д. А. Елисеева [4], Р. Н. Фролова

[5], Г. П. Коршунова и С. Н. Кройтора [6], С. А. Анесянц [7], С. Г. Тягглова и И. В. Чубуковой [8], Н. В. Студеникина [9], Н. А. Симченко и др. [10].

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в настоящее время является одним из основных национальных проектов, который касается всех граждан России независимо от их места проживания, возраста и профессии. Изменения, в том числе социальной сферы, осуществляются на основе следующих базовых технологий: больших данных, нейротехнологий и искусственного интеллекта, систем распределенного реестра (технологий блокчейн), квантовых технологий, новых производственных технологий, промышленного интернета, компонент робототехники и сенсорики, технологий мобильной связи, технологий виртуальной и дополненной реальности. Однако несмотря на технологическую направленность цифровой экономики, главной стратегической целью реализации программы должно стать повышение качества жизни населения. Среди приоритетов программы имеются два, напрямую входящих в социальную сферу: «Кадры и образование» и «Цифровое здравоохранение» [11].

Несмотря на преобладающее число положительных результатов от внедрения цифровых технологий, для граждан, особенно молодежи, верно утверждение, что «компьютеры в современном обществе выполняют важнейшую социальную функцию – ”убийц свободного времени“ для большинства населения» [2, с. 59]. На рисунке 1 показано, сколько времени граждане разных стран проводят с компьютерами и гаджетами. В России оно составляет около 6 часов в сутки, в Японии – чуть более 4-х, а в Бразилии – около 9 часов.

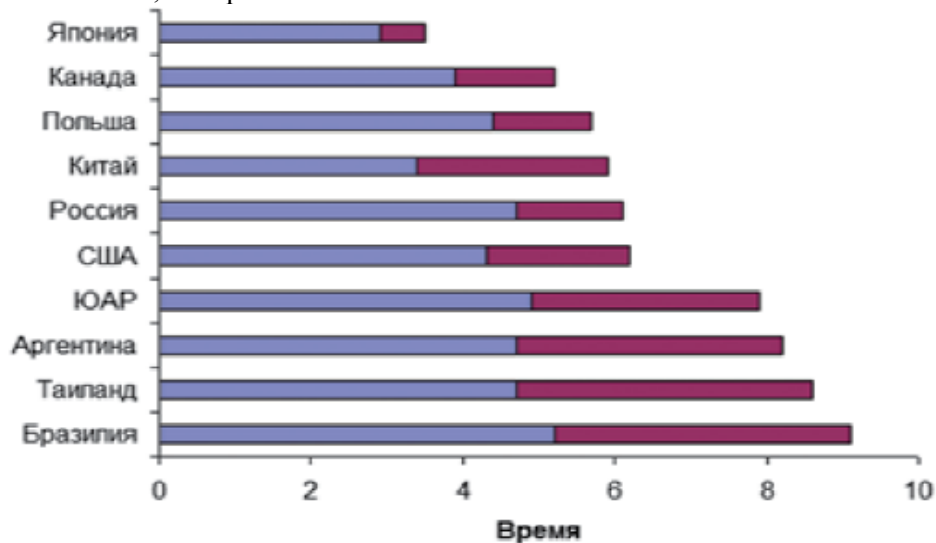

Рисунок 1. Среднее время, проводимое с компьютерами (левая полоска) и гаджетами (правая полоска).

Источник: [2, с. 60].

Социальная сфера наряду с природными и техногенными рисками также подвержена рискам, о чем свидетельствует кризис начала 2020 года, связанный с коронавирусом и вынудивший правительства практически всех стран принимать меры по карантинной изоляции. Для управления социальной сферой и ее рисками создаются ситуационные центры, реализующие цепочку «мониторинг – математическое моделирование систем и процессов – прогноз – синтез управляющих воздействий – прогноз результатов управляющих воздействий и оптимизация – принятие мер – анализ результатов – планирование – мониторинг» [2, с. 85]. Следующий шаг – это создание «когнитивных центров», которые позволяют «подсказывать» руководителю, какие параметры управления требуют корректировки в случае не очень позитивных или негативных последствий принятого им управленческого решения. В когнитивных центрах могут возникать обсуждения, привлекаться эксперты, корректироваться траектории развития предприятия или организации.

При реализации любого масштабного проекта, особенно касающегося социальной сферы, требуются изменения в механизмах управления [3]. С. Корчагин и Б. Польщикова считают, что «развитие цифровых технологий и новые возможности, которые они предоставляют бизнесу, приводят к росту разнообразия форм объектов управления, их постоянному изменению. Это создает новые вызовы для систем управления, т. к. один из фундаментальных кибернетических принципов заключается в требовании к субъекту управления – обладать тождественными управляемому им объекту способностями к адаптации и разнообразию функционирования (закон разнообразия)» [3, с. 28]. Новые формы управления в бизнесе, создающиеся благодаря сбору больших наборов данных и алгоритмам их обработки, входят в противоречие с формами управления государства, основанными на иерархии и требуют от государства также внедрения информационных технологий и новых механизмов управления. В США с 2016 года действует система аналитики и прогноза социально-экономических процессов на основе больших данных, она дает возможность строить модели колебания процентных ставок, уровней рентабельности капитала и инвестиций, денежных потоков.

Россия также внедряет технологии для создания электронного Правительства, одними из них является сайт Госуслуг, доступный всем гражданам страны, на котором можно не только получить ответы на интересующие вопросы по законодательству, но и получить различные персональные документы.

В эпоху цифровой экономики возникают новые социальные вызовы. Исследователи из Оксфордского университета Карл Бенедикт Фрей и Майкл Осборн в 2017 году подсчитали, что 47 % всех профессий в США могут быть частично или полностью заменены роботами в ближайшие 20 лет. «Китайская компания Changing Precision Technology оптимизировала работу на фабрике, занимающейся сборкой мобильных телефонов, заменив 90 % рабочих роботами. На местах остались лишь 60 человек, которые стали обслуживать машины. При этом был отмечен рост производства на 250 % и повышение качества продукции в 2 раза» [4, с. 12]. В таблице 1 показан прогноз по мировому рынку роботов в промышленности.

Таблица 1

Прогноз по рынку роботов в мире (в млрд долларов США)

2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
18,1	20,8	23,5	26,1	28,5	31,2	33,8

Источник: [4, с. 12].

В России в Сбербанке, по прогнозам Германа Грефа, к 2025 году могут быть уволены до 45 тысяч сотрудников, а к 2030 году могут исчезнуть такие живые работники, как бухгалтеры, менеджеры по кредитам, статистики и т.д. – всего до 50 рабочих и интеллектуальных профессий. Создаваемые новые рабочие места требуют высокой квалификации и небольшого числа людей: «компании, активно использующие технологии и новые методы управления, в среднем на 26 % прибыльнее своих конкурентов», – пишут В. В. Зябриков и Д. А. Елисеева. «Пример компании Instagram показывает, что в новой глобальной цифровой экономике один сотрудник может производить продукт на 77 млн долларов» [4, с. 14].

Сокращается и жизненный цикл профессий, поэтому в процессе получения образования необходимо сформировать общие компетенции и способность учиться дальше, развивать память и мотивировать получать новые знания. Правительство Российской Федерации поставило задачи по формированию общих компетенций в программе «Цифровая экономика Российской Федерации» (таблица 2). Одновременно осуществляется потребность в кадрах для народного хозяйства, мониторинг рынка труда.

Таблица 2

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» о формировании кадрового потенциала и компетенций

Задача	Срок
Организовать ежегодный мониторинг кадровой потребности в области разработки "сквозных" технологий цифровой экономики	IV квартал 2018 г., далее ежегодно
Создать пилотные аспирантские и магистерские школы по каждому направлению "сквозных" технологий на базе ведущих вузов и научных организаций	IV квартал 2019 г
Внедрить систему поддержки двухстороннего обмена сотрудниками между научно-исследовательскими организациями и вузами с компаниями в области цифровой экономики	IV квартал 2019 г
Создать постоянно действующий механизм поддержки системы подготовки специалистов высшей квалификации в области "сквозных" технологий	IV квартал 2024 г.

Источник: [4, с. 17].

Средства цифровой экономики, в том числе сетевые технологии, способствуют совершенствованию социальной сферы и модели самой цифровой экономики [5]. Одной из основных сфер цифровой экономики является электронная коммерция, способствующая занятости, особенно молодежи, в малом виртуальном предпринимательстве. Основными составляющими экосистемы электронной коммерции являются: финансы, создание и управление Интернет-магазином,

логистика и склад, работа с клиентской базой, маркетинг и СМИ, обучение, консалтинг. Следует отметить, что электронная коммерция по своему характеру глобальна, а потребители, купившие в Интернет–магазинах различные товары, в 2019 г. в России сделали около 425 млн заказов.

Цифровая экономика меняет деятельность организаций социальной сферы, прежде всего, образования и здравоохранения. Согласно программе «Цифровая экономика Российской Федерации, компаниям, которые обучают граждан цифровым компетенциям, предоставляются налоговые льготы, а компетентность граждан в области цифровой грамотности к 2024 году должна увеличиться с 5 до 60 %, а компетентность правительства – до 100 %.

Приведенные данные свидетельствуют о приближении цифровой экономики к каждому жителю, о ее возрастающем влиянии на социальную сферу. С. А. Анесянц выделяет основные факторы цифровой экономики, которые влияют на развитие социальной сферы России. Для того чтобы экономика дала результаты в производственной и социальной сферах, а также в финансовой, необходимы, по мнению С. А. Анесянц, следующие факторы: «создание современной технологической базы национальной экономики; создание эффективно функционирующей системы, которая гарантировала бы элементы социальной справедливости и равноправия граждан по отношению к закону; реальная и по-настоящему жесткая борьба с коррупцией, особенно в верхних эшелонах власти; наведение элементарного порядка в управлении крупнейшими государственными компаниями, а также банками с госучастием; радикальное изменение кадрового подхода к чиновничьему аппарату всех уровней; изменение бюджетной политики государства и обеспечение преимущественного роста экономики знаний (науки, образования и т. д.)» [7, с. 195].

На рисунке 2 показан вклад цифровой экономики в ВВП Российской Федерации и сравнение с другими странами в 2018 г. (в процентах).

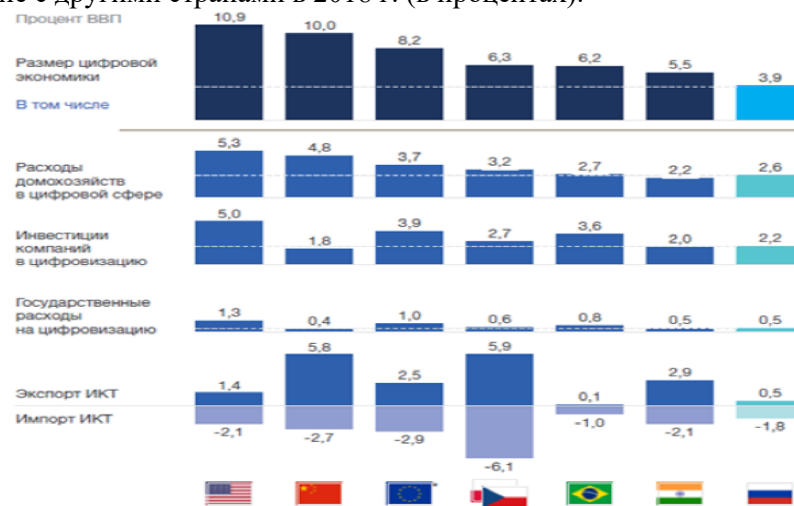

Рисунок 2. Вклад цифровой экономики в ВВП России и других стран
Источник: [8, с. 18].

Из данных, представленных на рисунке 2, следует, что размер цифровой экономике по ее вкладу в ВВП в России в 2,8 раза меньше, чем в США, в 2,6 раза меньше, чем в Китае и в 2,1 раза меньше, чем в Европейском Союзе.

Социальная сфера связана, прежде всего, с предоставлением услуг, и правительства расширяют их за счет государственно-частного партнерства в области образования, здравоохранения и социального обслуживания [9]. Особенно данный подход реализуется в таких европейских странах, как Великобритания, Германия, Ирландия. Государство предоставляет различные льготы таким компаниям и осуществляет надзор над их деятельностью. Поставщиками социальных услуг выступают некоммерческие организации и индивидуальные предприниматели, что закреплено в российском законодательстве Федеральным законом № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2015 года.

Н. В. Студеникин пишет: «современные информационные технологии предоставляют неограниченные возможности для свободной социализации и адаптации всех социальных групп. Например, с целью трудовой адаптации в перспективе социальные службы могут устанавливать компьютеры на дому инвалидам, женщинам с малолетними детьми, пенсионерам. Ограниченным в передвижении инвалидам можно обеспечить полноценное общение с помощью установки компьютеров с выходом в Интернет, в определенных случаях это потребует разработки специфических устройств ввода и вывода компьютерной информации» [9, с. 34]. Пенсионный фонд России создал федеральный реестр инвалидов, а Федеральный фонд социального страхования разработал мобильное приложение для «социального клиента», позволяющее дистанционно получать некоторые услуги данного фонда. В Москве существует система «социальный помощник» для социальных работников, с ее помощью можно формировать заказы на продукты питания и доставку их на дом. Для людей с ограниченными возможностями создается информационная система «Новое качество жизни», сопровождающей социальные гарантии для данной категории граждан.

В Республике Крым также осуществляется цифровизация социально значимых услуг [10]. Н. А. Симченко и соавторы, прежде всего, уточняют понятие услуги и ее свойства:

- 1) неосязаемость, «невозможность воспринять с помощью органов чувств до момента потребления»;
- 2) непостоянство качества, «которое зависит от того, кто, когда, в каких условиях и для кого производит услугу»;
- 3) одновременность как предоставления, так и потребления;
- 4) «невозможность сохранения услуги в виде реального физического объекта»;
- 5) «адресность, локальность и многообразие форм» [10, с. 225].

Цифровизация в Российской Федерации охватывает такие сферы социальных услуг, как жилищно-коммунальные, здравоохранение и образование. Данные направления характеризуются такими изменениями, как новые формы коммуникаций с потребителями, использование информационных систем и автоматизированное управление на основе программного компьютерного

обеспечения, новые формы экономических отношений в виде дистанционных обращений и ответов, а также электронных платежей. В здравоохранении – это дистанционные консультации, диагностика, использование Интернет вещей и новых компьютерных устройств, например, компьютерной томографии, позволяющей быстро и точно поставить диагноз пациенту в ряде сложных случаев. Для клиентов социальных услуг создаются специализированные базы данных, облегчающие их обслуживание, делающие его более адресным и качественным. Формируется новый рынок Health Net, представляющий собой персонализированные медицинские услуги и лекарственные средства.

На сайте Госуслуг в разделе «Квартира, строительство и земля» можно получить следующие услуги: оплатить и оформить льготы на оплату жилищно-коммунальных услуг, получить разрешение на строительство, изменить категорию жилья, согласовать перепланировку, поставить на учет нуждающихся в жилье и другие.

Процессы цифровизации социальной сферы имеют как цифровые, так и социальные риски. К первым следует отнести цифровое неравенство, ко вторым – гендерный разрыв. Данные проблемы исследуют в своих работах О. В. Шиняева, О. М. Слепакова [12] и П. А. Кисляков и Е. А. Шмелева [13].

На рисунке 3 показаны возрастные группы Интернет-аудитории и их доля в соответствующей группе населения России.

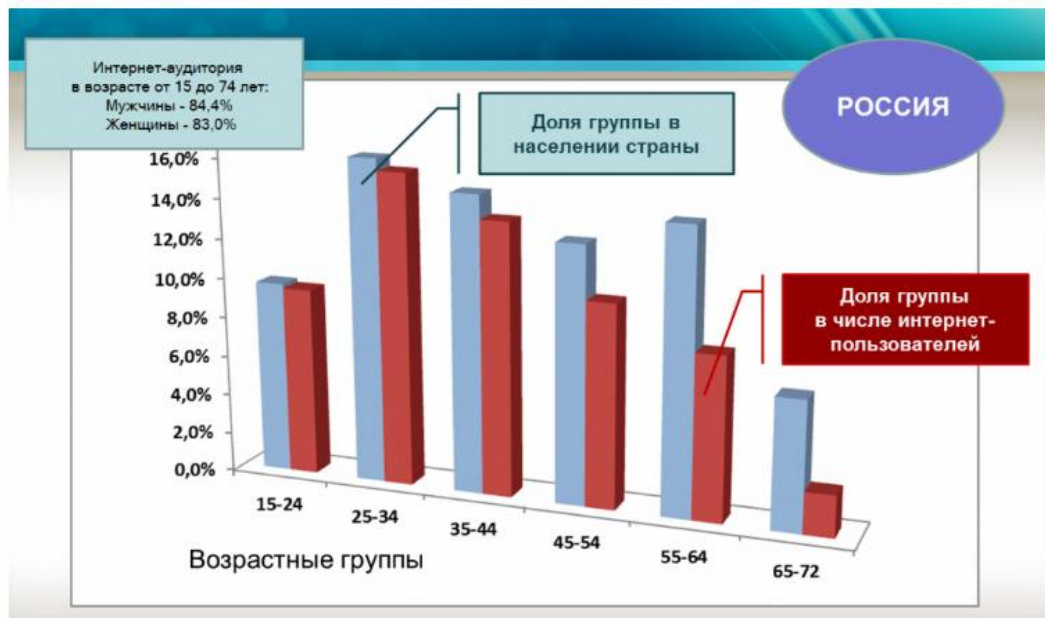

Рисунок 3. Возрастные группы пользователей Интернет

Диаграмма на рисунке 3 показывает, что основная группа пользователей Интернет – это люди возраста 25–34 года и доля их в населении страны является также самой высокой. Доля молодежи среди населения Земли составляет около 15 %, но все они на 100 % являются пользователями Интернет. Среди людей старше 65 лет всего 20 % пользуются Интернет.

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ЦИФРОВОЙ...

В России существует следующее распределение проникновения Интернета по федеральным округам (таблица 3).

Таблица 3

Федеральные округа: Интернет и ВВП на душу населения

	СКФО	ЮФО	ПФО	СФО	ДФО	УФО	СЗФО	ЦФО
Интернет (% населения)	69	69	66	70	73	68	76	70
ВВП (руб)	112491,6	197948,2	234121,9	249039,0	401695,6	517533,6	345301,2	420102,4
Затраты на ИКТ на 1 работника	1720	4840	5870	7280	8110	10830	11860	13090
Число ПК на 100 работников	33	37	35	37	39	37	43	45

Источник: составлено автором по данным Росстата

Как следует из данных таблицы 3, в России имеется существенный разброс между округами по доле ВВП на душу населения, по затратам на ИКТ на 1 работника и по числу персональных компьютеров на 100 работников. Так, самый высокий охват населения сетью Интернет существует в Северо-Западном федеральном округе (76 %), самый низкий – в Поволжском (66 %), разница составляет 10 %. Большая разница наблюдается в величине ВВП на душу населения: в Уральском федеральном округе это 517533,5 руб., а в Северо-Кавказском – 112491,6 руб., что в 4,6 раза меньше. Затраты на ИКТ на одного работника также сильно отличаются: от 10830 руб. в Уральском ФО до 1720 руб. в СКФО, что в 6,3 раза меньше. Таким образом, можно сделать вывод, что в России наблюдается как финансовое, так и информационное неравенство между округами.

В таблице 4 показаны результаты опроса О. В. Шиняевой и О. М. Слепаковой об использовании Интернета жителями России.

Таблица 4

Использование сервисов Интернет жителями России

Как Вы используете Интернет?	Всего	Возраст			Уровень компьютерной грамотности			
		18–35	36–55	От 56 лет	Очень низкий	Начальный	Средний	Продвинутый
Интернет-платежи за услуги, квартплату	43	45	48	31	0	37	43	64
Покупка в интернет-магазинах	39	49	40	19	2	33	40	60
Общение в социальных сетях	59	55	57	60	49	52	68	42
Заказ билетов	22	29	23	10	0	18	22	56
Заказ продуктов, такси через мобильные приложения	20	30	20	7	0	14	17	50
Обмен письмами по электронной почте	39	54	46	27	3	28	42	58
Просмотр видео, скачивание	51	55	50	46	40	50	51	51
Все из перечисленного	13	23	7	4	6	10	14	49
Средний уровень активности	39	45	41	29	13	33	40	54

Источник: [12, с. 59]

Из данных таблицы 4 следует, что 59 % населения общается в социальных сетях, 51 % скачивают и смотрят видео, 39 % делают покупки в Интернет–магазинах и 43 % осуществляют различные платежи. Приведенные данные свидетельствуют о потенциале российского общества в использовании ресурсов и возможностей Интернет.

В России существует гендерное неравенство в области ИТ–технологий. Как показывают П. А. Кисляков и Е. А. Шмелева, «по неофициальной статистике в России лишь половина девушек, получивших ИТ–образование, устраиваются по специальности. Согласно данным Росстата, в экономике России в целом доля женщин в ИТ–отрасли не превышает 23 %, среди работников высшего уровня квалификации она составляет 21,6 %, среднего – 24,2 %» [13, с. 19]. Имеется также разрыв в заработной плате. Так, женщины высокой ИТ–квалификации получают 82,8 % зарплаты мужчин, а среди работников средней квалификации и того меньше – 68,3 %.

Указанные проблемы составляют риски для развития ИТ–отрасли в Российской Федерации.

ВЫВОДЫ

В данной статье рассмотрено управление развитием социальной сферы в цифровой экономике, которая во многом зависит от внедренные в соответствующие организации информационные технологии. При реализации любого масштабного проекта, особенно касающегося социальной сферы, требуются изменения в механизмах управления, новые формы управления в бизнесе, создающиеся благодаря сбору больших наборов данных и алгоритмам их обработки. В эпоху цифровой экономики возникают новые социальные вызовы, в том числе сокращение персонала в связи с использованием автоматизированных производств и искусственного интеллекта в управлении, также сокращается жизненный цикл профессий. Социальная сфера связана, прежде всего, с предоставлением услуг и правительства и расширением их за счет государственно-частного партнерства в области образования, здравоохранения и социального обслуживания. Процессы цифровизации социальной сферы имеют как цифровые, так и социальные риски. К первым следует отнести цифровое неравенство, ко вторым – гендерный разрыв.

Список литературы

1. Competing in the digital age: Policy implications for the Russian Federation. Russia Digital Economy Report. World Bank Group, September 2018. 150 p.
2. Иванов Г. Г., Малинецкий Г. Г. Стратегические приоритеты цифровой экономики // Стратегические приоритеты. 2017. № 3 (15). С. 54–95.
3. Корчагин С., Польщиков Б. Цифровая экономика и трансформация механизмов государственного управления: риски и перспективы для России // Свободная мысль. 2018. № 1 (1667). С. 23–36.
4. Зябриков В. В., Елисеева Д. А. Социальные вызовы в эпоху цифровой экономики // Вестник Белого генерала. 2020. № 3. С. 10–20.
5. Фролов Р. Н. Роль и место сетевых технологий в построении модели новой цифровой экономики // Сфера услуг: инновации и качество. 2019. № 42. С. 105–112.

6. Коршунов Г. П., Кройтор С. Н. Проблема уровня и качества жизни в эпоху цифровизации // *Logos et Praxis*. 2019. Т. 18. № 2. С. 34–38.
7. Анесянц С. А. Основные факторы, влияющие на развитие социальной и финансовой сферы Российской Федерации в условиях цифровой экономики // *Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию*. 2019. Т. 5. № 1. С. 191–200.
8. Тяглов С. Г., Чубукова И. В. Развитие цифровой экономики на предприятиях и организациях социальной сферы // *Международный журнал экономики и образования*. 2019. Т. 5. № 1. С. 5–28.
9. Студеникин Н. В. Влияние цифровых технологий на социальные услуги: мировой опыт и перспективы в России // *Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2018. № 1. С. 32–36.
10. Симченко Н. А., Троян И. А., Горячих М. В., Андрющенко Е. С. Цифровизация социально значимых услуг в условиях цифровой трансформации экономики Республики Крым // *Сервис в России и за рубежом*. 2019. Т. 13. № 2 (84). С. 223–234.
11. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/05/programmaCE.pdf>.
12. Шиняева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2019. № 1. С. 53–61.
13. Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Цифровой гендерный разрыв как фактор риска социальной безопасности российского общества // *Женщина в российском обществе*. 2018. № 3 (88). С. 14–25.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 338.46

БИЗНЕС–ПРОЦЕССЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ ВНУТРИХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Бабин М. М.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: fanat-ml@yandex.ru

Статья раскрывает теоретико-методические подходы к сущности и содержанию бизнес–процессов предприятия в контексте внутрихозяйственного планирования его деятельности. Проведен мониторинг различных дефиниций понятия «бизнес–процессы», уточнены их существенные характеристики, обозначена их роль в формировании плановых показателей организации. На основании данных проведенного научно-библиографического исследования выявлен наиболее эффективный метод стратегического планирования бизнес–процессов – моделирование, отражены его стадии, виды и принципы. В завершение проведен анализ систем показателей эффективности планирования бизнес–процессов, выделены их достоинства и недостатки.

Ключевые слова: планирование, управление, процессный подход, бизнес–процессы, предприятие, моделирование, метод, эффективность.

ВВЕДЕНИЕ

Современные предприятия ставят перед собой разные цели: от завоевания и удержания лидерства в своем секторе рынка до обеспечения минимально необходимой прибыльности и конкурентоспособности. В процессе их достижения возможны различные препятствия как обусловленные несогласованностью управленческих решений, особенно с учетом долгосрочной перспективы, так и отсутствием системы планирования бизнес–процессов. Именно подход, при котором вся деятельность организации разбивается на множество бизнес–процессов, является наиболее приемлемым и максимально содействующим достижению ее целей. При процессном подходе к планированию каждая структурная единица предприятия обеспечивает выполнение конкретных бизнес–процессов, в которых она принимает участие, повышается управляемость и эффективность деятельности компании в целом. Совершенствование бизнес–процессов обеспечивает улучшение количественных и качественных показателей, содействует повышению конкурентоспособности предприятий.

Активизация научных исследований в сфере изучения бизнес–процессов предприятий датируется концом прошлого столетия. Новые технологии и методы планирования требовали стандартизации и структурирования бизнес–процессов с целью автоматизированного управления. Результатом этих исследований стали научные работы А. В. Шеера, У. Э. Деминга, Е. З. Зиндера и ряда других ученых, осуществивших значительный вклад в теорию бизнес–процессов. В то же время эти исследования носили преимущественно технический характер и были ориентированы на описание последовательности операций и бизнес–процедур, структурирование и классификацию бизнес–процессов, поиск взаимосвязей и взаимозависимостей между ними.

Возрастающая роль конкуренции и предпринимательства изменили траекторию исследования бизнес–процессов с позиции технической регламентации на стратегии их управления. В этом направлении в разные годы работали Дж. Вумек, Д. Джонс, Б. Андерсен, Т. Дейвенпорт, Дж. Шорт, М. Портер, Дж. Харрингтон и др. Среди отечественных исследователей последних лет можно выделить труды Г. Г. Банчук, С. М. Баранцевой, Ю. В. Вертаковой, А. С. Головковой, Е. З. Зиндера, А. К. Коптелова, Е. Г. Ойхмана, В. В. Репина и целого ряда других ученых. Вместе с тем понятийный аппарат бизнес–процессов предприятия как объекта внутрихозяйственного планирования остается не до конца изученным.

Целью проведенного в рамках данной статьи исследования явилось научное обоснование процессного подхода к внутрихозяйственному планированию деятельности современных предприятий.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Термин «бизнес–процесс» является сегодня одним из наиболее востребованных в теории и практике предпринимательской деятельности и имеет множество определений и интерпретаций. Прежде всего, это связано со стремительным развитием процессного подхода к управлению предприятием в целом и системе его планирования, в частности. Многочисленные исследования подтверждают высокую эффективность данного подхода, применение которого существенно снижает необходимость краткосрочного планирования и оперативного управления различными функциями организации [1].

Согласно Современному экономическому словарю под ред. Б. А. Райзберга, «бизнес (англ. «business» – дело, предпринимательство) – это экономическая, коммерческая, биржевая или предпринимательская деятельность, направленная на получение прибыли» [2]. В свою очередь, процесс – это «последовательное, закономерное изменение состояний или явлений; ход развития чего-либо; совокупность последовательных действий и (или) средств, направленных на достижение определенного результата» [3].

Номинальное объединение определений терминов «бизнес» и «процессы» формирует первичное трактование сущности категории «бизнес–процессов» как совокупности последовательных действий экономического, коммерческого, биржевого или предпринимательского характера, ориентированных на получение прибыли. Примерами бизнес–процессов могут выступать производство, сбыт и снабжение, внешнеэкономическая деятельность, рекламные кампании и т. д.

Конечно, для целей научного исследования такое определение является поверхностным, поскольку содержит характеристику исследуемой категории без учета взаимосвязи бизнес–процессов и внутрихозяйственного планирования, их значения в стратегическом развитии деятельности предприятия.

По определению А. В. Шеера, «бизнес–процессы – это связанный набор повторяемых действий, которые превращают входной материал и/или информацию в конечный продукт в соответствии с заранее установленными правилами» [4]. Данное определение дает четкое понимание сущности процесса, однако имеет

определенные недостатки: во-первых, совокупным результатом всех бизнес-процессов является формирование добавочной стоимости, а выполнения отдельно взятого бизнес-процесса – результаты, являющиеся входом для следующего процесса, или конечным результатом всей цепочки создания стоимости. Во-вторых, входами бизнес-процессов могут выступать не только материалы и информация, но и другие виды ресурсов предприятия.

Особого внимания заслуживает определение, предложенное М. Хаммером и Дж. Чампи. По мнению ученых, «бизнес-процессы – это совокупность различных видов деятельности, в рамках которых “на входе” используется один или более видов ресурсов, а на “выходе” создается продукт, представляющий ценность для потребителя» [5]. Сущность определения соответствует функциональному подходу, в соответствии с которым бизнес-процессы являются своеобразным механизмом, преобразующим ресурсы в результаты. Вместе с тем авторы не выделяют системность и взаимосвязанность процессов в качестве их определяющих характеристик, что противоречит внутренней сущности управления предприятием.

Значительный вклад в теорию бизнес-процессов внесли Т. Дейвенпорт и Дж. Шорт, определившие, что «бизнес-процессом необходимо считать набор логически взаимосвязанных действий, выполняемых для достижения определенного “выхода” бизнес-деятельности» [6]. Данная трактовка полнее отображает экономическую сущность бизнес-процессов, дополняя их сугубо техническую направленность на автоматизацию деятельности.

Важный вклад в изучение бизнес-процессов внесли М. Портер и В. Миллар, которые рассматривали их в контексте «цепи создания стоимости». С точки зрения авторов, «бизнес-процессы – это комплекс видов деятельности, которые определяются точками “входа” и “выхода” и используют организационные ресурсы с целью создания ценности товаров/услуг для потребителя» [7].

В. Е. Деминг определяет бизнес-процессы как «любые виды действий в функционировании организации» [8]. Несмотря на значительный вклад ученого в развитие теории бизнес-процессов, данное определение является весьма обобщенным и даже в некоторой степени ошибочным, так как не каждое действие в организации можно отнести к бизнес-процессам.

Согласно определению Д. Харрингтона и К. С. Эсселинга, «бизнес-процессы – это логический, последовательный, взаимосвязанный набор действий, в результате которых потребляются ресурсы поставщика, создается ценность и выдается результат покупателю» [9]. Значимость научных результатов, полученных учеными, заключается в том, что они разработали иерархию бизнес-процессов, выделив основной бизнес-процесс (объединяющий несколько функций в рамках одной организационной структуры), подпроцесс (часть основного процесса, выполняющая специфическую роль в функционировании организации) и мероприятие (действия, выполняемые в рамках подпроцесса).

В исследование и развитие теории бизнес-процессов значительный вклад внесли и отечественные ученые, стоявшие у истоков формирования данной научной категории. Отдельные из них реализовали собственные проекты по изучению, проектированию и внедрению бизнес-процессов. Так, Е. З. Зиндер, президент Фонда

«ФОСТАС», в своих трудах дает такое толкование анализируемого термина: «бизнес–процессы – это логические последовательности взаимосвязанных действий, в которых предприятия используют ресурсы для создания и получения измеримого результата в будущем» [10].

Е. Г. Ойхман и Э. В. Попов определяют бизнес–процессы как «множество внутренних видов деятельности, которые начинаются с одного или более “входов” и заканчиваются созданием продукции, необходимой клиенту, удовлетворяют его видение стоимости, долговечности, сервиса и качества» [11].

В действующей нормативной документации Российской Федерации по стандартизации, в частности, в ГОСТ Р 53114–2008 «Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации», дано следующее определение бизнес–процессов: «бизнес–процессы – это процессы, используемые в экономической деятельности организации» [12].

Понятие «бизнес–процессов» регламентировано и на международном нормативном уровне согласно стандартам ISO/IEC как «ряд взаимосвязанных видов деятельности, которые превращаются во “входы” и “выходы” процесса [13]. В свою очередь, в ГОСТ ISO 9001–2011 «Системы менеджмента качества. Требования» указано, что «деятельность, использующая ресурсы и управляемая в целях преобразования входов в выходы, может рассматриваться как процесс» [13].

На основании проведенного исследования сущности категории «бизнес–процессов» в эволюции научных подходов к данному термину можно выделить техническую (ориентированную на автоматизацию и стандартизацию) и экономическую (управленческую) направленность его толкований. При этом в экономическом подходе можно выделить направленность на внутреннюю среду (ориентированную на повышение эффективности управления и формирование рычагов управления) и направленность на внешнюю среду (ориентированную на взаимодействие с внешней средой и, соответственно, повышение гибкости) [14].

Многообразие подходов к определению понятия «бизнес–процессы» вызвано тем, что именно они выступают «ядром» экономической системы предприятия. С точки зрения внутрихозяйственного планирования, под бизнес–процессами следует понимать систему непрерывных, взаимосвязанных, упорядоченных и управляемых действий (процедур, операций, выполняемых функций) предприятия, направленных на достижение его стратегических, тактических и оперативных планов.

Наиболее полным отражением применения процессного подхода в планировании является управление предприятием как совокупностью бизнес–процессов. Планирование бизнес–процессов в отличие от планирования ресурсов делает управление более ориентированным на эффективность. При таком подходе менеджеры организуют сам процесс (а не работу вверенных им структурных подразделений), что приводит к возможности решения проблемы субоптимизации, являющейся существенным препятствием не только в достижении высоких финансовых результатов, но и в выполнении ежедневных задач.

Практическое использование процессного подхода в планировании деятельности предприятия основано на соответствующих методах и методике их применения. Наиболее широкое применение среди них получили балансовый, расчетно-

аналитический, сетевой и группы программно-целевых и экономико-математических методов. В ряду последних особое место занимает моделирование, представленное тремя направлениями: текстовым, табличным и графическим. Текстовый подход к моделированию бизнес-процессов хозяйствующих субъектов является наиболее простым в реализации и распространенным вариантом, при котором формируется текстовое описание какого-либо процесса.

Второй подход – табличная форма моделирования бизнес-процессов – более эффективна по сравнению с текстовой, поэтому активно применяется в настоящее время специалистами по информационным технологиям для описания бизнес-процессов в отношении задач автоматизации.

В то же время разработчиками программного обеспечения наиболее востребован графический подход, так как при моделировании бизнес-процессов автоматически формируется конкретный алгоритм их реализации, который приемлем не только для специалиста предприятия, но и для заказчика информационных систем.

По мнению Г. Г. Банчук, Л. В. Коптеловой и Ю. В. Кузьминовой, основной целью моделирования бизнес-процессов является достижение конечного результата [15]. На рисунке 1 представлены основные элементы моделирования бизнес-процессов, которые можно подразделить на следующие виды:

- функциональное моделирование, которое направлено на описание процессов, где главным структурообразующим элементом является функция (бизнес-функция, действие, операция), и система представляется в виде иерархии взаимосвязанных функций;

- объектное моделирование, которое направлено на описание процессов, как набора взаимодействующих объектов (производственных единиц);

- имитационное моделирование, которое направлено на моделирование поведения процессов в различных внешних и внутренних условиях с анализом динамических характеристик процессов и с анализом распределения ресурсов.

Виды моделирования бизнес-процессов основаны на принципах декомпозиции, сфокусированности, документирования, непротиворечивости, полноты и достаточности. Данные принципы дают возможность создавать конкретные модели процессов, что способствует описанию большого количества параметров их состояния таким образом, чтобы внутри одной модели компоненты были тесно взаимосвязаны, в то время как отдельные модели оставались в достаточной степени независимыми друг от друга.

Процесс планирования, как и любой элемент системы управления, не заканчивается этапом его реализации. Для оценки эффективности сформированных и внедренных в деятельность организации планов необходим их мониторинг, контроль и оценка. Основой всех существующих научных взглядов по выделению показателей оценивания бизнес-процессов предприятий являются качественный и количественный подходы к анализу объекта исследования. Качественный анализ дает возможность получить информацию об особенностях хода процессов, наличии проблемных участков, «узких мест», лишних или пропущенных функций. Качественный анализ представляет собой четко структурированную характеристику

БИЗНЕС–ПРОЦЕССЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ...

бизнес–процесса, которая является важной основой для дальнейшего проведения количественного анализа.

Рисунок 1. Составляющие моделирования бизнес–процессов.

Источник: [15]

Из всех методов анализа бизнес-процессов наибольшую мировую известность получила система сбалансированных показателей (Balanced Scorecard, BSC), созданная Р. Капланом и Д. Нортеном в начале 90-х годов XX века. Также можно выделить и ряд авторских методик отечественных авторов, например, экспресс-метод оценки бизнес-процессов К. К. Чупрова и методику оценки бизнес-процессов по критическим факторам успеха С. М. Ковалева и В. М. Ковалева.

Система сбалансированных показателей (BSC) представляет собой систему управления, основная цель которой – повышение стратегической эффективности и получение результатов путем преобразования стратегических планов в реальные действия и использование обратной связи между внутренними бизнес-процессами организации и внешними показателями. Авторы системы предлагают рассматривать организацию с точки зрения четырех перспектив: обучения и развития персонала, бизнес-процессов, клиентов, финансовой перспективы [16].

Результатом использования сбалансированной системы показателей выступает информация о наличии квалифицированных и мотивированных сотрудников (составляющая персонала), эффективных бизнес-процессов (составляющая внутренних бизнес-процессов), удовлетворенных потребителей (клиентская составляющая). Но использование сбалансированной системы показателей нуждается в ее адаптации к условиям конкретного предприятия. Отраслевые и культурные отличия не позволят внедрить такую систему показателей путем прямого переноса успешного опыта другого предприятия.

Для успешного функционирования системы сбалансированных показателей предприятие вынуждено будет выделить значительные средства на проведение маркетинговых исследований для получения информации, которая необходима для оценки перспективы клиентов. Значительных усилий и затрат потребуют и аналитические исследования, необходимые для разработки показателей перспективы обучения и развития персонала и перспективы внутренних бизнес-процессов.

При использовании экспресс-метода оценки бизнес-процессов, предложенного К. К. Чупровым, определяются следующие элементы системы оценки эффективности управления бизнес-процессами: показатели эффективности отдельных процессов; качественные показатели продукции предприятия; показатели удовлетворенности клиентов результатами деятельности предприятия; микроэкономические и финансовые показатели деятельности [17].

Экспресс-метод оценки бизнес-процессов основан на принципах и методах структурного моделирования, объектно-ориентированного моделирования, анализа стоимости по процессам и анализа ключевых показателей. Автор предлагает использовать для построения моделей процессов методы функционального моделирования IDEF и DFD или методы моделирования интегрированных информационных систем ARIS, ORACLE, SAP/R3, BAAN. На основе построенных моделей процессов предлагается рассчитывать такие показатели эффективности бизнес-процессов, как сложность, процессность, контролируемость, ресурсоемкость, регулируемость.

Принцип расчетов показателей согласно экспресс-метода оценки бизнес-процессов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Ключевые показатели экспресс–метода оценки бизнес–процессов

Показатель	Формула расчетов*	Нормативное значение
Показатель сложности – это отношение количества уровней декомпозиции модели процессов к общей сумме выделенных процессов. Определяет, насколько сложной является иерархическая структура бизнес–процессов.	$K_{\text{слож}} = \frac{\sum \text{Пур}}{\sum \text{Пэкз}}$	$K_{\text{слож}} \leq 0,66$
Показатель процессности – это отношение количества «разрывов» (отсутствие причинно-следственной связи между subprocessами анализируемого процесса) в бизнес–процессах к сумме классов бизнес–процесса. Характеризует целостность процесса, который может быть определен как проблемный, или как процессный.	$K_{\text{пр}} = \frac{\sum \text{Празр}}{\sum \text{Пкп}}$	$K_{\text{пр}} < 1$
Показатель контролируемости – это отношение количества собственников процесса к количеству классов бизнес–процесса. Характеризует эффективность управления собственниками бизнес–процессами, которые им принадлежат.	$K_{\text{контр}} = \frac{\sum \text{ВП}}{\sum \text{Пкп}}$	$K_{\text{контр}} < 1$
Ресурсоемкость – это отношение количества использованных ресурсов к «выходам», результатам бизнес–процесса. Демонстрирует эффективность использования ресурсов при реализации конкретного бизнес–процесса.	$K_{\text{р}} = \frac{P}{\sum \text{Пвых}}$	$K_{\text{р}} < 1$
Регулируемость – отношение количества регламентной документации к количеству классов бизнес–процессов. Показывает уровень регламентации текущих процессов.	$K_{\text{рег}} = \frac{\sum \text{Прег}}{\sum \text{Пкп}}$	$K_{\text{рег}} \geq 1$

*Условные обозначения: Пур – количество уровней системы бизнес–процессов; Пэкз – количество экземпляров бизнес–процессов; Празр – количество «разрывов» процессов в экземплярах процессов; Пкп – количество классов бизнес–процессов; ВП – число владельцев бизнес–процессов; P – количество используемых для выполнения процесса ресурсов; Пвых – количество выходов в экземплярах бизнес–процессов; Прег – количество регламентирующих нормативных документов.

Источник: [17]

После расчета пяти представленных в таблице 1 показателей эффективности рассчитывается интегральный показатель. Если его нормативное значение находится в пределах $1 \leq \Sigma K < 2$, то бизнес–процесс считается эффективным, а если значение $\Sigma K > 2$, то бизнес–процесс признается неэффективным и требующим изменений.

С. М. Ковалевым и В. М. Ковалевым предложена авторская методика анализа бизнес–процессов по критическим факторам успеха [18]. Для выбора приоритетных бизнес–процессов авторы предлагают оценивать такие показатели, как их важность, проблемность, возможность и стоимость проведения изменений. По этим критериям необходимо проанализировать критические факторы успеха, которые вытекают из миссии компании после ее декомпозиции на стратегические цели. Опираясь на

принцип Парето, ученые из множества стратегических целей избрали восемь, которые и выступают в роли критических факторов успеха (КФУ).

Критерий важности бизнес–процесса характеризует весомость его вклада в достижение стратегических целей компании. Важность бизнес–процесса предлагается определять с помощью матрицы сопоставления КФУ и бизнес–процессов. Количественная оценка важности бизнес–процессов рассчитывается как сумма КФУ, которые влияют на бизнес–процесс, и находится в диапазоне от 1 до 8.

В целом, независимо от выбранной системы показателей, их анализ является незаменимым инструментом для контроля достижения планов предприятия, сравнения с нормативами, стандартами и достижениями конкурентов, для контроля удовлетворенности потребителей.

ВЫВОДЫ

Планирование как неотъемлемый элемент управления деятельностью предприятия переживает в последние годы пик интереса к его сущности и содержанию. На смену господствовавшему ресурсному подходу пришли инновационные методики, среди которых обоснованно выделяется планирование по бизнес–процессам, позволяющее значительно оптимизировать деятельность организации в целом.

На нормативно-законодательном уровне понятие «бизнес–процессов» регламентировано как национальными, так и международными стандартами, однако данные в них определения носят в большей степени технический, нежели экономический характер. С позиции внутрихозяйственного планирования под бизнес–процессами следует понимать систему непрерывных, взаимосвязанных, упорядоченных и управляемых действий (процедур, операций, выполняемых функций) предприятия, направленных на достижение его стратегических, тактических и оперативных планов.

Современные исследователи выделяют качественный и количественный анализ бизнес–процессов. Применение методик качественного анализа дает возможность структурировать процессы, устранить «узкие места», определить очередность их совершенствования. Методики количественного анализа в отличие от качественного анализа оперируют фактами, числовыми величинами, позволяют избежать субъективных оценок и ошибочных интерпретаций, полученных вследствие недостаточной формализации выводов.

Рассмотренные в статье понятийный аппарат, методы и показатели представляют собой лишь часть системы внутрихозяйственного планирования бизнес–процессов предприятия. Данная тема включает в себя еще много проблемных вопросов, требующих научного обоснования, что будет отражено в ходе дальнейших авторских исследований.

Список литературы

1. Ильдарова Е. А. Управление бизнес–процессами в современных организациях // Образование и наука без границ: социально-гуманитарные науки. 2017. № 6. С. 100–103.

БИЗНЕС–ПРОЦЕССЫ ПРЕДПРИЯТИЯ КАК ОБЪЕКТ...

2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА–М, 2017. 512 с.
3. Тюрина А. В. Терминологический словарь финансового менеджера. М.: ИНФРА–М, 2016. 184 с.
4. Шеер А.–В. Бизнес–процессы. Основные понятия. Теория. Методы; пер. с англ. Н. А. Михайлова. М.: Весть–МетаТехнология, 2018. 151 с.
5. Hammer M., Champy J. Reengineering the corporation: a manifest of business revolution. New York: Harper Business, 1993. 223 p.
6. Davenport T. H., Short J. E. Process innovation: reengineering work through information technology. Boston: Harvard Business School Press, 1993. 337 p.
7. Porter M. E., Millar V. E. How Information Gives You Competitive Advantage // Harvard Business Review. 1985. № 85. P. 149–160.
8. Deming W. E. Quality, productivity, and competitive position. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology, Center for Advanced Engineering Study, 1982. 373 p.
9. Харрингтон Дж., Эсселинг К. С. Оптимизация бизнес–процессов: документирование, анализ, управление, оптимизация. СПб.: Азбука, 2018. 317 с.
10. Зиндер Е. З. Направляемый ценностями инжиниринг предприятий // Бизнес–информатика. 2018. № 3 (45). С. 7–19.
11. Ойхман Е. Г., Попов Э. В. Реинжиниринг бизнеса: реинжиниринг организаций и информационные технологии. М.: Финансы и статистика, 2017. 333 с.
12. ГОСТ Р 53114–2008 «Защита информации. Обеспечение информационной безопасности в организации» [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-r-53114-2008>.
13. ISO/IEC. Оценка и аттестация зрелости процессов создания и сопровождения программных средств и информационных систем (ISO/IEC TR 15504–СММ). М.: Книга и Бизнес, 2019. 348 с.
14. Вайкок М. А. Оценка влияния бизнес–процессов на эффективность деятельности промышленного предприятия // Российское предпринимательство. 2014. Том 15. № 8. С. 71–82.
15. Банчук Г. Г., Коптелова Л. В., Кузьминова Ю. В. Итеративные методы моделирования бизнес–процессов хозяйствующих субъектов // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 1 (68). С. 168–178.
16. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей: от стратегии к действию. М.: ЗАО «Олимп–Бизнес», 2005. 214 с.
17. Чупров К. К. Управление процессами в современных организациях: теория и практика процессного управления: монография. М.: РГГУ, 2013. 247 с.
18. Ковалев С. М., Ковалев В. М. Выбор бизнес–процессов для оптимизации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.betec.ru/index.php?id=6&sid=39>.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 658.8: 005.21

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ НА РАЗВИТИЕ ЛОКАЛЬНОГО РЫНКА ПРЕДПРИЯТИЯ

Бобарыкина Е. Н., Хохлов В. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: elena_bobarykina@mail.ru

В статье отражаются результаты исследования воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка электротехнических товаров. Установлено, что локальный рынок является одним из типов рынка, объединённого географическим признаком. Предложено под локальным рынком понимать систему экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями товаров и услуг, предназначенных для личного потребления, в процессе их приобретения, свойственную определенной территории.

Проведена оценка воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К» методом экспертных оценок. За основу бралась десятибалльная шкала оценки, которая позволила вывести интегральную количественную и качественную оценку влияния каждого фактора на развитие локального рынка ООО «Новацентр К».

Представлен сводный результат оценки воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К», который позволил установить доминантность воздействия экономических и политико-правовых факторов.

Ключевые слова: локальный рынок, спрос, предложение, электротехнические товары, фактор влияния, эксперт, балльная оценка.

ВВЕДЕНИЕ

Рынок является сложной экономической категорией, непосредственно влияющей на уровень развития экономики страны. Современные экономические условия характеризуются ростом рыночного предложения, увеличением количества мест приобретения товаров, применением в торговле технологий мультимедийных продаж и продвижения. Все это привело к тому, что на товарных рынках существует проблема поиска наиболее оптимальных путей привлечения и дальнейшего удержания клиентов, которые пытаются выбрать для себя наиболее удобный канал получения необходимой информации и совершения покупки.

В государстве формируется многоуровневая система отраслевых товарных рынков – национального, регионального, локального. Исследование факторов развития каждого из этих видов рынков, в том числе локального, является актуальной и своевременной задачей. В отношении воздействия внешней среды на рынки необходимо сказать, что ее факторы оказывают существенное влияние на развитие локального рынка в целом и его отдельных хозяйствующих субъектов. Особое значение этому придает то, что данные факторы в основном слабо поддаются регулированию и контролю со стороны субъектов рынка, поэтому имеется настоятельная потребность в их идентификации и оценке.

Изучению проблем развития локального рынка уделялось и уделяется значительное внимание. Среди основоположников зарубежной теории развития локальных рынков можно выделить труды П. Фарриса, Н. Бендла, П. Пфайфера,

П. Д. Рейбштейна, предложивших показатели для различных способов развития рынка [17]. Инвестиции и технологии развития локальных рынков исследовали Дж. Ленскольд и А. Винклер. По их утверждению, без инвестиционно-технологического обеспечения развитие локальных рынков, как и каких-либо других, вообще невозможно [9]. Большой вклад в теорию развития локальных рынков внесли Ф. Котлер, Г. Армстронг, А. Рубинфельд [7, 8, 14].

Процедура формирования и развития локальных рынков большинством ученых рассматривается через призму теории воспроизводства, поскольку именно воспроизводственные процессы позволяют выявить экономические связи между субъектами рынка, проанализировать роль хозяйствующих субъектов и воспроизводственные пропорции развития локальных рынков. Решению данной проблематики посвящены труды Д. Аакера, В. Кумара, Дж. Дэйа [1], Ф. Райхельда, Т. Тила [13], Л. Данченко, В. Зотова, Т. Дейнекина [4] и др.

Таким образом, научная разработанность данного направления исследования достаточна, однако в научном мире пока нет единого мнения в отношении определения понятия локального рынка. Исходя из области своих научных интересов, каждый автор рассматривает данное понятие и процессы, происходящие на локальном рынке, через призму собственных убеждений, что создает предпосылки для их уточнения, а также определения набора факторов воздействия и методов оценки. У исследователей также нет единства мнений относительно разграничения понятий локальный, местный и региональный рынок.

Исходя из этого, целью исследования явилась разработка теоретических и практических подходов к исследованию сущности и факторов развития локальных товарных рынков. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- определить понятие и экономическую сущность локальных рынков;
- выделить и систематизировать факторы воздействия внешней среды на развитие локального рынка на примере электротехнических товаров;
- оценить влияние различных групп факторов внешней среды предприятия на развитие локального товарного рынка.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Общепризнано, что рынок – это система организации товарно-денежных отношений, возникающих в ходе обмена ценностями, которая функционирует под постоянным воздействием различного набора факторов, влияющих с различной силой.

Одной из разновидностей рынка является локальный рынок. Обобщение научных источников [2, 3, 5, 10, 12, 15, 16] показывает, что региональный потребительский рынок и местный (локальный) потребительский рынок представляют собой разновидность, отдельный класс в общей рыночной структуре (табл. 1).

Таблица 1

Определение категории «локальный рынок»

Автор	Определение
Словарь финансовых терминов [15]	Локальный рынок (местный) – это совокупность отношений продавцов и покупателей конкретного товара или товарной группы, сфера деятельности которых ограничивается преимущественно одним городом, районом или определенной их частью.
Л. Я. Баранова, А. И. Левин [2]	Локальный рынок – это рынок какой-либо местности, включающий некоторую совокупность населенных пунктов. Авторы отмечают, что понятие «локальный рынок» применимо в основном по отношению к рынку товаров народного потребления и платных услуг.
А. Г. Гранберг [3]	Автор в зависимости от масштабов и локализации обменной деятельности выделяет разноразмерную структуру общественного рынка, утверждая, что локальный рынок – это местный (внутрипоселенный) рынок, имеющий особенности, присущие только ему, исходя из ментальных, нравственных, культурных особенностей местности.
Э. В. Пешина, С. С. Конторусова, Н. В. Чащина [12]	По мнению данных авторов, локальный рынок является сферой обмена объектами собственности между отдельными юридическими лицами (средства производства, услуги, ценные бумаги, кредитные средства), между юридическими и физическими лицами (средства производства, услуги, товары народного потребления, ценные бумаги), а также между физическими лицами (услуги и товары народного потребления) на конкретной территории.
Н. В. Новикова [10]	Локальный рынок – это система экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями товаров и услуг, предназначенных для личного потребления, в процессе их приобретения, которая присуща определенной территории (городу, городскому району, городу с окрестностями, сельскому поселению, муниципальному образованию).
А. И. Татаркин, Г. Г. Муфтиев, И. В. Царев [16]	Локальный рынок – это система, образованная совокупностью торговых отношений между продавцами и потребителями товарной группы на конкретной территории. Сфера отношений между экономическими агентами, как правило, ограничена одним городом или районом.
А. Н. Демьяненко [5]	Локальный рынок характеризуется как внутрирегиональный, на котором происходит интенсивное и непосредственное взаимодействие агентов рынка

Указанные авторы едины во мнениях относительно границ локального и регионального рынка, объединяя их по территориальному признаку. Разделяя такую точку зрения, предлагаем следующее авторское определение понятия «локальный рынок» – это система экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями товаров и услуг, предназначенных для личного потребления, в процессе их приобретения, свойственная определенной территории (городу, городскому району, городу с окружением, сельскому поселению, муниципальному образованию).

С учетом того, что локальный рынок представляет собой ограниченное пространство, на котором реализуются товарно-денежные отношения, считаем, что основными компонентами механизма его функционирования являются спрос, предложение, цена и конкуренция. Это нужно учитывать в дальнейшем при формировании системы факторов воздействия на развитие локального рынка.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ...

Также следует отметить, что спрос на локальном рынке проявляется в форме распределения потребностей населения данной территории, выраженных в денежной форме. Предложение проявляется в виде рассредоточенной совокупности товаров и услуг в пространстве, которые представлены на рынке при определённом уровне цен. Цены на локальном рынке формируются под воздействием локальных, региональных, национальных и мировых факторов.

Обобщение научных исследований позволило установить, что локальный рынок включает в себя три укрупненных сегмента: рынок продовольственных товаров, рынок непродовольственных товаров, рынок потребительских услуг, которые тесно взаимосвязаны между собой. Исходя из совокупности различных мнений, установлено, что объектом локального рынка является продукт, прилагаемый потребителю продавцом для индивидуального потребления в виде товаров и услуг.

Субъектами локального рынка являются все участники процесса обмена, а именно: потребители (постоянное и приезжее население данной территории); товаропроизводители и производители услуг (предприятия, организации, учреждения и частные лица), предприятия и индивидуальные предприниматели сферы розничной и в меньшей степени оптовой торговли (посредники).

Центральным звеном любого локального рынка являются точки продажи – торговые предприятия розничной и мелкооптовой торговли, поддерживающие коммерческие связи с товаропроизводителями и дистрибьюторами товаров, с одной стороны, и реализующие товары конечному потребителю, с другой. Предприятия торговли могут реализовать закупаемую продукцию на всех рыночных уровнях, включая государственный и межгосударственный. Вместе с тем сам смысл коммерческой деятельности типичного торгового предприятия состоит в том, чтобы наилучшим образом удовлетворять спрос ближайшего рыночного потребительского окружения и на этой основе обеспечивать свое экономическое развитие.

Соответственно, для торгового предприятия локальный рынок приобретает дополнительные и специфические характеристики. Если для локального рынка в целом важны такие параметры, как его емкость, глобальный спрос, уровень конкуренции, конъюнктура, то для конкретного торгового субъекта данные характеристики рынка трансформируются в понятия торгового трафика, торговой зоны, целевого рыночного потребительского сегмента, развитости инфраструктуры, платежеспособного спроса, благоприятной или неблагоприятной внешней экономической, административной и социокультурной среды. Таким образом, понятие локального рынка торгового предприятия можно определить как целевой сегмент рыночного пространства, ограниченного территориальной торговой зоной, предлагающий потребителям востребованный ассортимент товаров в условиях активного взаимодействия с различными факторами внешней среды.

На формирование и развитие локального рынка торгового предприятия оказывают влияние разнообразные факторы, которые можно разделить на факторы влияния внешней и внутренней среды. Внутренняя маркетинговая среда торгового предприятия характеризуется, главным образом, технико-технологическими возможностями предприятия, способами организации торговли, применяемой товарной и ценовой политикой. Данная группа факторов в большинстве своем может

быть объектом воздействия самого предприятия и их действие учтено менеджментом организации.

В отношении внешней среды воздействия необходимо сказать, что ее факторы оказывают существенное влияние на развитие локального рынка в целом и его отдельных хозяйствующих субъектов. Особое значение этому придает то, что данные факторы в основном не контролируются самими предприятиями, поэтому имеется настоятельная потребность в их идентификации и оценке.

Ввиду слабой возможности формализации для оценки факторов внешнего воздействия на развитие локального рынка в исследовании использовался метод экспертных оценок, который позволяет получить объективную оценку в целевом анализе на основе определенной совокупности индивидуальных мнений экспертов. Эксперт – это лицо (специалист), которому доверено высказать мнение о какой-то противоречивый или сложной ситуации [6].

В исследовании в качестве объекта было использовано торговое предприятие ООО «Новацинтр К», которое представлено несколькими гипермаркетами, размещенными на территории Крыма: гипермаркет № 3, г. Севастополь, ул. Отрадная, 15, и гипермаркет № 2, ул. Генерала Мельника, 150. В Симферополе структуры предприятия представлены гипермаркетом № 4 по пр. Победы, 245, и гипермаркетом № 6, шоссе Объездная – Ялта, 20 [11].

В качестве экспертов были привлечены сотрудники ООО «Новацинтр К» в количестве восьми человек. Компетентность экспертов установлена объективным документальным методом, который предполагает подбор экспертов, исходя из их подтвержденных профессиональных характеристик. Каждый из восьми экспертов имеет стаж работы в оптово-розничной сети не менее пяти лет и свидетельство о повышении квалификации за последние два года. Все эксперты ведут активную профессиональную деятельность, участвуя в различных маркетинговых мероприятиях, конференциях потребителей с докладами.

Оценка влияния факторов внешней среды проведена в три этапа. На первом этапе экспертами проведено установление приоритетности и силы воздействия факторов внешней среды. После обработки мнений экспертов была определена система факторов макроокружения по группам (семь факторов по каждой группе).

На втором этапе проведена экспертная интегральная количественная и качественная оценка влияния каждого фактора на развитие локального рынка ООО «Новацинтр К». За основу бралась десятибалльная шкала оценки.

На третьем этапе с целью оценки согласованности и исключения случайностей мнений экспертов в исследовании рассчитывался скорректированный коэффициент конкордации.

Результаты оценки факторов воздействия внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацинтр К» приводятся в таблицах 2–8.

Таблица 2

Результаты оценки воздействия группы технологических факторов на развитие локального рынка ООО «Новацентр К»

№ п/п	Оценочные критерии	Эксперты								Σ ранг влияния
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1.	Технологии производства продукции и оказания услуг	7	7	8	7	7	6	7	6	55
2.	Технологии транспортировки, хранения товаров	6	6	7	6	6	7	7	7	52
3.	Технологии обслуживания покупателя	9	9	9	8	10	9	10	10	74
4.	Технологии осуществления расчетов и платежей	7	8	8	8	7	8	7	8	61
5.	Возможность использования средств коммуникации	6	7	6	7	7	6	6	5	50
6.	Доступ к информационным ресурсам, технологиям	7	8	8	7	7	8	7	6	58
7.	Вопросы интеллектуальной собственности	4	4	3	4	3	5	6	4	33
Итого		46	49	49	47	47	49	50	46	383

Из результатов оценки следует, что технология обслуживания покупателя является наиболее существенным фактором воздействия. Суммарное значение ранга данного показателя составило 74 балла. По мнению экспертов, технологии обслуживания покупателей формируют конкурентоспособность ООО «Новацентр К» в целом. Также эксперты высоко оценили влияние технологий расчетов и платежей – 61 балл, полагая, что это позволяет оперативно осуществлять все необходимые платежи. Достаточно высокий рейтинг получил показатель «доступ к информационным ресурсам, технологиям» – 58 баллов. По мнению экспертов, наряду с двумя предыдущими показателями данный фактор является доминирующим, поскольку благодаря ему обеспечивается оперативность в принятии стратегических и тактических решений.

Из числа факторов политико-правового воздействия, по мнению экспертов, наибольшее отрицательное влияние на развитие ООО «Новацентр К» оказывает налоговое и трудовое законодательство (табл. 3).

Таблица 3

Результаты оценки группы политико-правовых факторов ограничивающего воздействия на развитие локального рынка ООО «Новацинтр К»

№ п/п	Оценочные критерии	Эксперты								Σ ранг влияния
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1.	Нормы федерального законодательства	8	8	9	8	8	8	9	9	67
2.	Нормы налогового и трудового законодательства	10	10	9	10	10	9	9	10	77
3.	Нормы регионального законодательства	8	9	9	10	10	9	9	9	73
4.	Нормы пожарной безопасности	8	9	9	10	10	9	9	9	73
5.	Санитарно-гигиенические нормы.	8	9	8	8	8	9	8	8	66
6.	Законодательство о защите прав потребителей.	6	6	5	4	5	4	4	3	37
7.	Нормативные акты органов местного самоуправления	8	9	9	9	9	9	9	9	71
Итого		56	60	58	59	60	57	57	57	464

Это связано с тем, что изменения как в налоговом (повышение налоговых ставок), так и трудовом (повышение минимальной заработной платы) законодательстве всегда влекут за собой финансовую нагрузку на предприятие. Средства, которые оно могло бы вложить в материально-техническую базу, уходят на уплату налогов. Нормы регионального законодательства и пожарной безопасности также связаны с повышением платежей, поэтому данная категория в оценке экспертов занимает второе место по степени негативного воздействия. Нормативные акты органов местного самоуправления по силе воздействия оказывают существенное влияние на развитие локального рынка (71 балл).

Из числа демографических факторов по влиянию на развитие локального рынка экспертами как наиболее существенный выделен показатель миграционного воздействия (табл. 4).

По мнению экспертов, это связано с тем, что отток населения в работоспособном возрасте приводит к дефициту рабочей силы, что влечет спекулятивную цену на труд и отрицательно сказывается на конечном результате деятельности ООО «Новацинтр К». Наименьшую оценку получил показатель естественного прироста населения, эксперты считают, что на темпы развития локального рынка электротехнических товаров данный показатель влияет меньше всего. Остальные показатели воздействия группы демографических факторов получили практически равный суммарный ранг влияния в диапазоне 60–68 баллов, поскольку данные факторы оказывают практически одинаковое воздействие на формирование спроса и, как следствие, развитие локального рынка электротехнических товаров.

Таблица 4

Результаты оценки воздействия группы демографических факторов на развитие локального рынка ООО «Новацентр К»

№ п/п	Оценочные критерии	Эксперты								Σ ранг влияния
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1.	Численность населения	8	7	8	8	9	9	8	8	65
2.	Миграционное воздействие	10	10	10	10	10	10	10	10	80
3.	Соотношение городского и сельского населения	7	8	7	7	8	7	8	8	60
4.	Смертность	9	8	8	9	8	8	9	9	68
5.	Рождаемость	9	8	8	9	8	8	9	9	68
6.	Естественный прирост населения	6	7	6	6	5	4	7	7	48
7.	Образ жизни населения	7	8	7	8	8	7	8	8	61
Итого		56	56	54	57	56	53	59	59	450

Из числа социокультурных факторов эксперты считают наиболее значимыми такие показатели, как структура доходов и расходов социума, от которых напрямую зависит спрос на электротехнические товары на локальном рынке (табл 5). Кроме того, эксперты считают, что данный показатель также участвует в формировании ценовой политики, предопределяя ценовой диапазон товаров электротехники.

Таблица 5

Результаты оценки воздействия группы социокультурных факторов на развитие локального рынка ООО «Новацентр К»

№ п/п	Оценочные критерии	Эксперты								Σ ранг влияния
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1.	Структура доходов и расходов социума	10	10	10	10	10	10	10	10	80
2.	Базовые ценности социума	5	6	7	6	7	6	6	5	48
3.	Изменение предпочтений социума, мода	10	10	9	9	10	9	10	9	76
4.	Тенденции образа жизни социума	7	8	7	7	7	8	7	7	58
5.	Этические, религиозные факторы	6	6	5	6	6	6	7	6	48
6.	Мнение общественности	8	8	7	8	8	7	8	8	62
7.	Социальная активность населения	9	8	8	9	8	8	9	9	68
Итого		55	56	53	55	56	54	57	54	440

Также эксперты достаточно высоко оценили воздействие предпочтений социума, моды, а точнее ее изменение (76 баллов), утверждая, что спрос на дизайн выключателей, светильников, торшеров, бра и других товаров меняется с периодичностью 3–5 лет. Данное утверждение основывается на практическом опыте и ранее проведенных предприятием маркетинговых исследованиях. Наименьшее воздействие, по мнению экспертов, оказывают базовые ценности социума, этические, религиозные убеждения. В данном случае эксперты объясняют свою позицию слабой зависимостью между спросом и этими факторами. Однако убедительного подтверждения данной гипотезы эксперты предоставить не смогли.

В 77 баллов эксперты оценили воздействие экологического фактора, а именно создание и функционирование природоохранных зон и зон отдыха. Данное обязательство со стороны государственных органов влечет за собой дополнительные капиталовложения, которыми не всегда располагает предприятие в нужном количестве и в нужное время (табл. 6).

Таблица 6

Результаты оценки воздействия группы экологических факторов на развитие локального рынка ООО «Новацентр К»

№ п/п	Оценочные критерии	Эксперты								Σ ранг влияния
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1.	Отношение общественности к экологическим проблемам	6	7	5	6	5	7	6	5	47
2.	Создание и функционирование природоохранных зон и зон отдыха	9	9	10	10	9	10	10	10	77
3.	Установление экологических норм по категориям производимых товаров	6	7	6	7	7	8	9	5	55
4.	Установление экологических норм по категориям продаваемых товаров	7	7	8	9	7	7	8	7	60
5.	Степень загрязнения окружающей среды	6	7	8	9	7	6	6	6	55
6.	Техногенные и экологические катастрофы	8	9	8	8	8	9	7	8	65
Итого		42	46	45	49	43	47	46	41	359

При решении экологических проблем возникает необходимость обращения к банкам за кредитами, либо к партнёрам за займом на их условиях, что способствует увеличению кредиторской задолженности и негативно сказывается на финансово-хозяйственном положении ООО «Новацентр К».

Такой аспект, как отношение общественности к экологическим проблемам, по мнению экспертов имеет наименьшее воздействие – 47 баллов. Однако авторы исследования имеют отличную точку зрения, считая, что сознательность общества и отношение общественности к экологическим проблемам в глобальном масштабе играют определяющую роль. Так, например, вместо того, чтобы ликвидировать последствия экологических катастроф, большая часть которых связана с

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ...

человеческой деятельностью (халатностью), необходимо сформировать общество, сознание которого будет направлено на предупреждение отрицательного воздействия на экологию.

Установление экологических норм по категориям производимых товаров и степень загрязнения окружающей среды эксперты оценили в 55 баллов. Считаем более приоритетным показатель установления экологических норм, поскольку они, а точнее их отсутствие – это причина высокой степени загрязнения окружающей среды.

Достаточно высоко и относительно сбалансированно оценили эксперты воздействие группы экономических факторов (табл. 7).

Таблица 7

Результаты оценки воздействия группы экономических факторов на развитие локального рынка ООО «Новацентр К»

№ п/п	Оценочные критерии	Эксперты								Σ ранг влияния
		1	2	3	4	5	6	7	8	
1.	Экономическая ситуация в стране	9	10	9	9	10	10	9	8	74
2.	Уровень экономического развития региона	9	9	9	8	10	9	9	9	72
3.	Уровень инфляции	9	10	10	10	9	9	9	9	75
4.	Цены на ресурсы, тарифы услуг естественных монополий	10	10	9	9	10	9	9	9	75
5.	Уровень коррупции в стране	9	10	10	9	10	10	9	9	76
6.	Уровень ВВП и ВРП	5	5	6	5	6	6	6	5	44
7.	Инвестиционный климат	6	7	8	7	7	6	7	8	56
Итого		57	61	61	57	62	59	58	57	472

Так, пять из семи факторов получили от 70 до 76 баллов, что свидетельствует об оценке экспертами экономических факторов воздействия как наиболее весомых по сравнению с другими. Уровень ВВП и ВРП специалисты оценили как наименее влияющие факторы, справедливо считая, что не уровень данных показателей влияет на развитие локального рынка электротехнических товаров, а, наоборот, рынок формирует внутренний и региональный валовой продукт.

Исходя из представленной оценки сделан вывод о том, что удельные веса экономического и политико-правового воздействия являются наибольшими и составляют 18,40 % и 18,00 % соответственно. На второй позиции по силе воздействия оказались демографический и социокультурные факторы – 17,52 % и 17,13 %. Экологическое и технологическое воздействие имеют менее выраженную

силу. Сводные результаты оценки воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К» представлены на рис. 1.

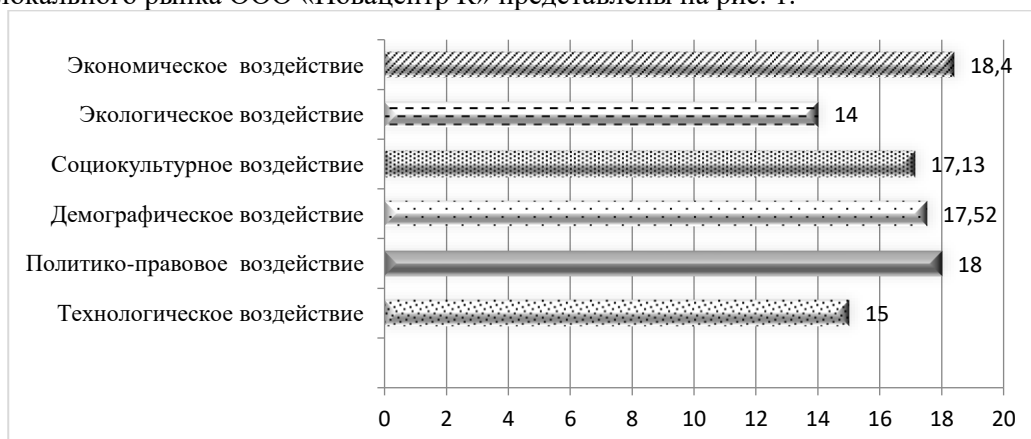

Рисунок 1. Сводные результаты оценки воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К»

По итогам интегральной количественной и качественной оценки влияния каждого фактора на развитие локального рынка ООО «Новацентр К» установлена степень согласованности и неслучайности мнений экспертов. С этой целью рассчитан скорректированный коэффициент конкордации по следующей формуле:

$$W = \frac{\sigma_{\phi}^2}{\sigma_{\max}^2},$$

где: σ_{ϕ}^2 – фактическая дисперсия суммарных (упорядоченных) оценок, данных экспертами;

σ_{\max}^2 – дисперсия суммарных (максимальных) оценок, данных экспертами.

Величина коэффициента конкордации может изменяться в пределах от 0 до 1. При $W = 0$ согласованности нет, то есть связь между оценками различных экспертов отсутствует. При $W = 1$ согласованность мнений экспертов полная. Для принятия решения об использовании полученных от экспертов оценок необходимо, чтобы коэффициент конкордации был больше заданного (нормативного) значения W_n ($W > W_n$).

В исследовании величина W_n принята равной 0,5. Считается, что при $W > 0,5$ действия экспертов в большей степени согласованы, чем не согласованы. Для получения необходимых для расчета данных проведено ранжирование важности влияния факторов воздействия на деятельность ООО «Новацентр К». Результаты оценок влияния факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К» экспертами представлены в табл. 8.

В результате расчетов получены следующие значения:

$$\sigma_{\phi}^2 = 100838;$$

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ВОЗДЕЙСТВИЯ ФАКТОРОВ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ...

$$\sigma_{max}^2 = 200123;$$

$$W = 0,503.$$

Исходя из того, что коэффициент конкордации W близок к нормативно принятой величине, оценки экспертов считаются в большей степени согласованными, чем не согласованными, результаты экспертной оценки представляются достоверными.

Таблица 8

Определение рангов важности влияния внешних факторов воздействия на деятельность ООО «Новацентр К»

Эксперты	Факторы воздействия макросреды					
	Технологи-ческие	Политико-правовые	Демографи-ческие	Социокуль-турные	Экологи-ческие	Экономи-ческие
1	55	67	65	80	47	74
2	52	77	80	48	77	72
3	74	73	60	76	55	75
4	61	73	68	58	60	75
5	50	66	68	48	55	76
6	58	37	48	62	65	44
7	33	71	61	68	-	56
Σ ранг влияния	383	464	450	440	359	472
$\delta_{ср.}$	48	58	56,25	45	51,3	59
δ_{max}	74	77	80	80	77	76

ВЫВОДЫ

Современный категориальный аппарат не содержит единого подхода к определению сущности рынка, поэтому невозможно дать только одну трактовку дефиниции «рынок», что предопределило формирование авторского видения в отношении трактования понятия «локальный рынок». Установлено, что локальный рынок является одним из типов рынка, объединённого географическим признаком. Исследователи вопроса едины во мнениях относительно границ рынка, а также рассматривают данное понятие через призму системного подхода, исходя из чего, под локальным рынком предложено понимать систему экономических отношений, возникающих между продавцами и покупателями товаров и услуг, предназначенных для личного потребления, в процессе их приобретения, свойственную определенной территории (городу, городскому району, городу с окружением, сельскому поселению, муниципальному образованию).

В исследовании проведена оценка воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К» методом экспертных оценок. В качестве экспертов были привлечены сотрудники ООО «Новацентр К» в количестве восьми человек. Компетентность экспертов установлена объективным способом, который предполагает подбор экспертов исходя из их документально подтвержденных профессиональных характеристик. За основу бралась десятибалльная шкала оценки, которая позволила вывести интегральную

количественную и качественную оценку влияния каждого фактора на развитие локального рынка ООО «Новацентр К».

В итоге получен сводный результат оценки воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка ООО «Новацентр К», который позволил установить доминантность воздействия экономических и политико-правовых факторов. Их удельный вес в общей совокупности составил 18,4 % и 18,0 % соответственно. Определено, что демографический и социокультурные факторы имеют равную силу воздействия на развитие локального рынка ООО «Новацентр К», их удельные веса составили 17,5 % и 17,1 % соответственно. Экологическое и технологическое воздействие имеют менее выраженную силу.

С целью установления степени согласованности мнений экспертов в исследовании рассчитан скорректированный коэффициент конкордации, нормативное значение которого принято $W = 0,5$. Исходя из того, что фактический коэффициент конкордации оценок экспертов $\geq 0,5$, мнение экспертов считается в большей степени согласованным, чем не согласованным, поэтому результаты экспертной оценки представляются достоверными.

Список литературы

1. Аакер Д., Кумар В., Дэй Дж. Маркетинговые исследования; [Пер. с англ.]. 7-е изд. М.: Питер, 2014. 840 с
2. Баранова Л. Я., Левин А. И. Потребности, доходы, потребление: экон. слов.-справ. М.: Азбуковник, 2018. 940 с.
3. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник. М., 2011. 302 с.
4. Данченко Л. А. Зотов В. В., Дейнекин Т. В. Маркетинг по нотам: практический курс на российских примерах / Под. общ. ред. Л. А. Данченко. М.: Маркет ДС, 2018. 367 с.
5. Демьяненко А. Н. Территориальная организация хозяйства на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 2013. 284 с.
6. Дуброва Т. А., Бажин А. Г., Бакуменко Л. П. Факторный анализ с использованием ППП Statistical: Учебное пособие. М.: МЭСИ, 2010. 229 с.
7. Котлер Ф., Армстронг Г. Введение в маркетинг. 8-е издание. М.: Вильямс. 2017. 621 с.
8. Котлер Ф., Келлер К. Л. Маркетинг менеджмент. СПб.: Питер, 2016. 801 с.
9. Lenskold J. Marketing ROI: The Path to Campaign, Customer, and Corporate Profitability. McGraw-Hill, 2013. 324 с.
10. Новикова Н. В. Conceptual and terminological framework of the local consumer market research [Электронный ресурс]. URL: <http://municipal.uapa.ru/en/issue>.
11. Официальный сайт ООО «Новацентр К» [Электронный ресурс]. URL: https://novacentr.com/zakazi_online.
12. Пешина Э. В., Конторусова С. С., Чашина Н. В. Организационно-экономические основы управления региональным рынком услуг. Екатеринбург, 2016. 215 с.
13. Райхельд Ф., Тил Т. Эффект лояльности: движущие силы экономического роста, прибыли и непреходящей ценности. М.: Вильямс, 2017. 185 с.
14. Rubinfeld A. Built for Growth: Expanding Your Business Around the Corner or Across the Globe. Wharton School Publishing, 2015. 256 с.
15. Словарь финансовых терминов [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--b1algemdcbsb.xn>.
16. Татаркин А. И., Муфтиев Г. Г., Царев И. В. Обеспечение сбалансированности регионального товарного рынка в условиях вступления России в ВТО: Монография. М., 2016. 449 с.
17. Farris P., Bendle N., Pfeifer P., Reibstein D. Marketing Metrics: 50+ Metrics Every Executive Should Master. Wharton School Publishing, 2016. 321 с.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 338.46

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК НОВЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Гафарова К. Э.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: karina_gafarova@mail.ru

В статье осуществлен комплексный анализ социализации глобальной экономики через призму развития социальных услуг как ее мерила. Обобщены существующие подходы к определению сущности социализации, рассмотрен механизм действия социализации в условиях глобализации, а также выделены три уровня социализации экономики, формирующие систему оптимизации общественно важных пропорций распределения ресурсов и доходов субъектов экономических отношений.

Ключевые слова: социальные услуги, социализация экономики, социальные стандарты, глобализация, трансформация системы социальных услуг, государственный сектор системы социальных услуг.

ВВЕДЕНИЕ

В обеспечении экономического роста современного государства важную роль играют социальные услуги. Это объясняется тем, что интенсификация инновационных процессов, широкое распространение информационных технологий, интеллектуализация труда приводят к трансформации содержания и структуры человеческого капитала, вносят коррективы в процесс его формирования, накопления и использования, изменяют характер влияния активов человеческого капитала на экономическое развитие.

Понимание требований общества к сфере социальных услуг, логики становления национальной модели ее организации требует изучения места этой сферы в процессах социализации, в частности, социализации мировой экономики в условиях глобализации. Отметим, что в системе экономических целей любого общества условно можно выделить две группы. Первая группа – цели связаны с приближением к границе производственных возможностей общества. Вторая группа – цели связаны с приближением к распределительной эффективности, то есть к такому распределению ограниченных благ между участниками общественного производства, которое будет отвечать как требованиям экономической эффективности общественного воспроизводства, так и морально-этическим принципам, социально обусловленным приоритетам, общечеловеческим ценностям.

Каждый раз, когда научное исследование рассматривает проблемы преобразования производственного потенциала на благо широких слоев населения, возникает вопрос не только о том, как производить больше благ, приближая при этом структуру производства к структуре платежеспособных потребностей, но и о выявлении тех потребностей, удовлетворение которых не может обеспечивать прибыль. Поэтому цель статьи – рассмотреть процессы социализации глобальной экономики через призму развития социальных услуг.

Основы исследования процессов социализации были заложены еще в трудах классиков политической экономии. Прежде всего, речь идет о критике законов о

бедных Д. Рикардо; об оценке условий, при которых расширение производства сопровождается повышением уровня потребления широких слоев населения Дж. Миля; исследовании связи между численностью населения, накоплением капитала и уровнем заработной платы Т. Р. Мальтуса; противоречии между частнокапиталистическим способом присвоения материальных благ и необходимостью их более равномерного распределения, обоснованных в работах К. Маркса; трудах представителей немецкой исторической школы (В. Зомбарта, М. Вебера) [10].

Попытки системной формализации требований к параметрам распределения общественного продукта, которые отражали бы как индивидуальные предпочтения всех членов общества, так и их коллективные решения (в частности, распределения ресурсного потенциала между производством благ частного и общественного потребления) отражены преимущественно в методологическом арсенале теорий общего равновесия (В. Парето, Л. Вальрас, Ж. Дебре, К. Эрроу и др.), общественного благосостояния (А. Пигу, К. Виксель, Дж. Хикс и др.) и общественного выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Тальок и др.).

Что касается современного этапа социализации, то ее наиболее полное теоретическое обоснование содержат работы представителей институционального направления экономических исследований, в частности Д. Белла, М. Кастельса, К. Поланьи, В. Иноземцева и др. Характеризуя основополагающие принципы данных концепций социализации, следует отметить, что они выступают противовесом неолиберальному подходу к определению целей и условий обеспечения экономического роста. Эту особенность подчеркивают и эксперты ПРООН в ежегодных Отчетах по человеческому развитию.

Как ведущая закономерность развития капиталистической рыночной системы XX в. социализация преимущественно объясняется учеными-экономистами как рост в производственных процессах роли социального компонента и усиление социальных функций государства на национальном уровне, который обеспечивает согласование общественных и частных интересов на основе солидарности и социального партнерства.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Осознание современной бифуркации, нелинейности глобального социально-экономического развития и объективной трансформации глобальной экономической системы привели к существенному изменению в парадигмах социально-экономического познания, что проявляется в том, что сейчас осуществляется постепенный переход от стихийно-сознательных процессов модернизации к сознательным стратегиям модернизации социально-экономической сферы, когда практические действия осуществляются на основе теории [8].

Однако в условиях глобализации социализация расширяет механизмы своего действия и реализуется на трех уровнях: макроуровне (через обобществление процессов производства, распределения и потребления благ), микроуровне (из-за роста объемов удовлетворения социальных потребностей непосредственно на

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК НОВЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ...

рабочем месте) и индивидуальном уровне (через наращивание индивидуумом личного ресурса). Именно эти три уровня социализации формируют современную систему оптимизации общемировых пропорций распределения ресурсов и доходов, а также определяют правила и нормы социального взаимодействия субъектов экономических отношений.

Характеризуя макроуровень социализации глобальной экономики, следует отметить, что основным ее «каналом» стала демократизация отношений собственности, приобщение широких слоев граждан к акционерному капиталу и фондовым рынкам, которые сейчас приобрели глобальный масштаб. Особенно яркий пример демонстрируют США, где около 75 % граждан являются держателями акций, причем эти процессы охватывают сегодня не только национальный, но и транснациональный капитал.

На эту тенденцию адекватно отреагировали и корпорации развитых стран мира, которые во второй половине XX в. в свои стратегии развития все в большей степени включают социализационный компонент.

Усилению социализации отношений собственности и, соответственно, более социально направленному использованию доходов от капитала в значительной мере способствует и наращивание капитализации пенсионных и страховых фондов. Пенсионные фонды, аккумулируя сбережения широких слоев населения на коммерческих и конкурентных началах, получают мощные ресурсы для вложения в долгосрочные проекты развития национального бизнеса. Это, с одной стороны, удовлетворяет потребность экономики в денежных ресурсах для долгосрочного кредитования, а с другой, существенно увеличивает долю населения в совокупной собственности на капитал.

Такая трансформация отношений собственности превращает доходы многих крупных корпораций в источник ресурсов для развития сферы социальных услуг и удовлетворения потребностей людей, которые по наступлении пенсионного возраста или иного страхового случая лишаются возможности получения доходов через рыночные механизмы распределения. Такие механизмы финансирования сферы социальных услуг, в том числе через пенсионные и страховые фонды, обеспечивают аккумуляцию ресурсов для решения социальных проблем общества.

Процессы социализации глобальной экономики на микроуровне ярко отражают социальные расходы корпоративного сектора. Ключевая роль здесь принадлежит ТНК, через институт социальной ответственности бизнеса гражданам разных стран предоставляется широкий спектр услуг на международном уровне. Внутренняя система социальной ответственности ТНК связана как с ростом объемов и доли социального пакета для персонала с целью наращивания его мотивационных стимулов к производительному труду, так и с более широким привлечением работников к его формированию (практика долевого участия персонала в приобретении услуг добровольного медицинского страхования, оплате услуг мобильной связи, аренды жилья и др.).

С целью определения роли системы социальных услуг в современном процессе социализации глобальной экономики необходимо рассмотреть последнюю через призму трех ее измерений.

Первое измерение – расширение функций национальных государств с целью преодоления социальных асимметрий и обеспечения устойчивого развития стран.

Второе – социализация межгруппового взаимодействия в рамках компаний, регионов, отраслей и на уровне общества через самоограничение потребностей работодателей и владельцев капитала ради гармонизации интересов всех участников сделки и все большее включение наемных работников в управленческо-производственную и распределительную деятельность субъектов хозяйствования. Таким образом, принципы индивидуалистического эгоизма замещаются принципами социальной солидарности и партнерства.

Третье – на уровне индивидуума, когда происходят качественные изменения человека как участника производства, его адаптация к новым требованиям общественного производства и новой роли, новым возможностям, которые получают владельцы высокой квалификации, уникальных знаний и умений, больших коммуникативных способностей. Это сопровождается качественными изменениями системы мотивации к труду, возрастанием роли нематериальных мотивов, усложнением потребностей и новыми чертами работников, новыми моделями поведения и способами принятия решений. Как следствие, динамично меняются социальные статусы граждан.

Определение роли системы социальных услуг в трех приведенных выше измерениях социализации глобальной экономики выдвигает новые общественные требования к развитию этой системы.

Однако современные глобальные императивы кардинально меняют философию экономического мышления субъектов хозяйствования, что находит свое проявление в существенной корректировке конкурентных стратегий фирм, прежде всего в части реализации ими стратегий глобальной экспансии. Речь идет о том, что если раньше их ключевыми компонентами были экономия затрат на фонд оплаты труда и удовлетворения социальных потребностей работников, стандартизация их трудовых функций и качества продукции, а также минимизация цен, то сейчас конкурентные преимущества фирм на глобальных рынках достигаются, прежде всего, на основе крупномасштабных частных инвестиций в развитие человеческого ресурса и социальную инфраструктуру. При этом под социальными инновациями следует понимать новые идеи, которые помогают в решении существующих социальных, культурных, экономических задач таким образом, чтобы эти решения принесли пользу как человечеству, так и планете. К социальным инновациям относятся новые социальные системы, системы образования, здравоохранения, системы общественных коммуникаций, использующие инновационные подходы и/или технологии. Это разные формы активизации человеческого фактора на предприятии, в том числе за счёт введения профессиональной подготовки и постоянного повышения квалификации персонала, стимулирование его творческой деятельности, профессиональных соревнований, создание комфортных условий труда [6].

В свою очередь, рост динамичности среды хозяйствования, восприятия национальным бизнесом стратегии высокой инновационной активности, преобразования инноваций в неотъемлемую составляющую хозяйственной деятельности требуют постоянного обновления содержания трудовых функций

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК НОВЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ...

основной массы исполнителей, прочно связывает конкурентоспособность компаний с двумя характеристиками использования человеческого фактора в производстве.

Во-первых, из-за повышения требований к образовательно-квалификационному уровню работников, во-вторых, через мотивацию, которая предусматривает отказ от концепции жесткого контроля за выполнением четко формализованных трудовых функций, что превращает наемного работника в полноценного участника бизнеса, предоставляя ему возможности и преимущества, которые ранее были присущи только предпринимателю.

Поэтому масштабы и темпы расширения постиндустриального сектора, скорость восприятия бизнесом адекватных этому этапу развития стандартов и правил построения отношений с наемными работниками становятся приоритетным фактором формирования ресурсной базы для финансирования сферы социальных услуг. По характеру адаптации к вызовам глобальной конкуренции как отдельных отраслей национальных хозяйств, так и национальных экономических систем в целом, их можно разделить на несколько типов.

Первый тип адаптации – это быстрое расширение постиндустриального сектора и трансформация социально-трудовых отношений в индустриальном секторе экономики. Ключевым механизмом реализации данной адаптационной модели является значительное увеличение расходов бизнеса на удовлетворение социальных потребностей наемных работников и членов их семей. Поэтому такой тип адаптации национальной экономической системы к глобальной конкуренции предусматривает стремительное расширение ресурсной базы сферы социальных услуг благодаря существенному увеличению участия корпоративного сектора в реализации социальных функций и определении целевых показателей функционирования сферы социальных услуг.

В то же время развитие сферы социальных услуг является основой воспроизводства и сохранения такого конкурентного преимущества, основанного на преимуществах персонала в образованности, правильности и компетентности. Таким образом, развитие ресурсного обеспечения сферы социальных услуг встраивается в механизм поддержания конкурентоспособности национального бизнеса. Так, развитие сферы социальных услуг становится формой проявления согласования экономических интересов наемных работников и собственников бизнеса. Следствием действия такой модели адаптации страны к глобализации является уменьшение нагрузки на тот сегмент социальных услуг, который финансируется за счет государства и обслуживает неплатежеспособное население.

Возрастающее участие бизнеса в процессах ресурсного обеспечения и развития сферы социальных услуг в течение второй половины XX в. свидетельствует об изменении системы мотивации предпринимателей по внедрению в деловую практику стандартов эффективности труда, которые обеспечивают связь между индивидуальными целями представителей этой социальной группы и целями общественного развития.

Второй тип адаптации национального бизнеса к вызовам глобальной конкуренции присущ тем фирмам, которые стремятся сэкономить на стоимости рабочей силы, уменьшить влияние личностного фактора на параметры

производственных процессов, снизить зависимость результативности бизнеса от удовлетворенности работников трудовой жизнью. В результате проведения такой стратегии сокращается доля расходов на удовлетворение потребностей наемных работников в составе доходов предприятий, ограничивается участие бизнеса в формировании ресурсного обеспечения и развития сектора социальных услуг.

В то же время такой тип адаптации предполагает рост нагрузки на систему социальных услуг со стороны тех лиц, которые являются неплатежеспособными. Такие сравнительно низкие доходы подавляющего большинства работников обуславливают рост численности людей, нуждающихся в социальной поддержке. Соответственно, при таком типе адаптации бизнеса к глобальной конкуренции о сфере социальных услуг вынуждено в большей степени заботиться государство.

Вместе с тем, беря на себя роль ведущего источника ресурсов для развития сферы социальных услуг, сектор общегосударственного управления вынужден увеличивать налоговое давление на сектор предприятий и личные доходы граждан. Поэтому расширение финансирования социальной сферы начинает противоречить стратегическим задачам обеспечения высоких темпов экономического роста, а решение социальных задач часто достигается ценой значительных экономических потерь [7]. Практически происходит изменение механизмов аккумуляции ресурсов на развитие сферы социальных услуг: вместо работодателей ресурсы для развития этой сферы аккумулируют государственные структуры.

При этом на сферу социальных услуг действуют два разнонаправленных фактора. С одной стороны, государство, пользуясь правом принуждения и имея в качестве ресурсной базы национальную экономику, способно обеспечить более стабильные и независимые от циклических колебаний экономической активности поступления на развитие сферы социальных услуг.

Однако, с другой стороны, накопленный многими странами опыт функционирования государственных институтов социального обеспечения, особенно опыт постсоветских стран, свидетельствует о снижении эффективности использования ресурсов, выделенных обществом для решения социальных задач в случае распоряжения этими ресурсами исключительно государством. И только в условиях развитого гражданского общества возможно обеспечить эффективный общественный контроль за использованием ресурсов, доверенных некоммерческому сектору, сократить разрыв между декларируемыми и реальными целями деятельности государственных учреждений.

Но важно, что гражданское общество не формируется в условиях высокой зависимости благосостояния значительной части населения от перераспределительной деятельности государства. Только экономическая самостоятельность и возможность воспроизводства благосостояния населения в самоорганизацию хозяйственной жизни общества создают экономические предпосылки, необходимые для становления среднего класса и утверждения реальных институтов контроля населения за эффективностью использования ресурсов в огосударственной сфере социальных услуг.

Аналогичные проблемы не обходят и страны, где аккумуляция ресурсов для предоставления социальных услуг преимущественно осуществляется с помощью

рыночных механизмов. Значительная часть услуг, которые относят к социальной сфере, не обладают чертами общественных благ в полном объеме. Соответственно, согласно неоклассическому видению условий целесообразности производства благ, если существует такой объем производства определенной социальной услуги, для которого оценка предельной ценности дополнительной услуги потребителями не больше предельных издержек на ее производство, то производство теоретически возможно и будет способствовать приближению экономики к оптимальному ее состоянию.

Исходя из либеральной модели обеспечения населения социальными услугами, значительная часть таких благ, в том числе профессиональное образование, пенсионное обеспечение, подавляющая часть медицинских услуг предоставляются на коммерческой основе. Использование социального страхования как формы аккумуляции ресурсов для сферы социальных услуг позволяет совместить преимущества социальной солидарности (страховые взносы платят все потенциальные получатели социальных услуг) с рыночными стимулами к эффективному использованию ресурсов социальной сферы (конкуренция между поставщиками социальных услуг устанавливает прочную зависимость личных доходов участников производства социальных услуг от общественной эффективности их действий).

Однако и такие системы не избежали проблем с отличием фактических социальных результатов от тех, что ожидалось обществом при выделении ресурсов для развития сферы социальных услуг. Классическим примером такой неудачи стала реализация программы по распространению медицинского страхования на малоимущие слои населения «Medicare» в США. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, оценивая результаты внедрения этой программы, обратил внимание, что государственное вмешательство обеспечило только рост платежеспособного спроса на медицинские услуги, однако не помогло расширению предложения медицинских услуг.

В условиях слабо эластичного предложения, расширение круга потребителей привело лишь к увеличению ограниченных ресурсов медицинской отрасли и росту доходов занятых в ней, однако не улучшило уровень доступности и качества медицинских услуг для широких слоев населения.

Также финансовые кризисы последнего десятилетия показали, что даже имея один из самых высоких в мире уровней частных сбережений и объемы активов пенсионных фондов, американской финансовой системе не удалось обеспечить высокий уровень финансовой безопасности населения и избежать тяжелых потерь или обеспечить быструю аккумуляцию финансовых ресурсов для компенсации негативных последствий снижения благосостояния широких слоев населения. Так, исходя из соотношения показателей ресурсного обеспечения и социальной результативности функционирования сферы социальных услуг, формируется информационное обеспечение принятия решений о целесообразности реформирования тех институтов, регулирующих деятельность учреждений и организаций, обеспечивающих население определенным видом социальных услуг.

Применим приведенные выше принципы трактовки характеристик сферы социальных услуг для оценки места сферы медицинских услуг в процессах социализации экономики страны ОЭСР.

Все исходные данные разбиты на три группы (табл. 1): 1. Показатели удельных (на душу населения) расходов на медицину в долларах США по паритету покупательной способности (характеризует ресурсный потенциал этой сферы социальных услуг, задает абсолютную меру ожидаемого общественного эффекта от ее функционирования); 2. Доля общественных расходов на здравоохранение в их общей сумме (характеризует способ аккумуляции ресурсов для решения задач здравоохранения – высокая доля общественных расходов означает большее влияние государственного принуждения и бюджетного перераспределения, меньшая – увеличение роли рыночных механизмов, в частности коммерческой страховой медицины); 3. Доля расходов на здравоохранение в составе ВВП (обобщает приоритетность ресурсного обеспечения здравоохранения).

Таблица 1

Показатели ресурсного обеспечения сферы охраны здоровья стран ОЭСР

Страна	Совокупные затраты на сферу охраны здоровья, (долл. США по ППС)			Доля общественных расходов на здравоохранение в их общей сумме, %			Доля расходов на здравоохранение в ВВП, %		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Австралия	4712	4965	5187	68,48	68,70	67,38	9,21	9,29	9,33
Австрия	5360	5538	5851	73,98	74,70	75,24	10,36	10,32	10,41
Бельгия	5014	5103	5428	75,95	75,81	75,99	10,41	10,32	10,35
Канада	5155	5287	5418	70,08	70,35	70,41	10,79	10,79	10,79
Чили	2030	2126	2159	60,15	60,33	59,30	9,07	9,14	9,10
Чехия	2891	3171	3426	82,09	83,03	83,29	7,23	7,67	7,76
Дания	5107	5295	5568	84,02	83,88	87,75	10,12	10,11	10,03
Финляндия	4239	4332	4578	76,43	76,92	77,24	9,18	9,04	9,09
Франция	5057	5154	5376	83,27	86,63	83,73	11,40	11,30	11,19
Германия	6011	6224	6646	84,52	84,56	84,99	11,38	11,47	11,65
Греция	2239	2266	2384	60,46	58,75	59,23	7,70	7,72	7,79
Венгрия	2029	2150	2222	69,14	69,45	69,36	6,79	6,70	6,36
Исландия	4167	4770	4811	81,86	82,37	82,89	8,34	8,54	8,79
Ирландия	4743	4912	5276	72,79	73,79	74,28	7,16	6,93	6,84
Израиль	2715	2826	2933	63,85	64,70	64,74	7,50	7,52	7,45
Италия	3399	3485	3649	73,73	73,89	74,15	8,68	8,67	8,66
Япония	4393	4504	4823	84,22	84,09	84,27	10,80	10,95	11,06
Корея	2809	3085	3384	59,42	59,92	60,80	7,11	7,56	8,04
Люксембург	5012	5216	5558	83,95	84,08	84,50	5,23	5,29	5,40
Мексика	1119	1145	1154	51,51	50,84	50,54	5,52	5,46	5,48
Новая Зеландия	3820	4025	4204	78,59	79,22	79,53	9,02	9,21	9,32
Норвегия	6076	6283	6647	85,12	85,32	85,35	10,32	10,05	10,50
Польша	2070	2114	2292	69,50	71,49	71,90	6,54	6,33	6,33
Португалия	2922	3097	3379	61,11	61,55	61,24	9,33	9,45	9,56
Словакия	2048	2142	2354	79,94	80,13	81,22	6,77	6,89	6,93
Словения	2853	3055	3224	72,20	72,93	71,78	8,19	8,32	8,36
Испания	3322	3430	3617	70,65	70,40	70,78	8,94	8,99	9,00
Швеция	5318	5434	5782	84,86	85,09	85,23	10,80	10,89	16,88

СОЦИАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КАК НОВЫЙ ТРЕНД РАЗВИТИЯ...

Страна	Совокупные затраты на сферу охраны здоровья, (долл. США по ППС)			Доля общественных расходов на здравоохранение в их общей сумме, %			Доля расходов на здравоохранение в ВВП, %		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Швейцария	7037	7280	7732	65,87	64,39	64,50	11,90	11,88	12,14
Турция	1188	1224	1340	77,71	77,38	78,38	4,21	4,16	4,38
Великобритания	4126	4290	4653	78,69	77,78	77,79	9,83	10,00	10,25
США	10213	10637	11071	84,41	84,69	84,78	17,00	16,89	16,96

Составлено автором на основе данных [9]

Представленные показатели характеризуют, во-первых, обусловленные производительностью общественного труда ресурсные возможности страны; во-вторых, способность национальной системы аккумуляции ресурсов на развитие медицинской отрасли привлекать достаточную долю общественного продукта; в-третьих, способы формирования ресурсного потенциала социальной сферы.

Так, показатель удельных расходов на здравоохранение по странам ОЭСР характеризуется достаточно высокой, но стабильной в течение 2017–2019 гг. вариативностью: среднее отклонение за все три года близко к 45 % от среднеарифметического значения по всем странам. Среднеарифметическая в отличие от средневзвешенной (по численности) имеет очень ограниченную сферу применения, но в данном случае для определения степени вариативности ряда ее использование вполне корректно.

На основе проведенного нами анализа вариативность удельных расходов на здравоохранение значительно превышает вариативность такого целевого показателя, как ожидаемая продолжительность жизни при рождении – ее среднее отклонение за все годы учетного периода близко к 3 % среднего по всем странам, то есть меньше показателя вариативности удельных расходов почти в 15 раз, что подтверждает значение роли ресурсного обеспечения социальной сферы в процессах социализации, сформулированное, в частности, в отчете по человеческому развитию: расходы стран, выделяемые на решение социальных задач, далеко не всегда являются определяющим фактором достигнутых общественных результатов. Так, страны с низкими темпами роста национального дохода могут добиваться значительного прогресса в социальной сфере, а страны, имеющие высокие темпы экономического роста, не имеют гарантий от стагнации социальной сферы.

В значительной степени возможность существенной дифференциации объемов расходования ресурсов на обеспечение населения социальными услугами при схожих общественных результатах функционирования этой сферы подтверждается и результатами дисперсионного анализа. Так, рассчитанная нами корреляция между вектором данных о расходах на здравоохранение и вектором данных об ожидаемой продолжительности жизни всех лет данного периода не превышает 0,54. Это так же подтверждается и простым группированием стран по рейтингу удельных расходов на здравоохранение (табл. 2).

Таблица 2

Результаты ранжирования стран по характеристикам функционирования сферы охраны здоровья (за 2019 г.)

Ранг	Совокупные затраты на сферу охраны здоровья, (долл. США по ППС)	Доля общественных расходов на здравоохранение в их общей сумме, %	Доля расходов на здравоохранение в ВВП, %
1	США	Дания	США
2	Швейцария	Норвегия	Швеция
3	Норвегия	Швеция	Швейцария
4	Германия	Германия	Германия
5	Австрия	США	Франция
6	Швеция	Люксембург	Япония
7	Дания	Япония	Канада
8	Люксембург	Франция	Норвегия
9	Бельгия	Чехия	Австрия
10	Канада	Исландия	Бельгия
11	Франция	Словакия	Великобритания
12	Ирландия	Новая Зеландия	Дания
13	Австралия	Турция	США
14	Япония	Великобритания	Швеция
15	Исландия	Финляндия	Швейцария
16	Великобритания	Бельгия	Германия
17	Финляндия	Австрия	Франция
18	Новая Зеландия	Ирландия	Япония
19	Италия	Италия	Канада
20	Испания	Польша	Норвегия
21	Чехия	Словения	Австрия
22	Корея	Испания	Бельгия
23	Португалия	Канада	Великобритания
24	Словения	Венгрия	Дания
25	Израиль	Австралия	США
26	Греция	Израиль	Швеция
27	Словакия	Швейцария	Швейцария
28	Польша	Португалия	Германия
29	Венгрия	Корея	Франция
30	Чили	Чили	Япония
31	Турция	Греция	Канада
32	Мексика	Мексика	Норвегия

Составлено автором на основе данных [9]

Итак, по результатам анализа статистических данных можно сделать вывод, что с ростом масштабов ресурсов на решение социальных проблем (в частности, на здравоохранение) наблюдается уменьшение значимости этого фактора в социальной сфере (в частности, здравоохранения). Так, если для стран с низкими доходами и явным дефицитом ресурсов социальной сферы рост масштабов финансирования может привести (хотя ни в коем случае не гарантирует) к существенному улучшению благосостояния населения, то для стран с высокими и средними доходами специфика национальных институтов обеспечения социальными услугами, реформы

социальной сферы имеют большее влияние на результативность ее функционирования, чем на наращивание ресурсного обеспечения.

Важно, что доля общественных расходов в составе совокупных расходов общества на охрану здоровья не коррелирует с долей расходов на здравоохранение в ВВП. Так, рассчитанные нами коэффициенты корреляции между вектором показателей «доля общественных расходов в совокупных расходах на здравоохранение» и вектором «доля расходов на здравоохранение в ВВП» для всех трех лет не только близки к нулю, но и для некоторых анализируемых стран имеют отрицательные значения. Это свидетельствует, что участие государства в ресурсном обеспечении социальной сферы не обязательно позволяет привлекать большую часть общественных ресурсов для решения социальных задач, чем хорошо налаженные рыночные механизмы при условии, что бизнес в полной мере заинтересован в приумножении человеческого капитала как в отношении персонала собственной компании, так и в отношении всеобщего уровня человеческого капитала в целом.

ВЫВОДЫ

В глобальном измерении понятие социализации приобретает несколько модифицированное содержание через приобщение к процессу воспроизводства человеческого ресурса и интернациональных факторов, связанных, прежде всего, с деятельностью ТНК, региональных и международных организаций, формированием глобальной информационно-коммуникационной среды, унификацией стандартов производства и потребления в разных странах. Результатом действия этих факторов является становление в структуре глобального рынка самостоятельного сегмента – рынка социальных услуг.

В существующих сегодня подходах к определению сущности социализации глобальной экономики это понятие трактуется преимущественно как рост в производственных процессах роли социального компонента и усиление социальных функций государства на национальном уровне. Однако в условиях глобализации социализация расширяет механизмы своего действия и реализуется на трех уровнях: макроуровне (через обобществление процессов производства, распределения и потребления благ), микроуровне (из-за роста объемов удовлетворения социальных потребностей непосредственно на рабочем месте) и индивидуальном уровне (через наращивание индивидуумом личного ресурса). Именно эти три уровня социализации формируют сегодня систему оптимизации общественно важных пропорций распределения ресурсов и доходов, а также определяют правила и нормы социального взаимодействия субъектов экономических отношений.

При этом социализацию экономики следует понимать и как обобщение сложных процессов, происходящих в экономической, социальной, политической, идеологической сферах, отражающих формирование таких пропорций распределения ресурсов и доходов, институтов, правил и норм взаимодействия экономических субъектов, которые превращают экономику в инструмент улучшения благосостояния широких слоев населения.

Только экономическая самостоятельность и встроенность механизмов воспроизводства благосостояния населения в самоорганизацию хозяйственной жизни общества создают экономические предпосылки, необходимые для становления среднего класса и утверждения реальных институтов контроля населения за эффективностью использования ресурсов в государственной сфере социальных услуг.

Рост масштабов государственного сегмента сферы социальных услуг выдвигает высокие требования к механизмам общественного контроля за эффективностью использования ресурсов в сфере социальных услуг, размывает связь между темпами роста объемов ресурсов и пропускной способности сферы социальных услуг и улучшением благосостояния населения.

Список литературы

1. Андрианова А. В. Формирование и динамика капитала здоровья нации: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.01 [Электронный ресурс]. URL: https://static.freereferats.ru/_avtoreferats/01002948185.pdf.
2. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 672 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://institutiones.com/download/books/1891-chelovecheskoe-povedenie-ekonomicheskij-podhod-bekker.html>.
3. Бурдые П. Формы капитала [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2009/2601>.
4. Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал (глава из книги Гэри Беккера «Человеческий капитал» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.libertarium.ru/69974>.
5. Волкова Н. С. Государственное управление социальной сферой: состояние и модернизация // Журнал российского права. 2013. № 7 (199). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennoe-upravlenie-sotsialnoy-sferoy-sostoyanie-i-modernizatsiya>.
6. Геоэкономическая парадигма глобального развития: [академический словарь–справочник] / Авт.–сост. [М. Г. Никитина, Е. И. Осадчий, В. В. Побирченко, Е. А. Шутаева]; под общ. ред. М. Г. Никитиной. Симферополь: АРИАЛ, 2019. С.224.
7. Катаев А. В., Макарова Е. Л. Исследование взаимосвязи финансирования государственных расходов на высшее образование и темпов экономического роста // Финансы, денежное обращение и кредит. 2018. № 4. С. 62–71. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38479623&>.
8. Модернизация экономики России в глобальном геоэкономическом пространстве: монография / Под научной редакцией М. Г. Никитиной. Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2018. С. 8.
9. Официальный сайт Организации экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс]. URL: <https://data.oecd.org/healthres/health-spending.htm#indicator-chart>.
10. Рикардо Д. «Начала политической экономии и налогообложения» [Электронный ресурс]. URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=in&links=../in/ricardo/works/ricardo_w1_2.txt&img=works.jpg&name=ricardo&list_file.
11. Устинова К. А. Человеческий капитал как фактор инновационного развития региона: теоретические аспекты // Проблемы современной экономики. 2012. № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4220>.
12. Human Development Reports / United Nations Development Programme [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/en/data>.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 330.34:339.92

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ НЕУСТОЙЧИВОСТИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Горда А. С., Горда О. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx7777@mail.ru

Исследованы концептуальные теоретико-методологические подходы к обоснованию факторов и движущих сил обеспечения экономического роста стран мира. Определены ключевые императивы практической реализации стратегий нулевого, устойчивого, ноосферного, инновационного и инклюзивного экономического роста в условиях глобальных вызовов развития мирового хозяйства. Представлена сравнительная характеристика взглядов на общественное значение экономического роста стран и его последствий. Определена роль правительства в обеспечении экономического роста. Выделены ключевые элементы формирования стратегий экономического роста стран в условиях глобализации мировой экономики. Дана сравнительная характеристика концепций экономического роста стран мира. Предложены концептуальные направления формирования инклюзивных стратегий экономического роста.

Ключевые слова: нулевой, устойчивый, ноосферный, инновационный и инклюзивный экономический рост, концепции экономического роста, стратегии экономического роста.

ВВЕДЕНИЕ

Современное состояние мирового хозяйства характеризуется сменой парадигм развития глобальной экономики из-за накопления противоречий в большинстве составляющих мировой экономической системы, которые усиливаются глобальными планетарными сдвигами в климатическом, бактериологическом, биологическом, радиационном и генетическом балансах. К общим вызовам развития человечества и глобальным проблемам современности в настоящее время добавляются противоречия в концепциях экономического роста различных категорий стран, что еще больше усугубляет ситуацию и обуславливает усиление глобальной нестабильности в развитии мирового хозяйства.

Одним из таких вызовов является дифференциация в степени развития и долговая зависимость многих стран от МВФ и Всемирного банка. В результате страны не могут полностью направить свободные бюджетные средства на удовлетворение актуальных требований технологического развития и, соответственно, обеспечение экономического роста, так как вынуждены тратить их на обслуживание своего государственного долга. Страны должны решить эту дилемму, чтобы обеспечить собственный экономический рост и решение вопросов социально-демографического развития, повышения качества жизни населения и их экономического суверенитета.

Слабый научно-технологический и инновационный потенциал многих развивающихся стран обуславливает экстенсивность моделей их экономического роста. Для стран с транзитивной экономикой уместны стратегии интенсификации в сфере промышленности, которые могут сочетаться с мерами по экстенсивному

расширению агропромышленного комплекса. В то же время развитые страны пропагандируют внедрение в собственной и мировой практике самодостаточных моделей экономического развития.

Несмотря на многовековую историю существования рыночных отношений, проблемы исследования экономического роста остаются одними из самых острых фундаментальных проблем современности. Различные теоретико-методические и практические аспекты обеспечения экономического роста национальных хозяйственных систем исследовали Бочарникова Ю. В. [1], Веблен Т. [2], Горшенина Е. В. [3], Давыдова Г. В., Козлова О. С. [4], Ивантер В. В. [5], Кейнс Дж. М. [6], Кларк Дж. Б. [7], Коммонс Дж. Р. [8], Кондрашова Н. В., Ложкина И. Ю. [9], Леонтьев В., Ченери В., Кларк Г. [10], Маршалл А. [11], Пискулов Ю. В. [12], Фридман М. [14], Шумпетер Й. А. [15] и др.

Теории экономического роста имеют остро дискуссионный характер, остаются нерешенными такие вопросы, как природа факторов, обуславливающих экономические колебания, механизмы синхронизации мировых экономических процессов, меры регулирования цикличности экономического развития. Также несмотря на глубину существующих научных разработок вопросов, связанных с комплексным обобщением закономерностей, предпосылок и факторов экономического роста, имеющих особое влияние на состояние мировой экономики, несовершенство практики формирования взвешенной политики стабилизации экономического развития свидетельствует о необходимости дальнейших исследований в этом направлении.

Целью статьи является обоснование теоретико-методологических положений по разработке стратегий экономического роста стран с транзитивной и развитой экономикой с учетом глобальных вызовов развития мировой экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Экономической наукой разработаны такие трактовки концепций экономического роста, как нулевой, устойчивый, ноосферный, инновационный и инклюзивный. Они сформировались на такой теоретико-методологической основе, как неоклассическая теория производства и кейнсианская теория макроэкономического равновесия, экономический инновационный рост, институционализм.

Неоклассическая экономическая теория распространялась, начиная с 1870–90 годов как попытка противодействия марксизму и как определение оптимального развития экономики в условиях свободной конкуренции, как поиск принципов равновесия экономической системы К. Менгером, А. фон Бем–Баверком, Дж. Б. Кларком, А. Маршаллом, Дж. Э. Мидом, Дж. Хиксом, М. Фридменом, В. Леонтьевым и др. [7, 10, 11, 14]. Экономический рост стран по неоклассической модели определяется относительной стоимостью ресурсов, формирующейся в результате международного разделения труда, и добавленной стоимости, которая создаётся за счет использования всех факторов производства, имеющихся в стране. Соответственно, экономический рост стран происходит за счет наиболее

рационального использования природных ресурсов и факторов производства. Роль инновационного, экологического, социального факторов является опосредованной в контексте формирования стоимости имеющихся ресурсов страны.

Необходимость государственного регулирования рыночных отношений способствовала распространению теории Дж. М. Кейнса [6] как антикризисной стратегии экономического развития на основе правительственного вмешательства в макроэкономическую сферу экономики. Альтернативные положения были разработаны Э. Линдалем и Г. Мюрдалем относительно неравновесных макроэкономических моделей, Б. Олином – по противодействию безработице путем государственных инвестиций и общественных работ, Э. Лундбергом – по противодействию инфляции и безработице.

Кейнсианские модели экономического роста предусматривают использование труда и капитала как основных факторов производства, приводящих к увеличению выпуска продукции как источника благосостояния страны. При этом труд как фактор производства трансформируется очень медленно, в отличие от стоимости капитала, который корректируется активной инвестиционной политикой страны. Соответственно, экономический рост отождествляется с ростом совокупных объемов капитала и приростом инвестиций. Труд как фактор производства корректируется в соответствии с темпами естественного прироста населения, другие составляющие социально-экономического роста рассматриваются косвенно, в контексте формирования производственных сил страны.

Экономический инновационный рост определяется потоковым ростом инноваций в сферах производства и экспорта, что предусматривает постоянное технологическое совершенствование продукции, которая имеет повышенную добавленную стоимость, пользуется спросом на мировых товарных рынках и определяет рост международной конкурентоспособности как производителей, так и стран в целом. Теория инноваций предполагает, что базисом роста экономики является имеющаяся сфера материального производства, подкрепленная достаточным количеством инвестиций (труд, земля, капитал), но они создают лишь основу. Настоящий рост экономики путем формирования прибыли происходит за счет интеллектуального капитала ученых, исследователей и новаторов, которые формируют в совокупности с предпринимательскими способностями национальную инновационную систему.

Институционализм является направлением экономической теории, которое рассматривает все экономические явления и связывает их в единую систему с политическими, правовыми, социальными, психологическими, культурно-этическими проявлениями общественной жизни. Его основателями являются Т. Веблен, В. Митчелл, Дж. Р. Коммонс. Существенное влияние на формирование теории институционализма оказали положения эволюционной экономики Й. Шумпетера, правовой экономики Р. Познера, теории общественного выбора Дж. Бьюкенена, Г. Таллока, М. Олсона, а также концепции институционального анализа экономики А. Грешенкрона, Г. Мюрдаля, И. Валлерстайна, теории неинституционализма Р. Коуза, А. Вильямсона, Г. Беккера [2, 8, 15].

В отличие от моделей неоклассического роста, где отношения между субъектами

развиваются в условиях свободного рынка с целью максимизации прибыли, институциональная парадигма определяет действия экономических субъектов как систему взаимоотношений между ними и рыночными институтами (образованиями), а также между самими институтами. Поэтому прибыль экономических субъектов будет зависеть от степени их соответствия нормам и правилам, установленным связанными с ними образованиями. Это, прежде всего, государство, правительственные структуры, корпоративный и предпринимательский сектора экономики, профсоюзы, потребители, а также морально-этические и социально-психологические явления, определяющие экономическое поведение рыночных субъектов.

К определению нулевого экономического роста исследователи обратились при преодолении таких вызовов глобального развития, как промышленные и бытовые выбросы, приводящие к уничтожению озонового слоя, лесных массивов, загрязнению атмосферы, мирового океана, источников питьевой воды, земель сельскохозяйственного назначения и приближающие глобальную экологическую катастрофу. Нулевой экономический рост должен обеспечить баланс между достигнутым уровнем качества жизни человечества и его существованием на планете за счет использования экономических рычагов в решении экологических проблем.

Преимущества такого подхода к сохранению экологического баланса важны для развитых стран, однако не учитывают индустриализацию других стран мира, происходящую также и за счет усилий развитых стран. К тому же исследователи не видели достаточно веских аргументов в экологизации промышленного развития. Поиск ответов на эти проблемные вопросы привел к формированию концепции устойчивого экономического роста, предполагающего отсутствие препятствий к развитию страны путем объединения интересов настоящего и будущих поколений, когда страна должна обеспечить наличие воспроизводственных ресурсов, полезных ископаемых и устойчивого генофонда нации.

Таким образом, произошло расширение парадигмы эколого-экономического роста за счет включения социальной составляющей, которая предусматривает верховенство права, наличие демократических свобод, сохранение культурных ценностей и достижений, выравнивание социальных перекосов между доходами бедных и богатых слоев населения. В отличие от предыдущих подходов к экономическому росту стран (экстенсивных или интенсивных) концепция устойчивого развития предусматривает отказ от высоких темпов экономического роста в пользу низких его темпов, что балансируется ростом экологической и социальной составляющих, направленных на сохранение окружающей природной и культурной среды.

Также экологические вызовы развития способствовали формированию теории ноосферы как концепции разумного роста. В отличие от нулевого экономического роста теория ноосферы выдвигает эколого-экономическое развитие как путь к выживанию человечества. Поэтому умственную и экономическую деятельность нужно направить на восстановление природной среды, развитие общественно-природных балансов, чтобы не допустить глобального природно-экологического катаклизма. Имеется в виду формирование новой системы производственно-товарных и денежных отношений, которая будет зависеть от возобновляемых

способностей окружающей природной среды. Эффективность концепции во многом зависит от степени гармоничного сосуществования человечества с окружающей средой. Здесь имеется в виду ситуация с нарушенным природно-экологическим балансом и недопущением того, чтобы агрессивная естественная среда не вредила существованию человечества. Таким образом, по теории ноосферного развития условием устойчивого общественного прогресса является эколого-экономический баланс. Однако подобная трактовка будет предопределять постепенный переход от товарно-денежных отношений к общественным моделям жизнедеятельности человечества на основании экологического императива.

Требования стран к интенсификации экономического развития наряду с дилеммой относительно его эффективности и социальной направленности привели к формированию концепции инновационного роста. Внедрение инноваций создает условия для уменьшения влияния социальных барьеров, образующихся при формировании и распределении материальных благ в экономике. Инновации обеспечивают рост путем научно-технических, организационно-экономических изменений и связанной с ними активизацией рыночных процессов.

Исследования направлений инновационного развития стран определили, что оно не всегда обеспечивает рациональную занятость, не снижает уровень безработицы, не обеспечивает распределение и перераспределение материальных благ среди бедных и беднейших слоев населения. Поэтому дальнейшие научные изыскания по вопросам справедливости, равных социальных возможностей, защиты рынка от колебаний и рисков нестабильной внешней среды, повышению работоспособности населения в активном возрасте привели к формированию концепции инклюзивного экономического роста стран. Ее сущность заключается в сочетании социальных, экономических и территориальных составляющих для достижения широкомасштабного общественного развития стран наряду с выравниванием социальных возможностей и уровней жизни в материальном и в нематериальном выражении, паритете доходов всех слоев населения путем их справедливого перераспределения.

Концепция инклюзивного экономического роста привлекла внимание подавляющего большинства международных и неправительственных организаций по вопросам развития экономики: ООН, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Всемирный экономический форум, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейская комиссия, Комиссия инклюзивного развития, Международный центр политики инклюзивного роста.

Она нашла отражение в многочисленных инициативах и программных документах указанных организаций, например, в индексе инклюзивного роста и развития, представленного Всемирным экономическим форумом в 2018 году, а также как элемент в стратегиях и программах экономического развития стран, например, стратегия разумного, устойчивого и инклюзивного роста «Европа 2020», утвержденная Европейской комиссией в 2010 г. [13].

Стратегия «Европа–2020» базируется на трех взаимодополняющих приоритетах: интеллектуальный (разумный) рост: развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях; устойчивый рост: продвижение более ресурсоэффективной, зеленой и

конкурентоспособной экономики; инклюзивный рост: развитие экономики с высоким уровнем занятости, что обеспечивает социальную и территориальную сплоченность.

Экономический рост может быть обеспечен различными инструментами и средствами, однако представляется возможным определить его положительные и отрицательные черты для общества и окружающей среды в целом (табл. 1).

Таблица 1

Сравнительная характеристика взглядов на общественное значение экономического роста стран и его последствий

Положительные черты экономического роста	Критические замечания
Экономический рост предусматривает увеличение основных макроэкономических показателей	Рост ВВП автоматически не обеспечивает рост качественных показателей экономического роста страны
Экономический рост предусматривает увеличение удельных показателей ВВП, которые отражают улучшение качества жизни населения	Рост ВВП на душу населения может и не обеспечивать реального роста благосостояния и качества жизни населения
Экономический рост стран позволяет обеспечивать решение важных задач в сфере промышленности, экологии, социального обеспечения	Экономический рост на основе НТП, в частности, автоматизации, роботизации производства, обеспечивает общество достаточным количеством материальных благ. Глобальным вызовом является концентрация ресурсов и капиталов и нарушение равномерности процессов их распределения, обмена и потребления
Экономический рост позволяет получить доступ к мировым рынкам сырьевых ресурсов, более доступных и дешевых, чем на национальных рынках	Экономический рост порождает вызовы относительно истощения производственных и природных ресурсов, запасы которых имеют тенденцию к истощению
Экономический рост стран позволяет получить дополнительные преимущества на мировом рынке через высокие рейтинги, экономическое, политическое и идеологическое влияние	Экономический рост порождает вызовы относительно естественных балансов, возможностей экосистем к самовоспроизводству, что приводит к их загрязнению и разрушению
Экономический рост определяет рост социально-экономического неравенства в обществе, но со временем мультицикличность оборота капитала приводит к увеличению удельных доходов населения и сокращению бедности и социального неравенства	Экономический рост должен создавать эффект равномерного распределения доходов сверху вниз и уменьшение разрыва между зажиточными и бедными слоями населения. Но технический прогресс углубляет экономическую дифференциацию как между странами мира, так и внутри стран. Даже в высокоразвитых странах есть население, находящееся за чертой бедности. Развитие постиндустриального общества в некоторой степени выравнивает этот дисбаланс за счет доминирования среднего класса, но не решает проблему бедности

Составлено авторами.

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН В УСЛОВИЯХ...

Согласно приведенных положений, мы можем сделать вывод, что применение различных подходов к трактовке результатов экономического роста стран имеет значение в контексте политических и экономических сдвигов и трансформаций, когда правительственная политика формирует ожидаемые результаты в основных направлениях: экономическом, инновационном, социальном, экологическом.

Правительственным и политическим структурам необходимо определиться, каких результатов необходимо ожидать в соответствии с вызовами развития мирового хозяйства и будущего места страны в процессах международного разделения труда. Развитие страны должно иметь сбалансированный характер между технологическим, социальным и экономическим векторами, а также обеспечивать безопасное, устойчивое и экологическое развитие будущих поколений. Оно должно обеспечивать переход для всех стран к индустриальным и постиндустриальным стадиям развития с формированием такого постиндустриального общества, которое не имеет существенного разрыва между бедными и богатыми слоями населения. Роль правительства растет, когда оно имеет больше возможностей непосредственно влиять на социально-экономическое развитие страны на основе налаживания диалога с частным и корпоративным секторами экономики, который трансформируется в устойчивое государственно-частное партнерство.

Экономический рост стран является в том числе и результатом правительственной поддержки и внедрения определенных мер макроэкономической политики, опирающейся на прозрачное законодательство, поддержку конкурентных отношений, когда правительства избегают лоббирования частных интересов, не допускают неравномерного развития определенных секторов экономики и придерживаются целесообразного распределения национального дохода. Эффективность экономического развития возрастает, когда экономические рычаги управления поддерживаются правительственными программами. В качестве примеров можно привести правительственные программы, которые обеспечили восстановление Японии после Второй мировой войны («большое экономическое чудо»), Германии, посткризисное развитие США (политика Ф. Рузвельта и Р. Рейгана), Великобритании (политика М. Тэтчер), индустриальное развитие НИС, реформы в Чили, Сингапуре, Китае.

Правительственную поддержку экономического развития в настоящее время невозможно проводить в рамках «чистой школы» кейнсианского, монетаристского, институционального или неоклассического направления. Она должна быть комбинированной с учетом множества состояний и проблем развития, которые должны быть преодолены. Все их можно свести к основным сферам макроэкономической среды страны, определяющих качество ее развития.

Одной из этих сфер является научно-техническое развитие (или преодоление технологического отставания от развитых стран), которое заключается в усилении инновационных процессов, неоиндустриализации, реформировании промышленности до «стандартов индустрии 4.0» (роботизация производства, сетевые технологии, облачные расчеты, создание автоматизированных промышленных комплексов с гибкими производственными системами, интегрированными с интернетом вещей и интернетом услуг). Это открывает

возможности для виртуализации (наблюдения и управления) всех производственных процессов в режиме реального времени, их децентрализации и автономии; повышения конкурентоспособности производства в условиях гиперсегментированных рынков сбыта для удовлетворения потребностей малых групп потребителей и даже отдельных заказчиков ассортиментом продукции различной глубины и насыщенности; гибкого подхода к формированию производственной программы; участия в процессах международного разделения труда путем специализации производств и кооперации производственных мощностей.

Фокусом развития является экономика знаний и информационная экономика, которые должны быть сосредоточены на переходе к возобновляемым источникам энергии, системам вычисления и управления базами данных, смарт-сельском хозяйстве, энергоэффективности производственных, коммунальных и хозяйственных процессов, корпоративной и государственной социальной ответственности, рационализации занятости и территориального размещения населения. Формирование постиндустриального общества должно включать социальную защиту и рост уровня жизни всех слоев населения.

Опыт индустриальных стран показал, что политика импортозамещения не создает условий для технико-экономического развития, она является попыткой искусственного стимулирования экономики, выборочного решения возникающих проблем внутреннего рынка. Однако современные многонациональные корпорации имеют большие возможности и бюджеты, чем отдельные страны, поэтому путь к адаптации и противодействию условиям внешней среды должен базироваться на создании собственных высокотехнологичных производств и изготовлении продукции конечного потребления с постепенным переходом к развитию сферы услуг.

В политической сфере правительственные усилия государства должны быть направлены на гармонизацию и адаптацию страны к глобальным вызовам, интеграцию в международные институты, защиту прав и свобод граждан, в том числе путем электронного управления. Но в этом контексте остается дискуссионным вопрос о деструктивных действиях различных политических сил, которые в своих попытках борьбы за политическое лидерство прибегают к популизму, манипуляции общественным мнением, бойкотированию правительственных инициатив.

В сфере социально-демографических вопросов следует развивать политику равномерного распределения промышленного потенциала, чтобы избежать монозависимости жителей градообразующих предприятий, стимулировать развитие старопромышленных, депрессивных, аграрных регионов страны. Такая политика пространственного развития позволит повышать качество жизни населения, обеспечит уравновешенность регионального развития и будет создавать предпосылки к развитию человеческого капитала. Качество последнего является определяющим фактором в эпоху экономики знаний, когда каждый человек выступает не только движущей силой к внедрению собственных умственных способностей, но и источником развития информационной инфраструктуры как потребитель дорогостоящих средств связи и персональной электроники, что

СТРАТЕГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН В УСЛОВИЯХ...

стимулирует развитие индустрии информационных технологий и их товарооборот на мировых товарных рынках.

В центр социальной правительственной политики нужно ставить жизненные интересы каждого отдельного человека, так как от интересов коллективов, социальных групп зависят результаты экономического развития страны. Таким образом, правительственная политика должна обеспечить формирование действенной экономической стратегии развития страны с учетом инновационной, социальной, экологической составляющих, обеспечивать концентрирование усилий населения и бизнеса на их достижении. Правительство должно создавать условия для привлечения внутренних и внешних инвестиций в перспективные высокотехнологические производства, гарантировать стабильность их функционирования, свободное движение капиталов, расширять условия применения государственно-частного партнерства с целью технологического и социального развития территорий.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что каждая из концепций экономического роста стран ориентирована на выполнение определенной стратегической задачи относительно вызовов развития мирового хозяйства, однако каждая из них не имеет всеохватывающей, универсальной трактовки, благоприятной для внедрения всеми странами мира (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика концепций экономического роста стран

Наименование	Характер	Критика
Нулевой	Экономико-экологический	Неопределенность и наличие мотивации источников инвестирования в решении экологических проблем
Устойчивый	Эколого-социально-экономический	Целесообразность для стран со сформированным гражданским обществом, которое является социально ответственным перед собственными потомками
Ноосферный	Эколого-экономический	Формирование системы денежных и товарно-производственных отношений, которые зависят от природно-экологического баланса
Инновационный	Инновационно-экономический	Наличие социального эффекта, неопределенного во временном и общественном измерении. Неопределенность применения инноваций по уровню волн и целесообразностью в экономике
Инклюзивный	Социально-экономический	Наличие структурно-технологических диспропорций между социальной сферой и промышленностью относительно занятости и оплаты труда, трудовая миграция в экономически развитые страны мира

Составлено авторами.

Таким образом, анализ приведенных недостатков концепций экономического роста стран позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, стратегии экономического роста стран не должны ухудшать экологическое состояние окружающей среды, формировать гармоничное, сбалансированное сельское хозяйство с точки зрения

занятости, автоматизации и производительности труда, достойного уровня жизни населения.

Во-вторых, стратегии экономического роста стран в технико-инновационном плане должны устранить сырьевую зависимость производства и экспорта, обеспечить переход к производствам высоких технологических укладов.

В-третьих, к проведению реформ в экономике должны быть привлечены предпринимательский и корпоративный секторы, чтобы инвестиции были равномерно распределены от малого к крупному бизнесу. Параллельно должно происходить формирование социально-ответственного гражданского общества, мотивированного к реформам, сплоченности нации, устранению социальных диспропорций среди населения. Драйвером и образцом таких преобразований должны быть именно обеспеченные слои населения.

В-четвертых, проведение реформ должно включать такую структуризацию государственного долга, чтобы обеспечивать его погашение и экономический суверенитет страны в будущем.

В-пятых, реформы промышленности должны обеспечивать обновление инфраструктуры в экономике (отказ от исчерпаемых источников топлива для энергетики и промышленности), машиностроении (переход на городской и частный электротранспорт), транспортных, информационных, энергетических магистралях.

ВЫВОДЫ

Разработка стратегий экономического роста стран требует взвешенного подхода с точки зрения ожидаемых результатов и имеющихся ресурсов. Страны различных уровней экономического развития требуют применения различных стратегий, но с ростом уровня развития стран интенсивность стратегий снижается, акценты смещаются от развития промышленности к повышению уровня занятости и качеству жизни населения, развитию гражданского общества, социальной и экологической ответственности.

Актуальным вызовом мировой экономики является поиск и построение эффективных методов взаимодействия правительственных структур с корпоративным сектором экономики, для того чтобы направить усилия крупного бизнеса на решение вопросов социально-экологического развития страны в режиме диалога и государственно-частного партнерства.

Эволюция стратегий роста стран опиралась на экономическую, экологическую, социальную, инновационно-технологическую составляющие, которые создавали положительный эффект развития стран. Практика их применения различными странами показала, что на разных этапах развития каждая составляющая добавляет желаемого эффекта, когда страны выбирают различные варианты в качестве переходных, и переходят к развитию стратегии инклюзивного роста.

Если сравнивать инклюзивную экономику с другими направлениями и программами правительственного сотрудничества, то можно ее сравнить с концепцией государственно-частного партнерства, с той разницей, что второе направлено на проведение диалога и коллаборацию в социальных проектах предпринимательского и

корпоративного секторов экономики, а первая предусматривает прямое привлечение широких слоев населения к социальным инициативам.

Для развитых стран мира стратегия инклюзивного роста имеет дополняющий, результирующий характер, который усиливает действие базовой стратегии устойчивого (для стран ЕС) или инновационного роста (для США, Индии, КНР). Для стран с транзитивной экономикой формирование стратегий экономического роста инклюзивного типа должно происходить после решения задач по построению самодостаточной индустриальной экономики, которая будет иметь направленность к постиндустриальному развитию.

Национальная стратегия инклюзивного роста должна опираться на базовые принципы паритетности экономических возможностей относительно: доступа рыночных субъектов к ресурсам и рынкам сбыта; равенства в политической, законодательной, антимонопольной, налоговой политике; внедрения целенаправленной правительственной политики на рынке труда (достойный труд, продуктивная занятость, качество жизни населения) и взаимодействия между бизнесом, правительством, профсоюзами, рабочими и населением в целом относительно равномерного распределения национального дохода и сокращения разрывов между бедными и богатыми слоями населения.

Список литературы

1. Бочарникова Ю. В. Система факторов экономического роста // Вестник науки и образования. 2016. №7 (19) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-faktorov-ekonomicheskogo-rosta-1>.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. Москва: «Прогресс», 1984. 367 с. [Электронный ресурс] URL: <https://drive.google.com/file/d/0B94jiYiyxxDHUW9QeWxDVkJ9LMDA/view>.
3. Горшенина Е. В. Экономический рост // Экономические исследования. 2016. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskij-rost>.
4. Давыдова Г. В., Козлова О. С. Источники экономического роста // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2017. № 4 (23). С. 52–64.
5. Ивантер В. В. Механизмы экономического роста // Мир новой экономики. 2018. № 3. С. 24–35.
6. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. Москва: Эксмо, 2007. 960 с.
7. Кларк Дж. Б. Распределение богатства. Москва: Экономика, 1992. 447 с.
8. Коммонс Дж. Р. Институциональная экономика // Экономический вестник РГУ. 2007. Том 5. № 4. С. 59–70.
9. Кондрашова Н. В., Ложкина И. Ю. К вопросу об экономическом развитии и экономическом росте // Социально-экономические явления и процессы. 2017. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ekonomicheskom-razviti-i-ekonomicheskom-roste>.
10. Леонтьев В., Ченери В., Кларк Г. Исследование структуры американской экономики: Теоретический и эмпирический анализ по схеме затраты–выпуск. Москва: Госстатиздат, 1958. 640 с.
11. Маршалл А. Принципы экономической науки. Москва: Прогресс. 1993. 594 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.library.fa.ru/files/Marshall.pdf>.
12. Пискулов Ю. В. Международная торговля и экономический рост // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 1. С. 96–102.
13. Стратегия развития Европы до 2020 года «Стратегия разумного, устойчивого и всестороннего роста» [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf>.
14. Фридман М. Капитализм и свобода / пер. с англ. М: Новое издательство, 2016. 240 с.
15. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Москва: Эксмо, 2008. 863 с.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 343.97

МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В КРЫМУ

Зиновьев И., Реутов В. Е.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: reutov@ieu.cfuv.ru

В доминирующем большинстве случаев при изучении преступлений экономической направленности (далее ПЭН) объектом анализа исследователей становятся абсолютные показатели (включая количественные характеристики зарегистрированных, предварительно расследованных и/или временно приостановленных ПЭН), либо (в лучшем случае) их производные. При этом исследователи в качестве источника информации зачастую используют исключительно статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД [1] или Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ [2].

Такой подход к изучению ПЭН объясняется, на наш взгляд, рядом основных причин, среди которых необходимо отметить деградацию вневедомственной отечественной криминологической школы (или ее переход в закрытый режим публикаций); нежелание формальных властных элит видеть и знать реальное положение с экономической преступностью в стране; заказ на «социальный позитив»; уверенность представителей исполнительной власти во вседозволенности при сохранении формальных признаков личной преданности; вырождением модели социальной структуры современного общества страны и рядом других, не менее негативных. Информационно-аналитические справки (о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности) МВД Республики Крым [3] не только носят формально-декларативный характер, но и не являются источником вторичного массива данных для анализа либо валидного анализа материального ущерба.

Ключевые слова: экономическая преступность, материальный ущерб, динамические и структурные тренды, моделирование прогнозных тенденций, преступления экономической направленности, экономическая преступность в Республике Крым.

ВВЕДЕНИЕ

По нашему мнению, количественные характеристики ПЭН не вполне корректно позиционируют роль и значение преступлений экономической направленности в формировании динамических трендов экономики страны, а также не могут отразить степень экономического, социального и морального ущерба от данного вида противоправных деяний. Ограничение объектно-предметного поля исследований рассмотрением лишь степени распространенности данного явления и количественной динамики его развития по основным формальным официальным показателям не позволяет учесть перспективную степень формирующегося правового нигилизма, ментальных трансформаций и расслоения общества по степени «подсудности» при совершении противоправных деяний, а также иных значимых аспектов влияния ПЭН на социальные и экономические тренды.

Обосновывая избранный нами временной диапазон для анализа материального ущерба от преступлений экономической направленности, мы руководствовались следующим: 2014 год следует считать «переходным» для региона (в рамках которого лишь начался переход на российскую правовую базу); период 2015–2019 гг.

МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ...

допустимо считать «условно-целостным» (без форс–мажорных преобразований в экономике и правовой системе, аналогичным весне–лету 2020 года из-за COVID–19).

Цель исследования – выявить наиболее валидные и информационно насыщенные маркерные показатели преступлений экономической направленности, способные предоставить информационную базу для анализа наиболее значимых и формирующихся тенденций материального ущерба от ПЭН в Республике Крым.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Общая динамика показателей по ПЭН за 2015–2019 гг. (табл. 1) свидетельствует о том, что наметившийся к 2017 году стремительный рост числа зарегистрированных ПЭН был «приостановлен» за счет системного применения «административного ресурса». Обоснованность данного утверждения косвенно подтверждается практически неизменной динамикой количества предварительно расследованных ПЭН за анализируемый период. Однако это использование «системы с положительной обратной связью» (рис. 1) дало свой результат лишь к 2018 году (за счет взрывного роста приостановленных уголовных дел и некоторого роста прекращенных дел по ПЭН).

Таблица 1.

Количественные характеристики структуры расследуемости зарегистрированных преступлений экономической направленности в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Зарегистрировано ПЭН	845	856	1066	1037	772
Предварительно расследовано ПЭН	537	530	467	489	458
ПЭН, УД о которых приостановлены	267	223	251	415	201
УД по ПЭН, дела по которым прекращены	81	70	98	133	111

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

При сохранении данного подхода в 2018–2019 гг. модель «корректив» фактических показателей к 2020 году уже изжила себя и приведет к сокращению количества зарегистрированных преступлений к «абсурдному» уровню в 650 ПЭН за год. С учетом того, что возможность «накопления» приостановленных уголовных дел практически исчерпана, следует обоснованно ожидать прироста прекращенных дел, что, в свою очередь, будет вызывать оправданные вопросы у прокуратуры Республики Крым и привлечет внимание к ситуации в регионе со стороны федерального центра.

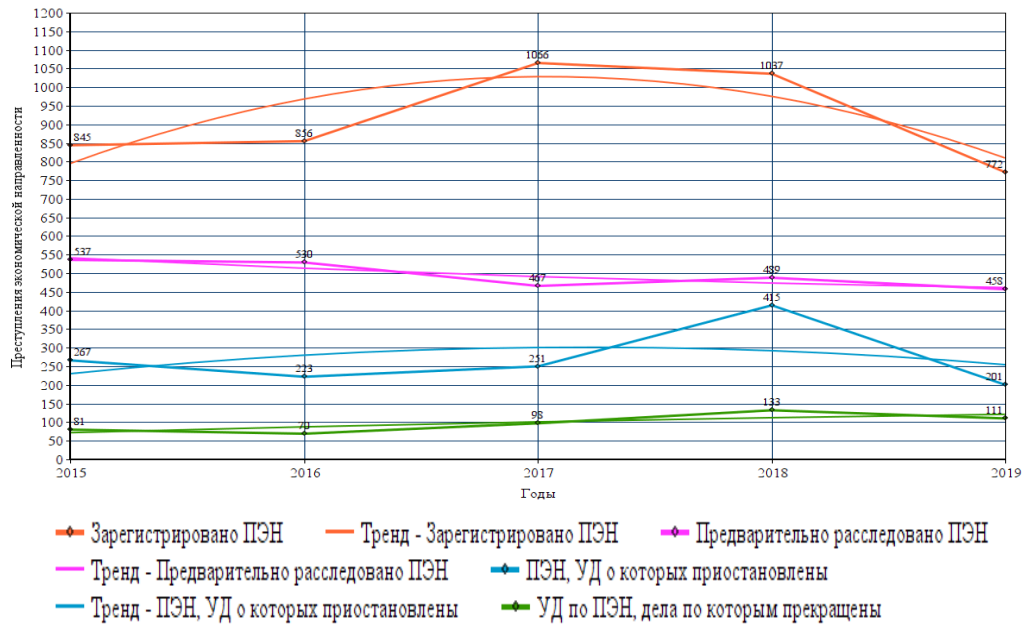

Рисунок 1. Общая динамика и полиномиальные тренды по показателям регистрируемости и раскрываемости ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг., *
* – составлено на основе данных форм 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

Перепроверяя рабочую гипотезу об «управляемом характере» официальных показателей, характеризующих состояние ПЭН в Крыму, мы проанализировали динамику структурных долей по предварительно расследованным, прекращенным и приостановленным уголовным делам по преступлениям данной категории (табл. 2). В качестве базы анализа мы использовали показатель количества зарегистрированных ПЭН, отражающий абсолютную величину состояния «системы экономических преступлений» в анализируемом периоде. Детализация трендов структурных долей (рис. 2) свидетельствует о правомерности выдвинутой нами гипотезы и подтверждает ее.

Таблица 2.
Динамика структурных долей показателей, характеризующих ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг.

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Доля предварительно расследованных ПЭН от зарегистрированных, %	63,55	61,92	43,81	47,16	59,33
Доля прекращенных УД по ПЭН от зарегистрированных, %	9,59	8,18	9,19	12,83	14,38
Доля приостановленных УД по ПЭН от зарегистрированных, %	31,60	26,05	23,55	40,02	26,04

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ...

Дополнительным позитивным итогом графической формы представления полученных трендов является возможность визуализации тех рычагов воздействия на официальные показатели по ПЭН, которые использовались для достижения «положительного социального эффекта». Учитывая тот факт, что количество предварительно раскрытых преступлений (по ПЭН) оставалось практически неизменным весь анализируемый период (рис. 2), мы применили и еще один расчетный показатель (доля предварительно расследованных ПЭН, уголовные дела о которых направлены в суд с обвинительным заключением, %), позволяющий оценить ту долю преступных деяний данной категории, которую решили вынести на судебное рассмотрение. В 2015–2019 гг. данный показатель составлял: 84,92; 86,79; 79,01; 72,80 и 74,02 %, соответственно. Налицо нисходящая динамика доли даже предварительно расследованных преступлений экономической направленности, уголовные дела о которых доходят до судебного рассмотрения. «Списать» подобную устойчивую тенденцию лишь на процедурный характер, на наш взгляд, не представляется возможным.

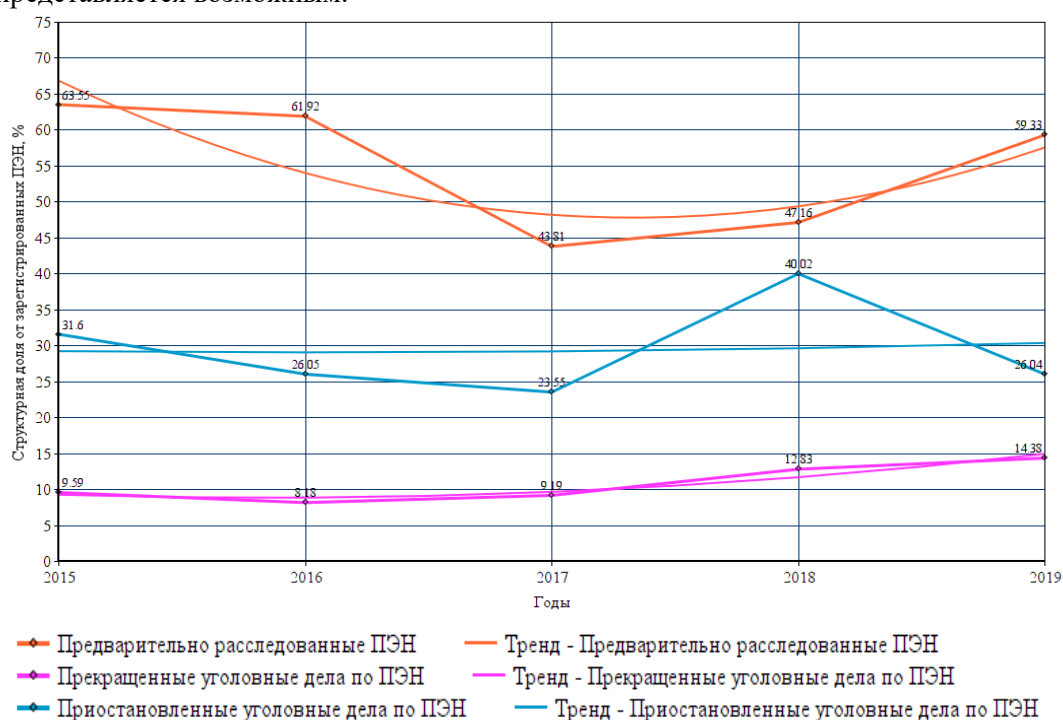

Рисунок 2. Детализация полиномиальных трендов показателей структурных долей предварительно расследованных, приостановленных и прекращенных уголовных дел по ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

* – составлено на основе данных форм 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

Для анализа материального ущерба от преступлений экономической направленности и его соотнесения с материальным ущербом от всех преступных

деяний (на основе официальных данных), мы вычленили три базовых показателя (табл. 3). Динамика их развития (рис. 3) наглядно демонстрирует «всплеск» причиненного материального ущерба по оконченным уголовным делам (как по преступности в целом, так и по ПЭН) в 2016 году, а также по приостановленным уголовным делам указанных категорий в 2018 году. При этом, графическое представление сравнительных тенденций по преступности в целом и ПЭН позволяет выявить значимые структурные различия, а полиномиальные тренды свидетельствуют о разнонаправленных векторах развития, направленность которых не может быть следствием разовых всплесков и/или колебаний в системе учета и/или активности преступности.

Таблица 3.

Количественные характеристики материального ущерба от преступлений экономической направленности в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Размер причиненного МУ от зарегистрированных преступлений, всего, тыс. руб.	2243589	4125127	1628133	2967424	3902711
Размер причиненного МУ по оконченным УД, тыс. руб.	1057130	2248281	642907	656767	1883887
Размер причиненного материального ущерба по приостановленным УД, тыс. руб.	1186459	1876846	985226	2310657	2018824

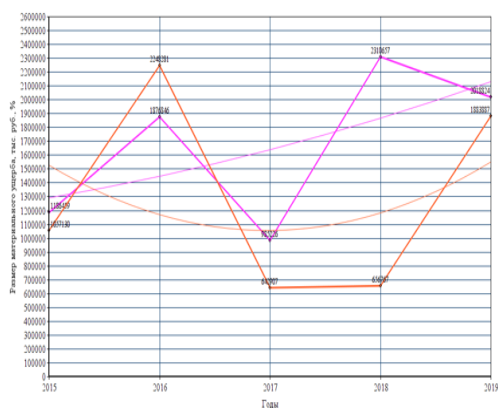
* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

Однако если по материальному ущербу от преступности в целом (рис. 3. а)) тренд на превышение материального ущерба по приостановленным делам все еще продолжает превышать линию тренда по оконченным, то в отношении материального ущерба (МУ) от ПЭН (рис. 3. в)) данную негативную тенденцию практически удастся переломить к 2020 году. При анализе данных ежемесячных форм 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4] удалось выявить «компенсационный» источник данного противоречия (рис. 4), заключающийся в характере тренда добровольно погашенного материального ущерба по ПЭН.

Обращает на себя внимание не только тот факт, что сумма добровольно погашенного материального ущерба по уголовным делам по ПЭН за пять анализируемых лет составила 2 388 273 тыс. руб., но и то, что (за исключением 2016 года) данный «компенсационный механизм» избегания уголовного наказания перестал быть интересен субъектам преступных деяний. Его незначительный рост в 2019 году объясняется ростом масштабов материального ущерба от самих преступных деяний экономической направленности.

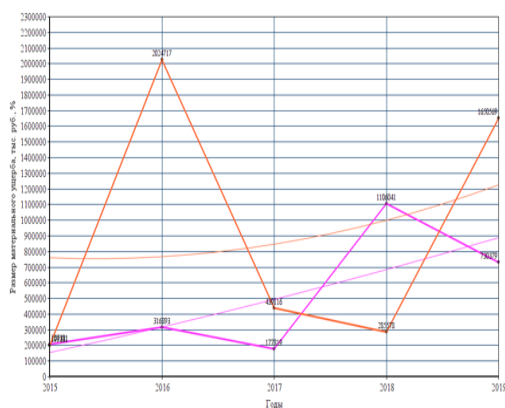
МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ...

а) материальный ущерб от преступности в Республике Крым

— Размер привлеченного МУ по категориям УД — Тренд - Размер привлеченного МУ по категориям УД
 — Размер привлеченного материального ущерба по преступлениям УД — Тренд - Размер привлеченного материального ущерба по преступлениям УД

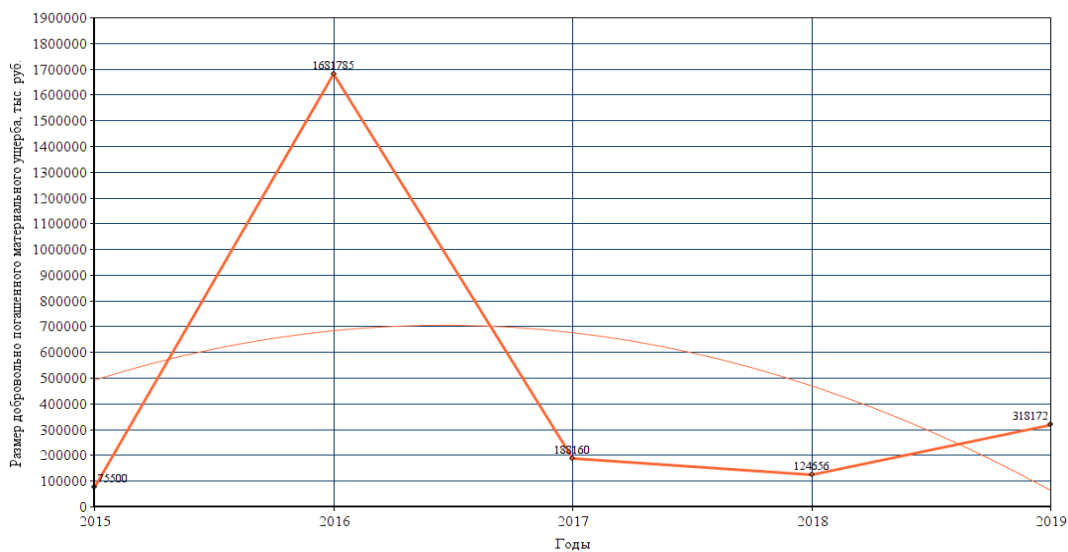
в) материальный ущерб от ПЭН в Республике Крым

— Материальный ущерб по категориям УД по ПЭН — Тренд - Материальный ущерб по категориям УД по ПЭН
 — Материальный ущерб по преступлениям УД по ПЭН — Тренд - Материальный ущерб по преступлениям УД по ПЭН

Рисунок 3. Динамика количественных показателей материального ущерба от преступности в Республике Крым (а) и от ПЭН (в) в 2015–2019 гг., *

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

— Добровольно погашенный материальный ущерб по ПЭН — Тренд - Добровольно погашенный материальный ущерб по ПЭН

Рисунок 4. Динамика добровольно погашенного материального ущерба по ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

Стремясь к детализации структурного и динамического анализа тенденций в экономической преступности в Крыму, мы разработали и рассчитали ряд «маркерных» показателей, способствующих более глубокому осмыслению сформировавшихся и формирующихся трендов. Первая группа из них (включающая два показателя) характеризует тренд «специализации» выявленных лиц, совершивших ПЭН именно на данном виде противоправных деяний (рис. 5). Издержки совершения ПЭН с 2017 года стали столь высоки и растущие шансы на раскрытие преступления экономической направленности (на уровне 59 %) привели к снижению вовлеченности каждого выявленного преступника в несколько преступлений одновременно. Косвенно выявленная тенденция подтверждает, к сожалению, и тот факт, что количество выявленных лиц, совершивших ПЭН, снижается, однако это представляется маловероятным де-факто (по меньшей мере из-за того, что сами преступления экономической направленности являются интеллектуалоемкими и практически неосуществимы «кустарями-одиночками» вне использования финансовой и информационно-телекоммуникационной инфраструктур).

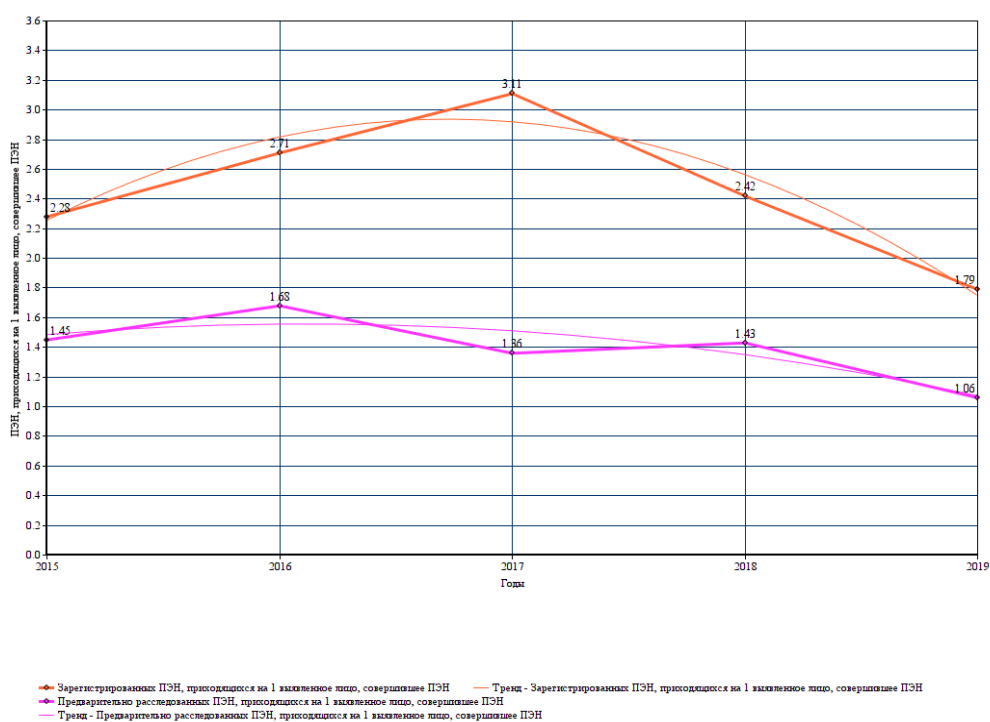

Рисунок 5. Динамика маркерных показателей, характеризующих количество ПЭН, приходящихся на 1 выявленное лицо, совершившее ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ...

Вторая группа показателей характеризует масштаб распространения ПЭН в стоимостном выражении и включает в себя четыре «маркера» (табл. 4). Рост МУ на 1 зарегистрированное ПЭН в 6,4 раза и в 5 раз на 1 выявленное лицо, совершившее ПЭН за рассматриваемый период, свидетельствует о разрастании экономической преступности в регионе как по масштабам, так и по вовлеченности лиц.

Таблица 4.

Маркерные показатели, характеризующие масштаб распространенности ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

Наименование показателя	Годы				
	2015	2016	2017	2018	2019
Материальный ущерб (по оконченным и приостановленным УД) на 1 зарегистрированное ПЭН, тыс. руб.	481,316	2735,526	578,738	1341,966	3084,130
Материальный ущерб (по оконченным и приостановленным УД) на 1 выявленное лицо, совершившее ПЭН, тыс. руб.	1099,222	7410,158	1798,644	3251,446	5511,454
Материальный ущерб (по оконченным УД) на 1 предварительно расследованное ПЭН, тыс. руб.	371,194	3820,221	940,291	584,004	3603,862
Материальный ущерб на 1 оконченное УД по ПЭН, материалы о которых направлены в суд с обвинительным заключением, тыс. руб.	437,129	4401,559	1190,016	802,185	4868,935

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

Опираясь на данные табл. 4, допустимо констатировать, что внешняя позитивная динамика, выражающаяся в снижении абсолютных показателей количества зарегистрированных преступлений экономической направленности, не отражает отрицательного итога неудачных попыток исполнительной власти региона переломить скачкообразный рост ПЭН в 2016 и 2019 годах. Графическое представление динамики маркерных показателей второй группы (рис. 6) дает возможность выявить и еще один значимый аспект: если в 2016 году материальный ущерб на 1 направленное в суд с обвинительным заключением уголовное дело по ПЭН превышал материальный ущерб на 1 зарегистрированное и 1 предварительно расследованное преступление (что можно было бы объяснить «накопленным итогом» расследования совершенных ранее крупных преступлений экономической направленности), то в 2019 году тренд по материальному ущербу зарегистрированных и предварительно расследованных уголовных дел по ПЭН практически сравнялись (что, попросту, математически невозможно при существующем уровне раскрываемости. Кроме того, полиномиальные тренды материального ущерба по предварительно расследованным ПЭН и уголовным делам, направленным в суд с обвинительным заключением, системно превышают тренд

материального ущерба по зарегистрированным ПЭН за весь исследуемый период, что явно противоречит не только скачкообразной динамике материального ущерба на 1 выявленное лицо, совершившее ПЭН, но и здравому смыслу.

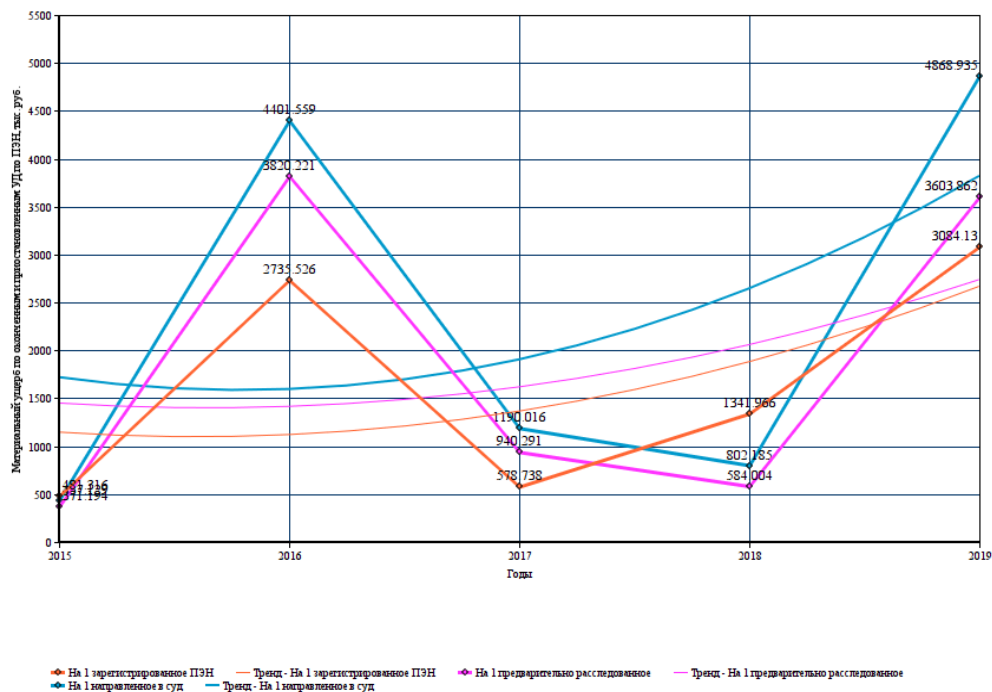

Рисунок 6. Динамика маркерных показателей, характеризующих масштабы распространенности ПЭН в Республике Крым в 2015–2019 гг., *

* – данные составлены по формам 4–ЕГС Прокуратуры Республики Крым [4].

ВЫВОДЫ

1. Показатели официальной статистики, характеризующие как структуру, так и динамику преступлений экономической направленности в Республике Крым, не отражают реальных масштабов и тенденций в экономической преступности региона и математически не вполне корректны.

2. Структурные маркеры первой и второй групп, предложенные нами, позволяют не только выявить сложившиеся негативные тенденции в динамическом росте масштабов ПЭН на территории, но и провести сравнительный анализ с другими регионами страны и/или общероссийскими тенденциями.

3. Материальный ущерб от преступлений экономической направленности в Крыму растет и по масштабам, и по вовлеченности лиц, однако стремление реализовать «социальный заказ» на благополучие перемен пока не позволяет органам

исполнительной власти выработать действенные механизмы противодействия ПЭН на территории.

Список литературы

1. Состояние преступности в России (Статистика и аналитика) / ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» // Министерство внутренних дел Российской Федерации. Москва. [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics>
2. Показатели преступности России / Портал правовой статистики // Генеральная прокуратура Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/offenses_map
3. Информационно-аналитические справки о состоянии преступности и основных результатах оперативно-служебной деятельности МВД по Республике Крым / Результаты деятельности (информационно-аналитические справки) // Министерство внутренних дел по Республике Крым. [Электронный ресурс]. URL: https://82.мвд.рф/Dejatelnost/Rezultati_dejatelnosti
4. Статистические отчеты прокуратуры Республики Крым / Результаты деятельности органов прокуратуры РФ // Прокуратура Республики Крым. [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_91/activity/statistics/office/result

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 330.162

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Королев О. Л., Круликовский А. П.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail o.korolyov@cfuv.ru

В статье рассмотрены современные тенденции трансформации структуры мировой экономики под воздействием процессов цифровизации социально-экономических отношений. Сделан акцент на анализ изменения мировой экономической инфраструктуры на базе современных цифровых технологий.

Ключевые слова: цифровизация, институциональные трансформации, блокчейн, мировая экономика.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования определяется стремительным развитием цифровых технологий, их повсеместным внедрением в различные сферы социальной и экономической жизни общества. Трансформации традиционных моделей взаимоотношений приобретают революционный характер. Эти трансформации приводят к тому, что подходы и методы решения типовых задач в экономике также изменяются. Процессы изменений под влиянием цифровых технологий носят глобальный характер и затрагивают институциональные аспекты формирования и развития экономических отношений как на уровне мировой экономической системы, так и на уровне отдельных макрорегионов и локальных региональных уровнях.

Вопросами исследования влияния процессов цифровизации на экономические отношения и экономическое развитие занимаются отечественные и зарубежные исследователи и ученые. Например, Устюжанина Е. В., Зайцева Е. В. и др. [1] рассматривают вопросы влияния цифровизации на трансформацию экономических процессов. Володин В. М., Питайкина И. А., Влазнева С. А. исследуют вопросы влияния процессов цифровизации на трансформацию человеческого капитала [2] и, в частности, отмечают, что «развитие цифровой эры сопровождается колоссальными структурными сдвигами и структурной безработицей, которые предлагается нивелировать через изменение системы формирования человеческого капитала». Гурина И. А. и другие рассматривают вопросы прорывного технологического развития промышленных комплексов [3], выделяют факторы формирования технологического лидерства в промышленных комплексах с точки зрения процессов цифровизации. Вопросам трансформации цифровой культуры предпринимательства посвящена работа Шороховой Н. А. [4]. Однако проблема анализа цифровых преобразований глобальной экономики и выявления общих тенденций не исследована в достаточной мере.

Целью исследования является выявление тенденций цифровых преобразований глобальной экономики и факторов, определяющих эти тенденции.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Цифровая трансформация изменяет отношения и поведение потребителей и поставщиков. Диапазон предложений становится значительно шире и сложнее с точки зрения потребительских качеств. Решения ИТ-руководителей должны быть согласованы с бизнесом и использовать современные цифровые технологии в соответствии с спектром критериев, чтобы помочь компаниям достигнуть эффективного компромисса между затратами и прибылью.

Цифровая эпоха, вызванная ростом киберфизических систем (cyber-physical systems, CPS) и четвертой промышленной революции, полностью изменила способы поставки компаниями своей продукции на рынок и поведение потребителей при покупке. Сочетание гиперссылок со стороны предложения и необходимость гиперстандартной настройки на стороне спроса создали множество возможностей как никогда раньше.

Хорошим примером этого является то, как работает Amazon.com. Несколько лет назад было бы невозможно представить себе ритейлера, который предлагает миллионы продуктов и сотни вариантов для каждого, но все же упрощает для клиентов выбор. Сегодня компания может создавать ценность из своей сложности продукта с помощью простого набора процессов, ориентированных на клиента. Среди таких процессов можно выделить поиск, рейтинги, обзоры и предложения.

Управление сложностью бизнеса обычно связано с компромиссом, который заставляет компании выбирать между ценностью, которая связана с ее сложностью, и преимуществами простоты. Поскольку цифровой век де-факто наступил, и предприятия смогли войти в новые географические регионы, освоить новые продукты и каналы сбыта, создать инновационные и традиционные продукты и услуги, создать новые гранулированные сегменты клиентов, предложения компаний становятся более сложными для повышения ценности на рынке.

Как неизбежное следствие, компании затруднили взаимодействие с клиентами, они усложнили работу сотрудников и, наконец, увеличили сложность своих расходов. Положительным моментом является то, что, рассчитывая на современные цифровые технологии, компании могут повысить сложность добавленной стоимости в своих продуктовых предложениях, сохраняя при этом простые процессы для клиентов и сотрудников, что, безусловно, должно уравновешивать затраты.

Чтобы проанализировать генезис экономики сложности и ее влияние на затраты внутри компании, необходимо исследовать влияние каждой предыдущей экономической эпохи на производство и какова была роль технологии в каждой из них.

Доиндустриальная эпоха. До того, как на фабриках и производственных линиях работали машины, единственными источниками энергии и средств производства для компаний были сила человека и животных, что означало, что объем производства зависел от физического состояния людей и животных, которые участвуют в производстве. На этом этапе отсутствовала экономия на эффекте масштаба, производство было очень ограниченным и не было никаких средств точного прогноза или контроля затрат.

Индустриальная эпоха характеризуется экономией на масштабах. Здесь начинается механическая и энергетическая революции с использованием электрических, паровых, нефтяных и других топливных машин на заводах и создание производственных линий. К этому времени возникли возможности для улучшения прогноза затрат. Именно здесь появилась экономия на масштабах, а эффективность была обусловлена объемом производства, а это значит, что чем больше произведено, тем лучше.

Постиндустриальная или цифровая эпоха. Этот период характеризуется ростом киберфизических систем и был отмечен серией изменений в соотношении спроса и предложения, что значительно увеличило разнообразие продуктов и услуг, предлагаемых многими компаниями на рынках в попытке охватить все скрытые потребности и новые сегменты клиентов, созданные путем разукрупнения нескольких продуктов и услуг. Это в сочетании с гиперстандартной настройкой, которая востребована клиентами, является идеальной формулой для возникновения невидимой сложной структуры стоимости или экономии на сложности. На этом этапе баланс между объемом и самой сложностью затрат способствует повышению эффективности, что является противоположностью экономии на масштабах [5].

Чтобы лучше проиллюстрировать описанные выше периоды, приведена диаграмма, которая обобщает каждую из описанных эпох и отражает то, как ведут себя затраты:

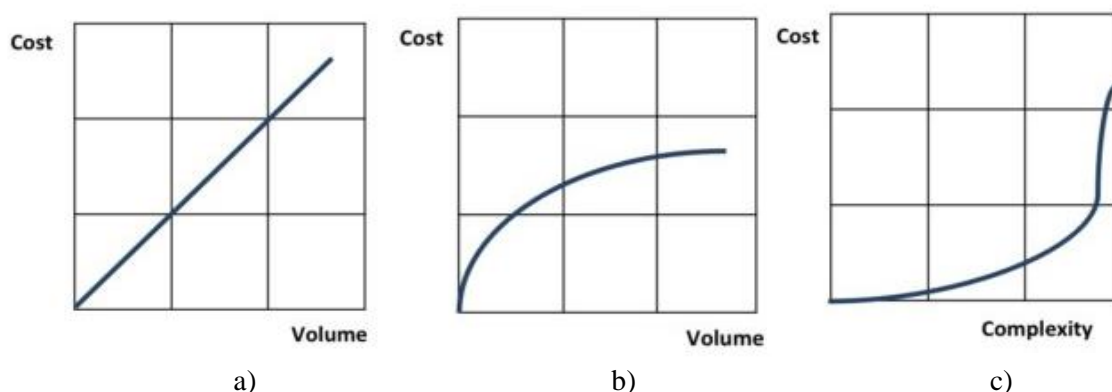

Рисунок 1. а) соотношение затраты/результат в доиндустриальной эпохе. Факторы переменных затрат: – энергия производства ограничивалась человеческой и животной силой; – меньшая эффективность масштаба; – эффективность производилась с помощью индивидуальной силы и скорости.

б) соотношение затраты/результат в индустриальной эпохе. Факторы прогнозируемых расходов: – революция механической энергии (пара и электричества) создает экономику масштаба; – эффективность определялась объемом – чем больше, тем лучше.

с) соотношение затраты/сложность в постиндустриальной эпохе. Факторы комплексных затрат: – рост на разнообразии предложений управляет геометрическим ростом сложности цены; – эффективность и доступность обусловлены балансом между объемом и сложностью, который противоположен экономии на масштабах. [5]

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

Важным в экономике сложности является то, что эти эффекты могут быть как позитивными, так и негативными, в зависимости от того, как компании будут управлять мерой сложности, чтобы повысить ценность. Обычно для компаний, пытающихся повысить ценность за счет увеличения разнообразия в своих предложениях по продуктам и услугам, практически неизбежно повышается сложность процессов, разрушающих ценность, и, с другой стороны, увеличение ассортимента продукции может сделать процесс выбора намного сложнее для клиентов. Более того, это также относится и к внутренним процессам, сложность которых часто растет с увеличением сложности продукта. В то время как запутанные клиенты могут серьезно снизить доходы компании, сложные или запутанные внутренние процессы увеличивают стоимость компании. Неэффективный сложный процесс перегружает клиентов и сотрудников, заставляя их обращаться к нескольким людям, вводить данные несколько раз, регистрироваться в разных системах или обращаться в разные центры обработки запросов для разных продуктов из той же компании, и эти компании часто воспринимаются как трудные для решения проблем клиентов. В результате клиенты могут оставлять негативные отзывы в разных социальных сетях.

Наконец, самый важный вопрос: кто должен привести компанию к балансу сложности? Из-за этой сложности управление экономикой сложности и новым способом ведения бизнеса стало проблемой между компаниями, и ни один из лидеров отдельных подразделений не может полностью отвечать за поиск этого баланса. Глядя на лидерство на уровне их обязанностей, финансовый директор был бы естественным ответственным лицом, если бы управление сложностью в основном касалось управления затратами, или главный операционный директор должен обладать знаниями о потребностях во внутренних процессах, руководитель по инновациям фокусируется на продуктах и услугах, а также на сбор информации о рынке. Что касается ИТ-директора, то он в большей степени настроен на сложность компании, поскольку она из года в год накладывается на ИТ-системы. ИТ-директора также являются основой цифровых преобразований, что помогает переосмыслить управление сложностью на стратегическом уровне. Экономическая сложность требует исполнительного комитета, и сотрудничество является ключом к поиску идеального баланса для каждой компании. Тот, кто ведет поиск в компании баланса сложности, должен привести предприятие к культурным изменениям, чтобы внедрить управление сложностью в структуру компании после того, как они впервые создали видение и простой набор показателей. В конце этого поиска баланса бывают быстрые победы, и награды могут быть очень существенными.

И в качестве примера рассмотрим мнение Роберт Паркера, вице-президента группы IDC. Он считает, что цифровая трансформация является инициативой на уровне совета директоров и основой бизнес-стратегий для компаний всех размеров. «Мы разработали наши прогнозы в основном вокруг пяти столпов нашей модели зрелости: лидерства, опыта, информации, операционной модели и трудозатрат. Мы выделили два прогноза для опыта, информации и операционной модели, поскольку они связаны с тремя областями, которые ведутся более зрелыми компаниями. Мы также включили предсказание для служб стратегии – очень важно в ближайшей перспективе

добиться прогресса и в вопросах искусственного интеллекта (ИИ), который будет иметь огромное долгосрочное влияние.

Предсказание 1: к 2020 году одна треть руководителей глобальных компаний 2000 года проведет минимум пять лет своей карьеры в роли лидера в области технологий.

Предсказание 2: к 2020 году почти 20 % операционных процессов будут самовосстанавливаться и самообучаться, сводя к минимуму потребность в вмешательстве или корректировках человека.

Предсказание 3: в 2019 году 5 % доходов поступят в результате взаимодействия с цифровым помощником клиента.

Предсказание 4: к 2020 году половина компаний из списка Global 2000 будет подключена к открытому и автоматизированному обмену информацией для обеспечения быстрого предоставления услуг передачи данных для управления и разработки продуктов.

Предсказание 5: в 2019 году компании из списка Global 2000 будут использовать методы, подобные Kickstarter, для выделения капитала в 15 % новых проектов, стремящихся увеличить их новый продукт. Повышение ставок успеха более чем на 50 %.

Предсказание 6: в 2019 году спрос на услуги, связанные с цифровыми услугами, будет составлять более 70 % роста всех внешних услуг и 40 % от общего объема расходов на обслуживание по всему миру.

Предсказание 7: в 2019 году 40 % инициатив в области цифровой трансформации будут поддерживаться возможностями ИИ, обеспечивая критические анализы времени для новых моделей работы и монетизации» [6].

Мишель Симмонс – генеральный менеджер по новым рынкам Юго-Восточной Азии, Microsoft Asia Pacific – говорит, что создание цифровых ноу-хау в странах с формирующимся рынком имеет решающее значение для экономических и деловых преобразований. Она также рассматривает, как сегодняшние студенты и рабочие приобретают новые навыки, чтобы конкурировать в будущем. «Технологии внедряются в развивающихся странах, потому что они рассматриваются как способ преобразования экономики, преобразования бизнеса. Цифровая трансформация имеет потенциал, позволяющий миллионам людей достичь большего. Его потенциал для региона может быть глубоким. Совершенно верно, цифровое преобразование означает экономическую трансформацию, а это означает трансформацию для всех» [6].

За прошедшие годы развивающиеся экономики в Азиатско-Тихоокеанском регионе неуклонно росли благодаря относительно дешевой и низкоквалифицированной рабочей силе в сельском хозяйстве и в низкоуровневом, ориентированном на экспорт производстве. Эта стратегия сделала их более сильными странами. Теперь правительства стран АТР понимают, что они должны наращивать технологические возможности, чтобы модернизировать свои производства, основанные на знаниях, с профессиональными кадрами управляющие знаниями, которые обладают цифровой грамотностью.

Вопросы формирования цифровых компетенций и их влиянию на экосистему цифровой экономики, в частности, рассматриваются в исследованиях Никитиной М. Г. [7]. Так, Никитина М. Г. выделяет следующие компетенции цифровой экономики,

которые востребованы на рынке труда: 1) готовность продуктивно действовать в глобальном мире; 2) готовность работать в команде при реализации разных видов деятельности; 3) готовность к работе с различной информацией; 4) готовность к применению информационных технологий; 5) готовность к обеспечению информационной безопасности и др.

Основная проблема связана с тем, как высококвалифицированные рабочие, реализующие трудовые функции в цифровой форме, дифференцированы в условиях труда в развитых и развивающихся странах. Особенность доступа к выполнению трудовых функций на основе компьютерной техники и информационных технологий ставит работников практически в равные условия и дает им равные возможности как в развитых, так и в развивающихся странах. Стоит отметить, что в области цифровых технологий «нет такого страха перед сокращением рабочих мест. Речь идет о том, какие аргументы используются в убеждении молодежи приобретать навыками для завтрашних рабочих мест» [6].

Таким образом, правительству стоит работать с рядом неправительственных организаций, чтобы помочь в формировании компетенций молодежи для развития своих цифровых навыков. Известно, что сегодня около 50 % рабочих мест требуют технологических навыков. В течение следующих трех лет этот показатель увеличится до уровня более чем 75 %. Поэтому имеет смысл работать над созданием навыков, по которым работодатели будут предъявлять требования к работникам своих компаний.

Microsoft хочет, чтобы ее клиенты росли и продвигались вперед с помощью цифровых преобразований. И для этого им нужны квалифицированные рабочие, обладающие цифровыми компетенциями. «Речь идет о расширении прав и возможностей отдельных лиц, а также о том, чтобы позволить предприятиям заполнить пробелы, чтобы они могли конкурировать на глобальном уровне, развивая навыки, что поможет развивать экономику» [8].

В отчете Atomico за 2016 год «Состояние европейских технологий 2016: будущее изобретается в Европе» говорится о том, что технологии меняют экономику в целом и делают не только акцент на инвестициях в ИКТ, но и на связь между ИКТ и другими отраслями промышленности. Европейская техническая промышленность имеет несколько характеристик. С 2011 года число технологических запусков, которые произошли в Европе, выросла более чем в три раза, и только в 2015 году инвестиции в технологии составили 2,3 млрд долларов США. Европа становится известна благодаря своим технологическим центрам в Лондоне, Берлине или Стокгольме. Однако в отчете не упоминается ни один из восточноевропейских городов и ни одна из юго-восточных европейских столиц.

Европейские технологические стартапы в 2015 году собрали около 12 миллиардов евро, большинство стартапов были в сфере финтех и вертикальных проектах электронной коммерции. Следует отметить, что технический сектор в Европе очень важен и рассматривается как одна из ключевых отраслей для европейских правительств.

Высокотехнологичная промышленность становится все более важной для мирового сообщества и Европейского Союза, поскольку европейские развитые страны (такие как Швейцария и Норвегия) признали эту отрасль как потенциальный фактор

экономической конкурентоспособности. ЕС признал этот сектор драйвером для экономического роста и производительности и сектором, который обеспечивает высокую добавленную стоимость и хорошую зарплату, что является важным для европейских правительств.

ЕС разработал несколько стратегий в целях развития технологического сектора в Европе, что приведет к меньшей зависимости от продуктов и услуг от США и других глобальных игроков. В 2010 году ЕС разработал стратегический документ «Европа 2020» – стратегию, в которой излагается видение социального рынка экономики в Европе в XXI веке. В нем говорится о трех приоритетах:

1. Умный рост – развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях;
2. Устойчивый рост – продвижение более ресурсоэффективной, «более экологичной» и более конкурентоспособной экономики;
3. Всеобъемлющий рост – стимулирование экономики с высокой занятостью, предоставление социальной и географической сплоченности [9].

Стратегия разработана Европейской Комиссией, и она укрепилась на семи флагманских инициативах, из которых для технологического сектора наиболее важной является «умный рост». Кроме того, Европейская Комиссия опубликовала доклад «Региональная политика, способствующая разумному росту в Европе 2020», в котором подчеркивается региональный вклад и финансирование инноваций во всех регионах. Главная цель этого документа в том, чтобы побудить национальное и региональное правительство к определению ключевых ресурсов для того, чтобы определить свои собственные наилучшие пожелания и сосредоточиться на ограниченном числе приоритетов, которые обеспечат наиболее эффективное использование государственного финансирования, а также частных инвестиций. Кроме того, Европейский совет опубликовал доклад «Измерение инновационной продукции: к новому показателю», который имеет основную цель – определить, насколько инновации способствуют достижению рынка в реальности и в какой степени это делает Европу более конкурентоспособной. Индикатор использует некоторые из статистических данных Евростата в области науки, техники и инноваций (так называемые ИППП) и концепции. Все это способствует разработке стратегии, а также измерениям инициатив в Стратегии «Европа 2020» в качестве стратегии для секторов будущего среди технического сектора и играет важную роль.

Цифровая экономика должна быть одним из ключевых секторов экономического роста и ускорения для новой занятости. В одной из своих работ Мاستило идентифицирует четыре ключевых воздействия цифровой экономики на сегодняшнюю глобальную экономику:

1. Она создала новую потребительскую ценность продуктов и услуг,
2. Она имеет разрушительное влияние, которое угрожает традиционному бизнесу,
3. Она создала новый способ общения,
4. Это шанс для создания новых рабочих мест [9].

В США цифровизация повлияла на создание 500 000 новых рабочих мест, что может быть также образцом для подражания и примером для экономик стран Юго-Восточной Европы. Некоторые авторы заявили, что увеличение производства ИТ в экономическом производстве может увеличить общий уровень производительности

ТЕНДЕНЦИИ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

страны. Некоторые исследования показали, что 22 % мировой экономики – это фактически цифровая экономика. Это доказывает, что страны также как и бизнес и индивидум, должны вкладывать больше средств в ИКТ в качестве потенциальной области развития. Кроме того, тот же документ цитирует Оксфордское исследование в 2016 году, которое предсказывает, что разработка цифровой экономики к 2020 году будет способствовать экономическому росту на 25 %. Однако все это требует дальнейших исследований, чтобы доказать, что инвестиции в ИКТ и цифровую экономику могут оказать значительное влияние на ВВП и экономический рост.

Таким образом, можно заметить, что все страны развивают цифровую экономику и считают, что за этим направлением будущее.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет выделить следующие факторы глобальной трансформации мировой экономики под воздействием процессов цифровизации:

1. Роботизация и автоматизация производственного процесса приведет к уменьшению проблем, связанных с качеством продукции и уменьшению издержек на производство.

2. Быстрые технологические достижения увеличат темпы изменений и создадут новые возможности, но усугубят разногласия между победителями и проигравшими.

3. Автоматизация и искусственный интеллект могут изменить отрасли быстрее, чем экономика сможет приспособиться, потенциально вытесняя работников и ограничивая обычный путь развития бедных стран.

4. Биотехнологии, такие как изменение генома, произведут революцию в медицине и других областях, одновременно обостряя моральные различия.

Вышеизложенное позволяет выделить тренды глобальной трансформации, основанной на цифровизации:

1. Промышленная и технологическая революция. К 2035 году технический прогресс окажет серьезное воздействие на социально-экономические основы общества, потенциально более масштабное, чем начальный этап компьютеризации в 1980–х годах. Технологии, связанные с автоматизацией и машинным обучением, могут нарушить функционирование рынков труда, сделав миллионы рабочих мест устаревшими. По мере распространения таких технологий, как самоуправляемые автомобили, правительства всех уровней будут сталкиваться с вопросами адаптации, управления и развития человеческого потенциала. Страны будут вынуждены рассмотреть вопрос о том, какую часть своей основной информационной инфраструктуры они позволят использовать компаниям, находящимся в других странах. Стороны могут столкнуться с компромиссом между защитой конфиденциальности потребителей и поощрением роста фирм искусственного интеллекта, которые полагаются на большой объем данных для обучения и улучшения алгоритмов.

2. Экономика совместного использования. По оценкам, экономика совместного использования, где работники, занятые неполный рабочий день, используют активы, которыми они уже владеют (например, автомобиль или запасную спальню), для

получения дополнительного дохода, может иметь ежегодную глобальную стоимость 335 миллиардов долларов к 2025 году. Фирмы, которые координируют такую деятельность, становятся все более популярными среди поставщиков и пользователей услуг, и их правовые, лоббистские и маркетинговые ресурсы часто помогают им превалировать в качестве силы на высокорегулируемых рынках, хотя в других случаях они адаптировались к соблюдению по крайней мере некоторых существующих правил [10].

3. Приватизация данных. Количество частных владельцев данных быстро растет, создавая уникальную проблему для управления. Вопросы собственности, согласие, пассивный и целенаправленный обмен данными и индивидуальных свобод выступит в обществе в качестве вопроса о том, какие возможности правительства для защиты данных имеются и какие должны быть дополнительно переданы властям.

Местные органы власти будут все больше нуждаться в доступе к данным для оказания услуг населению и обеспечения соблюдения законов. Данные о местоположении с личных устройств могут использоваться для поддержки поисково-спасательных операций и групп реагирования на стихийные бедствия. Социометрия может помочь в создании инновационных коммуникационных систем. Правительствам придется сотрудничать с компаниями, разрабатывающими новые технологии, что может быть затруднительно в условиях ограниченных бюджетов.

Список литературы

1. Устюжанина Е. В., Зайцева Е. В., Комарова И. П., Новикова Е. С., Сигарев А. В. Влияние цифровой экономики на трансформацию социально-экономических процессов // Плехановский научный бюллетень. 2017. № 2 (12). С. 225–230.
2. Володин В. М., Питайкина И. А., Влазнева С. А. Влияние цифровой экономики на трансформацию человеческого капитала // Экономические науки. 2018. № 163. С. 44–48.
3. Гунина И. А., Шкарупета Е. В., Решетов В. В. Прорывное технологическое развитие промышленных комплексов в условиях цифровой трансформации // Инновационные кластеры цифровой экономики: теория и практика / Под редакцией А. В. Бабкина. Санкт–Петербург, 2018. С. 535–554.
4. Шорохова Н. А. Цифровая трансформация культуры предпринимательства в условиях экономической турбулентности // Известия Международной академии аграрного образования. 2018. № 40. С. 131–133.
5. How digital transformation created the economy of complexity By Marco Antonio Cavallo, Advisor, Contributor, CIO, 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cio.com/article/318549/leadership-management/how-digital-transformation-created-the-economy-of-complexity.html>
6. 10 Predictions for the Digital Transformation Economy By Robert Parker. 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://idc-community.com/groups/it_agenda/it-governance/10_predictions_for_the_digital_transformation_economy
7. Никитина М. Г. «Цифровизация» крымского образования в процессе встраивания в экосистему цифровой экономики России // Стратегические ориентиры развития высшей школы. Сборник научных трудов участников Национальной научно-практической конференции, 2019. С. 316–320
8. Ljubiša Mičić Digital transformation and its influence on GDP // Economics. 2017. № 2.
9. Schmertzing L. Global Trends to 2035. Geo–politics and international power. European Parliamentary Research service. Global trends Unit. PE 603.263. Brussels © European Union, 2017. - 112 p.
10. Dalzell R. F. Enterprising elite. New York: W.W. Norton, 1987.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 339.923: 061.1

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Никитина М. Г., Буценко И. Н., Селюнина В. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: selunina-valentina@mail.ru

В статье обобщены подходы к определению и оценке степени открытости национальной экономики как многоаспектной и комплексной экономической категории. Представлены результаты исследования и анализа степени открытости экономики стран–членов и партнеров Евразийского экономического союза за период 2009–2019 г. в разрезе отдельных индикаторов открытости экономики в сфере международной торговли, движения прямых иностранных инвестиций, вовлеченности в мировую экономику.

Ключевые слова: открытая экономика, открытость экономики, количественные и качественные индикаторы открытости экономики, Евразийский экономический союз, экспортная квота, импортная квота, внешнеторговая квота, доля притока ПИИ в ВВП; доля участия в мировом экспорте и импорте.

ВВЕДЕНИЕ

На постсоветском пространстве Евразийский экономический союз (ЕАЭС) стал следующей фазой экономической интеграции после Таможенного союза и Единого экономического пространства. Среди целей создания данного союза: всесторонняя модернизация; кооперация; повышение конкурентоспособности национальных экономик; создание условий для повышения жизненного уровня населения государств–членов. Особое внимание из перечисленных целей уделяется повышению конкурентоспособности национальных экономик, которое объективно связано с изменением степени открытости экономик. При этом открытость национальной экономики, в свою очередь, отражает зависимость воспроизводственных процессов экономики от внешних рынков товаров, услуг, капитала. В условиях межгосударственного сотрудничества, основанного на усилении открытости и союзничества между геоэкономическими странами–партнерами важно не нарушить баланс внешнеэкономической безопасности национальных экономик. Возникает вопрос – как уровень открытости изменяется в условиях интеграции и связан с экономическим развитием национальных экономик? Актуальность данного исследования заключается в оценке степени открытости экономик интеграционного объединения государств–участников ЕАЭС и как данная степень соотносится между ними и изменяется в динамике.

Исследованию теоретико-методологических основ открытости экономики посвящены труды Бабуриной О. Н. [1], Борзенко П. В. [4], Бурлова Д. Ю., Шагжиевой Т. С. [5], Лимарева П. В., Сулейманова И. И., Небогатовой А. А. [14], Потаповой А. И., Сабыной Е. Н. [18]. Анализ и сравнение открытых экономик проведен в работах Нигриновой Л. [15], Воронцовского А. В., Ефимовой Е. Г. [6], Гридюшко А. С. [7], Юрченко Е. С. [23]. Проблемы взаимосвязи открытости экономики и экономической безопасности, конкурентоспособности государства

изучали Бабурина О. Н. [1], Балашевич М. И., Хиневич Л. М. [3], Каурова Н. Н. [10, 11], Сенчагов В. К., Митяков С. Н. [20]. Экономические показатели развития государств–членов ЕАЭС детально рассмотрены в статьях Лизункова В. Г., Полицинской Е. В., Шутовой Т. А., Трифонова В. А. [13], Багдасарян К. М. [2], Диденко Н. И., Ромашкиной Е. С. [8], Нигриновой Л. [15].

Цель статьи – обобщить основные методологические подходы к исследованию уровня открытости экономики и на примере Евразийского экономического союза и провести оценку степени открытости и сопоставимости полученных результатов между ними в динамике.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В условиях глобализации мирового экономического пространства и интеграции исследование степени открытости национальных экономик выдвигает новые подходы. Сущностная характеристика определений «открытая экономика» и «открытость экономики» является предметом дискуссий и отсутствием единого понимания (табл. 1).

Таблица 1

Подходы к определению «открытой экономики», «открытости экономики»

№ п/п	Автор	Определение
<i>Открытая экономика</i>		
1	Е. Ф. Авдокушин	«Национальная экономика с высокой степенью включенности в международные экономические отношения» [5].
2	П. В. Борзенко	«Экономика, где все субъекты экономических отношений могут без ограничений совершать операции на международном рынке товаров, услуг, капиталов и прочих факторов производства» [4].
3	А. Ю. Булатов	«Национальное хозяйство, где иностранным хозяйствующим субъектам открыт доступ на большинство рынков и большинство отраслей и сфер» [5].
4	А. И. Потапова, Е. Н. Сабына	«Страна, открывающая свои границы для проникновения товаров и капитала из других стран и свободно экспортирующая свои товары и капитал в другие страны, и как экономическая система, ориентированная на максимальное участие национальной экономики в мирохозяйственных связях и мировом разделении труда, в системе международных валютно-финансовых отношений, государство, характеризующееся взаимодействием с другими странами путем осуществления экспорта и импорта товаров и услуг, движением капитала, рабочей силы и технологий в нескольких или во всех сферах деятельности» [18].

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ...

№ п/п	Автор	Определение
5	Г. Ф. Фейгин	«Система рынков, на которых представлен зарубежный сектор» [5].
6	Т. А. Фролова	«Предполагает целостность экономики, единый экономический комплекс, интегрированный в мировое хозяйство, мировой рынок. Предполагает разумную доступность внутреннего рынка для притока иностранного капитала, товаров, технологий, информации, рабочей силы» [21].
7	Ю. Е. Шарпатов	«Экономика, где совершаются операции на международных рынках товаров, услуг, капиталов и прочих факторов производства» [22].
<i>Открытость экономики</i>		
1	Н. Н. Каурова	«Степень интеграции в систему мировых хозяйственных связей подчинения законам мирового рынка, уровень свободы (отсутствие ограничений) в совершении операций на международном рынке товаров, услуг, капиталов и прочих факторов производства» [11].
2	С. С. Носова	«Условие, при котором любой экономический субъект вправе осуществлять внешнеэкономические операции. Иностранцы юридические и физические лица на равных условиях со всеми производителями действуют на внутреннем рынке в соответствии с установленными законодательством и общепринятыми международными нормами» [5].
3	Н. В. Охлопкова	«Неограниченное перемещение товаров, капиталов и рабочей силы через границу страны» [5].
4	Г. А. Родина	«Предполагает прозрачность, экономическую свободу внутри страны, активное участие страны и ее экономических субъектов во всей совокупности международных экономических отношений, связанных не только с международной торговлей, но и с международным движением факторов производства: капитала и труда» [17].
5	Т. А. Фролова	«Антипод автаркии, экономики самообеспечения, опоры на собственные силы в ее крайних проявлениях» [21].

Источник: составлено на основе [4; 5; 11; 17; 18; 21; 22]

Наиболее простое понимание термина «открытая экономика» отмечено в советский период. «Открытая экономика – экономика, сформированная в результате применения либерализма во внешней торговле, а закрытая экономика – как результат преобладания протекционизма» [5].

С развитием и диверсификацией форм международных экономических взаимоотношений «открытость экономики» стали оценивать применимо не только к внешней торговле, а и к валютно-кредитным операциям, инвестиционному и научно-

техническому сотрудничеству, международной трудовой миграции и другим формам международного взаимодействия.

В соответствии с подходами к пониманию экономической категории «открытость экономики» рассматривались ее положительные и отрицательные стороны. Согласно исследованиям [7; 15; 16; 18] открытость экономики способствует развитию инноваций, росту объема инвестиций, продвижению бизнеса и торговли, соответственно итог – экономическое благополучие и процветание государства. Открытость напрямую влияет на рост производительности и конкурентоспособности. Среди негативного влияния степени открытости экономики отмечается: рост подверженности экономики влиянию мировых кризисов; изменения внешнего спроса, валютных курсов и цен на мировых рынках; рост зависимости от импорта и бизнес-циклов ключевых партнеров; снижение самостоятельности (потеря независимости) государственной экономической политики; нестабильность национальной экономики и другие угрозы экономической безопасности [1; 15; 16; 18].

При этом отмечается, что реализация государством мер по ограничению степени открытости скрывает в себе угрозы ослабления международной конкурентоспособности государства, изоляции от современных достижений науки и технологий, снижения роли и влияния собственных финансово-экономических рынков в мире, роста уязвимости от динамики преобразований глобальной финансово-экономической системы [10].

Все вышеизложенное позволяет нам обобщить: открытая экономика – многоаспектная экономика с предоставлением свободы при совершении международных операций на внутреннем и внешнем рынке товаров, услуг, капиталов и других факторов производства. А открытость экономики – это степень или условие данной свободы.

Приведенные выше подходы к пониманию открытой и открытости экономики диктуют и разные подходы к системе показателей определения степени открытости. Среди общих индикаторов во всех подходах к оценке степени открытости экономики основной акцент делается на показатель «экспортная квота». На основе изученных подходов к оценке степени открытости национальной экономики выделим комплексный подход, предложенный Бурловым Д. Ю., Шагжиевой Т. С. и Институтом наследия [5; 25], который включает в себя количественные и качественные показатели (рис. 1). Показатели открытости экономики оцениваются и в рамках подготовки Индекса экономического процветания [25]. Фундаментальными аспектами открытой экономики считаются: «инвестиционная среда (защита прав собственности, защита инвесторов, обеспечение соблюдения контрактов, финансовая экосистема, ограничения на международные инвестиции); условия предпринимательства (конкурентоспособность на внутреннем рынке, среда для создания бизнеса, бремя регулирования, гибкость рынка труда); доступ к рынку и инфраструктура (коммуникации, ресурсы, транспорт, пограничная администрация, масштаб открытого рынка, импортные тарифные барьеры, рыночные искажения); экономическое качество (фискальная устойчивость, макроэкономическая

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ...

стабильность, производительность и конкурентоспособность, динамизм, вовлеченность рабочей силы)»[25].

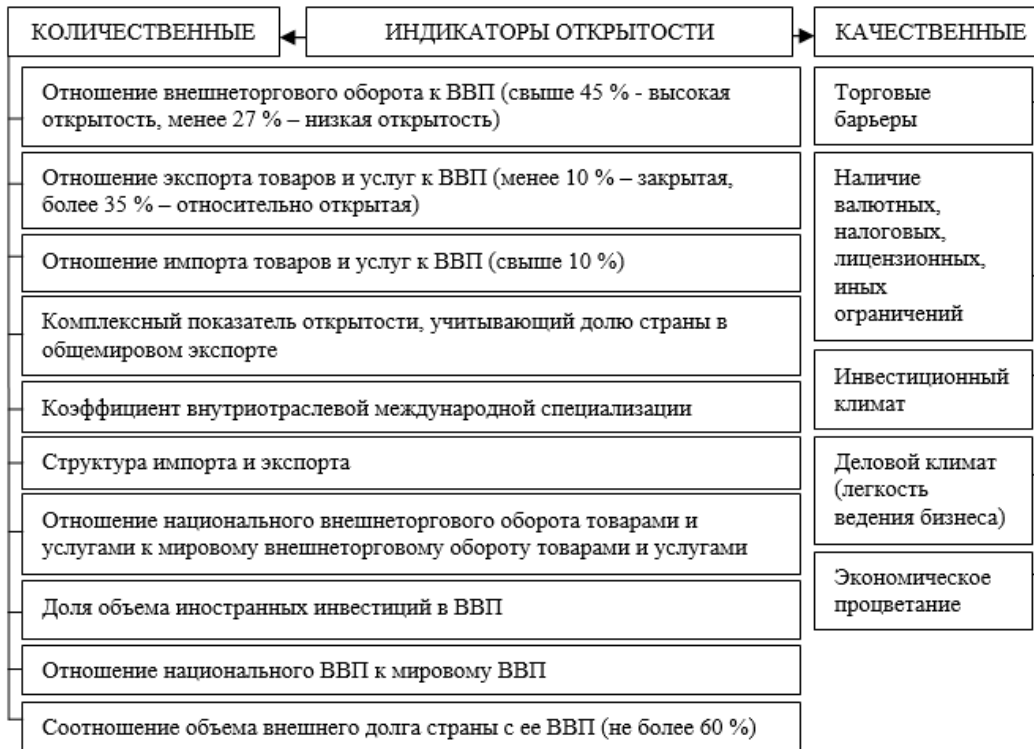

Рисунок 1. Показатели открытости экономики

Источник: составлено на основе [5; 25]

Таким образом, открытость экономики является предметом дискуссий и характеризуется отсутствием единого определения, имеющим качественное и количественное измерение. Выделяют целый ряд качественных и количественных показателей открытости экономики. К качественным показателям относятся благоприятный инвестиционный климат, доступность внутреннего рынка для притока иностранных капиталов, товаров, технологий, современных информационных технологий; структура внешнеторгового оборота страны. Количественные показатели: удельный вес импорта и экспорта в объеме валового внутреннего продукта (экспортная и импортная квота), внешнеторговая квота.

Одним из способов преодоления возникающих угроз в мировой экономике предполагается формирование региональных групп. На основе роста открытости экономик внутри такого региона в совокупности со снижением внерегиональной и международной открытости формируется и укрепляется региональное сотрудничество и интеграция в сфере безопасности стран–членов региональной группы [10]. В результате такой подход становится эффективной стратегией взаимодействия и поддержания безопасности в долгосрочной перспективе. В течение 5 лет с момента своего учреждения Евразийский экономический союз заключил

соглашения о создании четырех зон свободной торговли (далее – ЗСТ): с Вьетнамом (2016 г.), Ираном (2018 г.), Сингапуром и Сербией (2019 г.) [9]. Созданный в целях обеспечения «свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведения скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики» [9] на основе таможенного союза, он демонстрирует функционирование на принципах открытой экономики. Одновременно в договоре о создании Союза декларируется право применять во взаимной торговле ограничения, необходимые для обеспечения безопасности государства–члена. Соответственно, введенные изменения нашли отражение в экономических показателях развития экономик данных стран, в том числе и открытости.

Среди стран ЕАЭС значение экспортной квоты более 45,0 % на протяжении периода 2009–2019 гг. составило в Белоруссии (63,18 % в среднем), более 30,0 % в Казахстане (41,74 %), Киргизии (38,32 %), и Армении (31,6 %). Минимальное значение экспортной квоты в России (в среднем 27,69 %) и Иране (23,78 %) (табл. 2).

Таблица 2

Экспортная квота стран–членов и партнеров ЕАЭС, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	190,8	198,0	203,3	196,7	195,1	192,0	178,4	165,1	170,7	177,7	173,5
Вьетнам	62,6	72,0	79,4	80,0	83,6	86,4	89,8	93,6	101,6	105,8	106,8
Белоруссия	48,9	51,4	78,5	78,8	58,3	54,9	58,0	62,5	66,8	70,5	66,4
Сербия	26,3	32,3	33,0	35,8	39,9	42,1	45,3	48,6	50,5	50,8	51,9
Армения	14,7	19,7	22,5	27,6	28,4	28,6	29,7	33,1	37,3	37,7	38,5
Казахстан	54,7	51,6	54,5	44,4	42,3	37,4	35,2	35,8	34,3	31,6	37,4
Киргизия	41,8	44,2	46,5	44,1	38,6	39,3	28,5	31,8	32,4	37,6	36,5
Молдавия	36,9	27,8	32,5	31,1	32,1	31,2	31,9	32,3	31,1	30,1	30,5
Россия	27,9	29,2	28,1	26,9	25,8	27,1	28,7	25,9	26,1	30,5	28,3
Иран	22,7	24,4	25,6	24,1	26,9	23,1	19,7	22,4	24,9	–	–
Мир	26,5	28,9	30,5	30,6	30,3	30,1	29,2	28,4	29,3	30,1	–

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

По значению экспортной квоты (табл. 2) лидируют Сингапур и Вьетнам (185,57 % и 87,43 % в среднем за 2009–2019 гг. соответственно). Достижение таких значений экспортной квоты в Сингапуре связано с опережающими темпами роста экспорта услуг (финансовых, транспортных, туристических) по сравнению с темпами роста ВВП [26]. Относительно открытыми среди выделенных стран, согласно данным таблицы 2, являются Сингапур, Вьетнам, Белоруссия, Сербия, Армения, Казахстан и Киргизия.

Динамика изменения экспортной квоты по странам–членам и партнерам ЕАЭС неравномерная. Стабильные темпы роста по значению экспортной квоты отмечены в Армении, Сербии и Вьетнаме (темпы прироста с 2009 г. по 2019 г. 162,58 %, 97,16 % и 70,58 % соответственно). Нестабильная динамика экспортной квоты в России (размах вариации значений составил 4,7), Иране (7,1), Молдавии (9,0).

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ...

Тенденция к сокращению значения экспортной квоты в разные годы прослеживается в Казахстане (2009–2010 гг., 2011–2015 гг., 2016–2018 гг.) и Сингапуре (2011–2016 гг., 2018–2019 гг.). Выделяется период 2011–2015 гг. и 2018–2019 гг., что связано с остаточными проявлениями результатов кризиса 2008 г., динамикой валютных курсов, введением санкций и контрсанкций, падением цен на сырьевые товары, особенно в топливно-энергетическом секторе [19].

Лидерами по величине импортной квоты (табл. 3) также являются Сингапур и Вьетнам (159,81 % и 87,44 % в среднем за 11 лет соответственно). Наименьшее значение данного показателя в среднем за данный период отмечается в России (20,59 %) и Иране (21,11 %). В среднем по странам ЕАЭС за представленный период значение импортной квоты составило 47,8 % с отрицательным темпом прироста 0,55 %.

Таблица 3

Импортная квота стран–членов и партнеров ЕАЭС, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	167,3	171,7	175,8	172,5	172,0	168,5	151,1	138,9	145,3	149,3	145,6
Вьетнам	72,1	80,2	83,5	76,5	81,5	83,1	89,0	91,1	98,8	102,5	103,6
Белоруссия	59,8	64,5	79,5	74,3	61,5	55,7	57,9	62,7	66,6	68,9	66,9
Казахстан	78,7	81,7	81,6	95,3	91,8	87,7	75,8	70,0	66,4	67,3	65,7
Сербия	39,7	44,5	45,8	49,6	48,1	50,2	52,3	53,4	57,1	59,3	60,7
Молдавия	73,5	60,1	66,1	65,2	63,6	62,0	57,4	55,3	54,5	55,7	55,2
Армения	42,6	44,9	46,9	48,4	48,2	47,0	41,9	42,8	49,5	53,4	52,9
Киргизия	33,9	29,9	26,7	29,6	26,8	25,6	24,5	28,5	24,4	25,9	27,9
Иран	21,0	19,4	17,6	23,2	23,4	21,5	19,3	20,8	23,8	–	–
Россия	20,5	21,1	20,0	20,2	20,4	20,7	20,7	20,7	20,8	20,6	20,8
Мир	25,8	28,1	29,9	29,9	29,6	29,5	28,5	27,6	28,5	29,3	–

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

По странам, присоединённым в рамках соглашений о создании ЗСТ, значение импортной квоты составило 83,58 % в среднем с темпом прироста 37,7 %. В соответствии с методикой оценки открытости экономики по значению импортной квоты (показатель должен быть свыше 10 %) рассматриваемые страны относятся к странам с открытой экономикой. Положительная тенденция к увеличению значения импортной квоты отмечена в динамике в Сербии (темп прироста с 2009 г. по 2019 г. составил 52,99 %) и Вьетнаме (темп прироста – 43,7 %) за счет опережающего темпа роста импорта над ВВП [26]. Размах вариации импортной квоты в России составляет 1,2, Иране – 6,3, Киргизии – 9,5. Основное снижение значения импортной квоты в разрезе приведенных стран неравномерное, выделяются периоды 2012–2015 гг. и 2018–2019 гг., что коррелируется с динамикой экспортной квоты.

Динамика внешнеторговой квоты отражает совокупную динамику экспортной и импортной квоты государств. По величине внешнеторговой квоты (табл. 4) лидируют Сингапур и Вьетнам (345,38 % и 174,87 % в среднем за рассматриваемый период

соответственно). Наименьшее значение данного показателя за рассматриваемый период в Иране (44,89 %) и России (48,28 %).

Таблица 4

Внешнеторговая квота стран–членов и партнеров ЕАЭС, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	358,2	369,7	379,1	369,2	367,0	360,5	329,5	303,9	316,0	326,9	319,1
Вьетнам	134,7	152,2	162,9	156,6	165,1	169,5	178,8	184,7	200,4	208,3	210,4
Белоруссия	108,6	115,9	158,0	153,1	119,8	110,7	115,9	125,2	133,4	139,4	133,3
Сербия	66,0	76,7	78,8	85,5	87,9	92,2	97,5	102,0	107,7	110,1	112,6
Казахстан	133,4	133,2	136,2	139,7	134,0	125,1	111,0	105,8	100,6	98,9	103,1
Армения	57,3	64,6	69,4	76,0	76,6	75,6	71,6	75,9	86,8	91,1	91,4
Молдавия	110,4	87,9	98,6	96,3	95,7	93,2	89,3	87,6	85,6	85,9	85,8
Киргизия	75,8	74,1	73,1	73,7	65,4	65,0	53,0	60,3	56,8	63,5	64,4
Россия	48,4	50,4	48,0	47,2	46,3	47,8	49,4	46,5	46,9	51,1	49,1
Иран	43,7	43,8	43,2	47,4	50,3	44,6	39,0	43,2	48,8	–	–
Мир	52,1	56,7	60,4	59,9	59,8	59,4	56,1	54,2	56,1	57,7	55,9

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено и рассчитано на основе [24]

По индикатору «внешнеторговая квота» в табл. 4 по всем странам ЕАЭС высокий уровень открытости экономик (значение свыше 45 % с 2017 г.). В среднем по странам ЕАЭС значение данного показателя составило 87,76 %, темп прироста показателя с 2009 по 2019 г. составил 4,22 %.

Степень открытости национальных экономик соизмеряется с уровнем их вовлеченности в международную торговлю. Доля стран ЕАЭС в мировом экспорте в среднем за 2009–2019 гг. составила 2,66 % с отрицательным темпом прироста 8,13 %. Суммарная доля по странам, присоединённым в рамках соглашений о создании ЗСТ, в мировом экспорте в среднем за данный период составила 3,78 %, темп прироста – 12,76 %.

Ведущие позиции по данному показателю занимают Сингапур (2,53 % в среднем за оцениваемый период), Россия (2,15 %) и Вьетнам (0,73 %). Наименее вовлечёнными среди стран–участников ЕАЭС в мировой экспорт являются Армения, Казахстан и Молдавия (0,01 % в среднем). В динамике одни страны сохраняют позиции участия в мировом экспорте (Армения, Казахстан, Молдавия, Сербия, Белоруссия), другие наращивают (Сингапур, Вьетнам) или утрачивают (Иран, Россия, Киргизия) (табл. 5). Из приведенных данных выделим период 2011–2016 гг., во многих из стран снизились позиции в мировом экспорте: Россия – на 0,97 п. п., Иран – на 0,21 п. п., Киргизия – на 0,19 п. п., Белоруссия – на 0,08 п. п., Казахстан – на 0,01 п. п. Одновременно отмечен рост позиций Вьетнама – на 0,44 п. п., Сербии – на 0,02 п. п. и Армении – на 0,01 п. п. Данные изменения объяснимы введением санкций и контрсанкций, снижением цен на энергоносители, изменениями валютных курсов [19].

Таблица 5

Доля экспорта стран–членов и партнеров ЕАЭС в мировом экспорте, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	2,33	2,49	2,52	2,54	2,55	2,53	2,58	2,51	2,53	2,63	2,61
Россия	2,14	2,34	2,55	2,60	2,52	2,34	1,83	1,58	1,78	2,02	1,94
Вьетнам	0,42	0,44	0,48	0,54	0,61	0,67	0,81	0,92	0,99	1,03	1,13
Иран	0,59	0,62	0,66	0,63	0,53	0,42	0,36	0,45	0,48	–	–
Киргизия	0,30	0,34	0,40	0,40	0,39	0,36	0,25	0,21	0,23	0,27	0,27
Белоруссия	0,16	0,15	0,22	0,23	0,19	0,18	0,15	0,14	0,16	0,17	0,17
Сербия	0,07	0,07	0,07	0,07	0,08	0,08	0,08	0,09	0,10	0,10	0,11
Армения	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02
Казахстан	0,02	0,01	0,02	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Молдавия	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

Общая доля стран ЕАЭС в мировом импорте в среднем за рассматриваемый период составила 2,11 % с отрицательным темпом прироста 10,35 %. Суммарная доля по странам, присоединённым в рамках соглашений о создании ЗСТ, в мировом импорте в среднем составила 3,48 %, темп прироста – 6,8 %. Среди данных стран наибольшую долю в мировом импорте в среднем занимают Сингапур (2,23 %), Россия (1,64 %) и Вьетнам (0,74 %) (табл. 6). Средние показатели участия в мировом импорте среди стран стран–членов и партнеров ЕАЭС получены Ираном (0,48 % в среднем за 2009–2019 гг.), Киргизией (0,23 %), Белоруссией (0,19 %) и Сербией (0,11 %). Наименьшая доля в мировом импорте отмечается по следующим странам: Молдавия, Казахстан и Армения (0,02 % в среднем).

Таблица 6

Доля импорта стран–членов и партнеров ЕАЭС в мировом импорте, %

Страна	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	2,09	2,23	2,25	2,30	2,32	2,28	2,23	2,16	2,21	2,26	2,23
Россия	1,61	1,75	1,87	2,02	2,06	1,83	1,35	1,29	1,45	1,39	1,45
Вьетнам	0,49	0,50	0,52	0,54	0,61	0,67	0,83	0,91	0,98	1,02	1,12
Иран	0,56	0,51	0,47	0,63	0,47	0,40	0,36	0,43	0,47	–	–
Киргизия	0,25	0,24	0,23	0,28	0,28	0,24	0,22	0,19	0,18	0,19	0,21
Белоруссия	0,20	0,20	0,22	0,22	0,20	0,19	0,16	0,15	0,16	0,17	0,17
Сербия	0,12	0,10	0,10	0,10	0,10	0,10	0,10	0,11	0,11	0,12	0,13
Армения	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,03	0,03	0,03
Молдавия	0,03	0,02	0,03	0,03	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	0,03	0,03
Казахстан	0,02	0,02	0,02	0,03	0,03	0,03	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

Отрицательные темпы роста удельного веса в мировом импорте отмечены в Казахстане (2009–2010 гг., 2013–2018 гг.), Киргизии (2009–2011 гг., 2013–2017 гг.),

Белоруссии (2011–2016 гг.), Иране (2009–2011 гг., 2012–2015 гг.). В 2013–2015 гг. по показателям участия в мировом экспорте отмечается отрицательная динамика во всех странах, кроме Вьетнама, где темп прироста удельного веса в мировом импорте составил 127,51 % с 2009 г. по 2019 г., прежде всего за счет товарного импорта [26].

Лидерами в мировом внешнеторговом обороте (табл. 7) среди стран–членов и партнеров ЕАЭС является Сингапур (2,38 % в среднем за 11 лет), Россия (1,9 %) и Вьетнам (0,74 %). Общая доля стран ЕАЭС в мировом внешнеторговом обороте в среднем за данный период составила 2,39 % с отрицательным темпом прироста 9,13 %. Суммарная доля по странам, присоединённым в рамках соглашений о создании ЗСТ, в мировом внешнеторговом обороте в среднем за анализируемый период составила 3,63 %, темп прироста – 9,87 %. Важно отметить, что в сумме по всем странам–членам и партнерам ЕАЭС отмечается положительный темп прироста в размере 2,01 %. Соответственно, за счет стран–партнеров балансируется динамика общего внешнеторгового оборота выбранной группы стран с положительным результатом.

Таблица 7

Доля внешнеторгового оборота стран–членов и партнеров ЕАЭС в мировом внешнеторговом обороте, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	2,21	2,36	2,39	2,42	2,44	2,41	2,41	2,34	2,37	2,45	2,42
Россия	1,88	2,05	2,21	2,31	2,29	2,09	1,60	1,44	1,62	1,71	1,70
Вьетнам	0,45	0,47	0,50	0,54	0,61	0,67	0,82	0,92	0,98	1,02	1,12
Иран	0,58	0,57	0,57	0,63	0,50	0,41	0,36	0,44	0,48	–	–
Киргизия	0,28	0,29	0,32	0,34	0,33	0,30	0,23	0,20	0,21	0,23	0,24
Белоруссия	0,18	0,18	0,22	0,22	0,20	0,18	0,16	0,14	0,16	0,17	0,17
Сербия	0,09	0,09	0,09	0,08	0,09	0,09	0,09	0,10	0,10	0,11	0,12
Армения	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,03
Казахстан	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02
Молдавия	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

Открытость экономики оценивается также участием в международном движении капитала, в частности по роли и движению прямых иностранных инвестиций. По удельному весу отношения притока прямых иностранных инвестиций к ВВП (табл. 8), среди рассматриваемых стран лидером является Сингапур (21,86 % в среднем за 2009–2019 гг.). Абсолютно положительная динамика темпов роста по показателю «отношение притока прямых иностранных инвестиций к ВВП» в Сингапуре (темп прироста с 2009 г. по 2019 г. составил 134,83 %). Отмечается положительный темп прироста показателя в Сербии (28,42 %) и Молдавии (3,84 %).

Таблица 8

Отношение притока прямых иностранных инвестиций к ВВП
Стран–членов и партнеров ЕАЭС, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	12,1	23,1	17,6	18,7	20,9	21,8	22,7	22,2	28,6	24,4	28,3
Сербия	6,5	4,0	10,0	2,9	4,3	4,2	5,9	5,8	6,6	8,0	8,3
Вьетнам	7,2	6,9	5,5	5,4	5,2	4,9	6,1	6,1	6,3	6,3	–
Молдавия	4,8	4,2	4,3	2,9	2,5	3,6	2,9	1,1	1,6	2,7	5,0
Белоруссия	3,7	2,4	6,5	2,2	3,0	2,4	2,9	2,6	2,3	2,4	2,0
Киргизия	12,4	5,0	7,1	6,6	4,2	3,3	3,6	12,5	2,8	0,1	2,0
Армения	8,8	5,7	6,4	4,7	3,1	3,5	1,7	3,2	2,2	2,0	1,9
Россия	3,0	2,8	2,7	2,3	3,0	1,1	0,5	2,5	1,8	0,5	1,9
Казахстан	4,0	9,9	11,1	4,0	8,3	4,6	17,1	9,1	-1,4	1,7	–
Иран	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,5	0,5	0,8	1,1	–	–
Мир	2,3	2,8	3,2	2,7	2,7	2,4	3,6	3,5	2,5	1,6	1,6

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

В странах членах ЕАЭС данный период характеризуется отрицательными темпами прироста: Киргизия (83,91 %), Армения (78,82 %), Казахстан (56,82 %), Белоруссия (45,28 %), Россия (37,51 %). Характерны значительные колебания темпов роста в сторону снижения практически через год (в 2010 г., 2012 г., 2014 г., 2016 г.). Незначительные изменения в динамике отмечены в Иране (вариация 0,6), Вьетнаме (вариация 2,2), России (вариация 2,5), Молдавии (вариация 3,9), Белоруссии (вариация 4,5). Существенные изменения в Казахстане (вариация 18,5), Сингапуре (вариация 16,5) и Киргизии (вариация 12,4). Среди стран данного объединения наиболее высокое значение данного индикатора в среднем за 2009–2019 гг. в: Казахстане (6,84 %), Сербии (6,06 %), Вьетнаме (5,99 %), Киргизии (5,43 %), Армении (3,93 %), Молдавии (3,23 %), Белоруссии (2,95 %). Минимальное значение отношения притока прямых иностранных инвестиций к ВВП за анализируемый период в Иране (0,73 %) и России (2,01 %). В среднем по странам ЕАЭС значение данного показателя составило 4,14 % с отрицательным темпом прироста в размере 69,66 %, а по странам, присоединённым в рамках соглашений о создании ЗСТ, значение показателя составило 9,62 %, темп прироста – 177,4 %.

Целесообразно сопоставить динамику по показателю «отношение притока прямых иностранных инвестиций к ВВП» с позициями в мировом рейтинге по объему притока ПИИ (табл. 9). Стремление к увеличению притока ПИИ связано с открытостью национальных экономик. При этом, по мнению многих исследователей, положительное воздействие степени открытости на потоки ПИИ в страну отсутствует. Согласно данным Всемирного банка [24], страны–члены и партнёры ЕАЭС на протяжении всего периода теряют и наращивают позиции. Так, по состоянию на 2019 г. Россия по объему ПИИ в страну заняла 16–е место, уступив безусловное лидерство Сингапuru, но при этом повысила свой ранг на 14 позиций. Наиболее существенно повысили свои позиции в рейтинге за период 2009–2019 гг.

Сингапур, Вьетнам, Молдавия и Сербия. Особо выделяется за данный период динамика изменения позиций в рейтинге среди рассматриваемых стран Казахстана (позиция варьируется от 26 до 133) и Киргизии (от 88 до 190).

Таблица 9

Позиции стран-членов и партнеров ЕАЭС в мировом рейтинге по объему притока ПИИ, ранг

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Сингапур	18	9	11	11	12	19	9	9	8	5	3
Россия	11	11	10	12	8	7	41	22	18	30	16
Вьетнам	39	41	44	41	36	35	28	31	27	22	24
Сербия	56	74	50	94	66	71	62	67	61	46	50
Казахстан	26	42	32	29	32	38	42	26	46	133	53
Иран	55	52	54	51	52	70	66	54	45	57	75
Белоруссия	67	85	57	87	59	73	74	83	84	71	82
Молдавия	124	126	135	144	140	134	131	156	149	123	105
Армения	96	110	120	126	127	127	137	124	134	128	129
Киргизия	130	117	117	142	107	135	88	105	190	139	135

Источник: составлено на основе [24]

Предпринимая меры по увеличению открытости экономики, необходимо учитывать и национальные интересы, в том числе обеспечение долговой безопасности. Отношение внешнего долга к ВВП (табл. 10) по рассматриваемым странам находится в следующих пределах: Казахстан (85,9–116,7%), Киргизия (63,3–119,3%), Армения (57,1–94,4%), Сербия (64,3–79,3%), Молдавия (61,5–78,8%), Белоруссия (43,4–78,6%). По данным странам отношение внешнего долга к ВВП превышает безопасное пороговое значение в 60%, что предполагает определенные риски для экономики.

Таблица 10

Отношение внешнего долга к ВВП стран-членов и партнеров ЕАЭС, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	
Казахстан	87,8	85,9	88,6	91,4	92,9	97,7	113,3	116,7	106,0	98,2	
Армения	57,1	68,1	73,1	71,9	78,1	73,7	84,6	94,4	89,6	88,4	
Киргизия	95,2	80,5	64,5	65,2	63,3	71,2	83,2	119,3	95,3	87,5	
Сербия	74,9	78,7	64,3	79,3	75,0	70,1	79,0	72,7	77,8	67,9	
Белоруссия	43,4	49,7	54,9	51,4	52,4	50,8	67,8	78,6	72,3	64,7	
Молдавия	68,3	67,7	62,0	61,1	65,3	61,5	78,8	77,2	72,3	63,7	
Вьетнам	30,9	38,8	39,8	39,5	38,2	38,9	40,3	41,7	46,5	44,1	
Россия	33,2	27,4	26,6	26,8	29,2	26,7	34,3	41,8	32,9	27,2	
Иран	4,5	4,1	3,0	1,2	1,5	1,3	1,7	1,4	1,5	–	

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

* Источник: составлено на основе [24]

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ...

Средний уровень значения показателя «отношения внешнего долга к ВВП» среди рассматриваемых стран в России (находится в пределах 26,6–41,8 %) и Вьетнаме (30,9–46,5 %). Минимальное значение в среднем за анализируемый период характерно для Ирана (в пределах 1,2–4,5 %). Отрицательные темпы роста за анализируемый период получены в Молдавии, Киргизии, России, Иране и Сербии; положительные – в Казахстане и Вьетнаме. Отметим, что в странах ЕАЭС в среднем по исследуемому периоду сохраняется предельно высокий уровень внешнего долга к ВВП, близкого к критически допустимому уровню финансовой безопасности в 60 % к ВВП. После превышения данного уровня может быть объявлен технический дефолт. В этом контексте актуально исследование рисков открытости экономик в условиях привлечения внешних заимствований.

Ключевым макроэкономическим показателем, оказывающим непосредственное влияние на степень открытости стран–членов и партнеров ЕАЭС, является валовой внутренний продукт. Явным лидером среди стран–членов и партнеров ЕАЭС в мировом рейтинге по объему ВВП на протяжении всего периода является Россия. Россия остается наиболее интегрированной среди стран ЕАЭС, затем Казахстан и Белоруссия. Большой отрыв в рейтинге по позициям Армении и Киргизии, но важно отметить положительную динамику изменения позиций на протяжении рассматриваемого периода (табл. 11).

Таблица 11

Позиции стран–членов и партнеров ЕАЭС в мировом рейтинге по объему ВВП, ранг

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	12	11	9	8	8	9	12	12	12	12	11
Иран	24	22	21	21	27	29	28	25	26	–	–
Сингапур	43	38	37	36	36	36	34	34	33	31	33
Вьетнам	56	57	58	57	57	55	47	46	45	44	44
Казахстан	54	50	49	49	45	48	50	55	55	53	53
Белоруссия	70	69	70	70	67	68	75	84	80	77	75
Сербия	75	80	78	86	85	90	90	89	88	86	86
Армения	136	136	137	137	137	138	138	137	135	136	126
Молдавия	150	143	143	143	143	143	146	143	141	136	134
Киргизия	154	156	152	149	148	148	148	146	145	144	140

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

После кризиса 2008–2009 гг. в мировой экономике начался период восстановления, когда страны, в особенности развитые, демонстрировали высокие темпы прироста ВВП. С 2012 г. начинается волна сокращения роста ВВП практически во всех странах, в том числе и стран–членов и партнеров ЕАЭС. С 2014 г. отмечается снижение темпов роста отдельных национальных экономик мира, при этом наибольшее снижение приходится в среднем на 2014–2016 гг. Начиная с 2017 г., рассматриваемые страны постепенно восстанавливают и наращивают свои позиции.

По показателю «отношение национального ВВП к мировому ВВП» (табл. 12) среди рассматриваемых стран лидером является Россия (2,26 % в среднем за 2009–2019 гг.), затем Иран и Сингапур. «Отношение национального ВВП к мировому ВВП» в среднем за 2009–2019 гг., в Иране – 0,64 % Сингапуре – 0,4 %, Вьетнаме – 0,23 %, Киргизии – 0,23 %, Белоруссии – 0,08 %, Сербии – 0,06 %.

Таблица 12

Отношение национального ВВП стран–членов и партнеров ЕАЭС к мировому ВВП, %

Страна	Год										
	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	2,02	2,31	2,79	2,94	2,97	2,59	1,81	1,67	1,94	1,93	1,94
Иран	0,69	0,74	0,79	0,80	0,60	0,54	0,51	0,55	0,55	–	–
Сингапур	0,32	0,36	0,38	0,39	0,40	0,40	0,41	0,42	0,42	0,43	0,42
Вьетнам	0,18	0,18	0,18	0,21	0,22	0,23	0,26	0,27	0,28	0,28	0,30
Киргизия	0,19	0,22	0,26	0,28	0,31	0,28	0,25	0,18	0,21	0,21	0,21
Белоруссия	0,08	0,09	0,08	0,09	0,10	0,10	0,08	0,06	0,07	0,07	0,07
Сербия	0,07	0,06	0,07	0,06	0,06	0,06	0,05	0,05	0,05	0,06	0,06
Армения	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,02
Казахстан	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Молдавия	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01

Примечание: «–» данные за указанный период отсутствуют

Источник: составлено на основе [24]

Суммарное отношение ВВП стран ЕАЭС к мировому ВВП за рассматриваемый период составило 2,6 % (в среднем) с отрицательным темпом прироста 3,54 %. По странам, присоединённым в рамках соглашений о создании ЗСТ, данный показатель составил 1,21 % с отрицательным темпом прироста 38,07 %. Отметим, что период 2013–2015 гг. наиболее неблагоприятный по сокращению темпов роста. Но при этом во Вьетнаме, Сингапуре и Молдавии сохранилась стабильная или положительная динамика темпов роста.

На основе проведенного анализа обобщим позиции стран–членов ЕАЭС в разрезе пяти ключевых показателей оценки степени открытости (табл. 13). Абсолютным лидером по показателям «доля в мировом экспорте», «отношение внешнего долга к ВВП» и «отношение ВВП страны к мировому ВВП» за рассматриваемый период среди стран ЕАЭС является Россия. Стабильную вторую позицию по показателям «доля в мировом экспорте» и «отношение ВВП страны к мировому ВВП» занимает Киргизия, третью – Белоруссия. По показателям «отношение экспорта к ВВП» к 2019 г. Белоруссия сменила в лидерстве Казахстан, а Армения с последней позиции вышла на второе место. Белоруссия также вышла в лидеры по показателю «отношение притока ПИИ к ВВП», обогнав Киргизию.

Если суммировать все позиции стран–членов ЕАЭС по ключевым показателям открытости экономики, то в динамике за рассматриваемый период характерна смена позиций тройки лидеров. В 2009 г. лидировала Россия, второе место занимала Киргизия, Белоруссия – на третьем месте. В 2014 г. Киргизия вышла в лидеры,

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ...

обогнав Россию (2 место), Белоруссия осталась на третьем месте. В 2019 г. Белоруссия становится лидером, опережая Россию (2 место) и Киргизию (3 место).

Таблица 13

Рейтинг стран–членов ЕАЭС по ключевым показателям открытости экономики,
ранг

Страна	Отношение экспорта к ВВП			Доля в мировом экспорте			Отношение притока ПИИ к ВВП			Отношение внешнего долга к ВВП			Отношение ВВП страны к мировому ВВП		
	2009	2014	2019	2009	2014	2019	2009	2014	2019	2009	2014	2019	2009	2014	2019
Россия	4	5	5	1	1	1	5	5	3	1	1	1	1	1	1
Белоруссия	2	1	1	3	3	3	4	4	1	2	2	2	3	3	3
Киргизия	3	2	4	2	2	2	1	3	2	5	3	3	2	2	2
Армения	5	4	2	5	4	4	2	2	4	3	4	4	4	4	4
Казахстан	1	3	3	4	5	5	3	1	5	4	5	5	5	5	5

Источник: составлено авторами

В ходе оценки влияния объемов экспорта и объемов ВВП на экспортную квоту стран–членов ЕАЭС установлено, что высокая и прямая связь характерна для Армении ($r^2 = 0,954$ и $r^2 = 0,79$ соответственно), высокая связь – для Казахстана (r^2 (по ВВП) = $0,68$) и Белоруссии (r^2 (по экспорту) = $0,587$). Корреляционный анализ по данным показателям подтвердил наличие прямой зависимости Киргизии и России, при этом установлена сильная взаимосвязь между экспортом и ВВП: $0,94$ – Россия и $0,71$ – Киргизия.

Таким образом, степень открытости экономик стран–членов и партнеров ЕАЭС зависит от состояния защищенности национального производства, финансов и банковской системы, денежного обращения, стратегических отраслей и сфер производства. В рамках данного периода по ряду показателей степень открытости экономик увеличилась в Белоруссии, Армении, Вьетнаме, Сербии. Россия и Казахстан регулируют и контролируют степень открытости в интересах национальной экономической безопасности.

ВЫВОДЫ

Открытая экономика – многоаспектная экономика с предоставлением свободы при совершении международных операций на внутреннем и внешнем рынке товаров, услуг, капиталов и других факторов производства. А открытость экономики – это степень или условие данной свободы. Оценка степени открытости экономики включает комплекс количественных и качественных показателей, среди которых нами выделены внешнеторговая квота, экспортная квота, импортная квота, удельный вес в мировом экспорте, удельный вес в мировом импорте, удельный вес

иностранных инвестиций в ВВП, удельный вес ВВП страны в мировом ВВП, удельный вес внешнего долга в ВВП страны.

В ходе проведенного исследования установлено, что наибольшая степень открытости экономики характерна для следующих стран: Сингапур, Вьетнам, Россия. Относительно открыта экономика Сербии, Молдавии, Киргизии, Белоруссии и Ирана, в меньшей степени Армении и Казахстана. Среди стран-членов ЕАЭС наиболее открытыми экономиками являются Белоруссия, Россия и Киргизия. В динамике отмечена положительная тенденция к увеличению отдельных показателей степени открытости экономик Армении и Киргизии. Страны, присоединённые к ЕАЭС в рамках соглашений о создании зоны свободной торговли, а также Молдова, имеющая статус государства-наблюдателя, в целом обладают большей степенью открытости в сравнении со странами ЕАЭС.

По ряду индикаторов степени открытости отмечена положительная динамика их роста в странах ЕАЭС, но формируется она за счет стран, присоединенных к данному объединению. Отрицательная динамика роста значений степени открытости экономик стран ЕАЭС перекрывается положительными темпами роста по этим же индикаторам за счет стран-партнеров. И, как результат, балансируется динамика общей группы с положительным результатом. Соответственно, результат такого партнерства может способствовать повышению степени открытости стран-членов ЕАЭС в перспективе, но с учетом допустимых значений, которые не нарушат баланс внешнеэкономической безопасности национальной экономики государств ЕАЭС. Несмотря на очевидную связь между индикаторами степени оценки открытости экономики, проявляют они себя в разных экономиках по-разному.

Список литературы

1. Бабурина О. Н. Открытость и конкурентоспособность российской экономики: к проблеме взаимосвязи // Наука и знание: конкурентоспособность общества, науки и бизнеса в условиях мировых интеграционных процессов: Материалы международной научно-практической конференции / Под общей редакцией В. В. Пономарева, Т. А. Куткович. Новороссийск: Московский гуманитарно-экономический институт Новороссийский филиал. 2017. С. 18–23.
2. Багдасарян К. М. Позиции стран Евразийского экономического союза в мировой экономике на современном этапе // Вестник университета. 2016. № 9. С. 58–65.
3. Балашевич М. И., Хиневич Л. М. Открытость внешней торговли как фактор внешнеэкономической безопасности // Белорусский экономический журнал. Минск: Белорусский государственный экономический университет. 2015. № 1. С. 75–85.
4. Борзенко П. В. Формирование открытой экономики // Фундаментальные и прикладные исследования: от теории к практике: Материалы II международной научно-практической конференции, приуроченной ко Дню российской науки. Воронеж–Кызыл–Кия: ООО АМиСта, 2018. Т 4. С. 101–106.
5. Бурлов Д. Ю., Шагжиева Т. С. Открытая экономика: содержание, критерии, принципы // Экономический анализ: теория и практика. Москва: ООО Издательский дом Финансы и кредит. 2002. № 3. С. 24–29.
6. Воронцовский А. В., Ефимова Е. Г. Крупные открытые экономики: типологизация и проблемы анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. Серия 5: Экономика. 2016. Вып. 2. С. 27–51.
7. Гридюшко А. С. Ранжирование стран мира по уровню открытости экономики на 2017 г. // Актуальные проблемы и перспективы развития государственной статистики в современных условиях: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Саратов: Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВО Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова. 2019. С. 83–86.

ОТКРЫТОСТЬ ЭКОНОМИК ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ...

8. Диденко Н. И., Ромашкина Е. С. Страны Евразийского экономического союза в глобальной экономике // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2017. Т. 8. № 4 (32). С. 505–515.
9. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eaeunion.org/>
10. Каурова Н. Н. Феномен открытости экономики с позиции угроз национальной безопасности страны // Финансы и кредит. Москва: ООО Издательский дом Финансы и кредит. 2013. № 22 (550). С. 41–47.
11. Каурова Н. Н. Финансово-экономическая безопасность в условиях открытости национальной экономики (теоретико-методологический аспект): автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д.э.н. спец. 08.00.05. Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям) // Ин-т экономики РАН. 2013. 38 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30397899&>
12. Кашбразиев Р. В. Открытость экономики как условие развития международной кооперации // Вестник финансового университета. 2015. № 4 (88). С. 122–131 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otkrytost-ekonomiki-kak-uslovie-razvitiya-mezhdunarodnoy-kooperatsii>
13. Лизунков В. Г., Полицинская Е. В., Шутова Т. А., Трифонов В. А. Анализ экономических показателей интеграционного объединения ЕВРАЗЭС // Фундаментальные исследования. 2018. № 1. С. 81–86.
14. Лимарев П. В., Сулейманов И. И., Небогатова А. А. Анализ показателей модели открытой экономики // Вестник магистратуры. Йошкар–Ола: ООО Коллоквиум. 2014. № 5 (32). Том III. С. 75–78.
15. Нигринова Л. Сравнение открытости рынков Китая, России и Италии // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. 2019. Т. 18. № 2. С. 232–248.
16. Оболенский В. П. Внешнеторговая политика в процессе открытия экономики // Российский внешнеэкономический вестник. Москва: Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации. 2018. № 1. С. 78–90.
17. Понятие открытой экономики. Международные потоки товаров, услуг, капитала и рабочей силы // Макроэкономика: учебное пособие / Под ред. Родиной А. Г. 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://studme.org/136158/ekonomika/ponyatie_otkrytoy_ekonomiki_mezhdunarodnye_potoki_tovarov_uslug_kapitala_rabochey_sily
18. Потапова А. И., Сабына Е. Н. Открытая и закрытая экономика: вопросы ограничения доступа в российскую экономику // Актуальные вопросы функционирования экономики Алтайского края. Барнаул: Алтайский государственный университет. 2018. № 10. С. 8–15.
19. Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы / [В. Мау и др.; под ред. Синельникова–Мурылева С. Г. (гл. ред.), Радыгина А. Д.]; Ин-т экономической политики им. Е. Т. Гайдара. М.: Ин-т экономической политики им. Е. Т. Гайдара. 2016. Вып. 37. 472 с.
20. Сенчагов В. К., Митяков С. Н. Оценка кризисов в экономике с использованием краткосрочных индикаторов и средних индексов экономической безопасности России // Проблемы прогнозирования. Москва: ФГБУН Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2016. № 2 (155). С. 44–58.
21. Фролова Т. А. Мировая экономика: конспект лекций. Таганрог: ТТИ ЮФУ. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aup.ru/books/m215/>
22. Шарпатова Ю. Е. Классификация стран мира по степени открытости экономики // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/12/30452>
23. Юрченко Е. С. Экономическая открытость региона Бохайского кольца и факторы, ее определяющие // Молодые ученые – Хабаровскому краю: материалы XIX краевого конкурса молодых ученых и аспирантов. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. 2017. С. 43–48.
24. Indicators // Всемирный банк: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator>
25. Legatum Institute Prosperity Index – Methodology Report. 2019. 97 с. [Электронный ресурс]. URL: https://prosperitysite.s3-accelerate.amazonaws.com/7515/8634/9002/Methodology_for_Legatum_Prosperty_Index_2019.pdf
26. Statistics // UNCTAD. [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/statistics>

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 339.9

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИННОВАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Приходько И. И., Ванюшкин А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: latunevich@mail.ru

В статье рассмотрена проблематика формирования научно-технических приоритетов в рамках Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ). Проанализирована структура источников финансирования совместных научно-технических программ и проектов СГРБ, перспективы коммерциализации их результатов, структура приоритетов в разработке технологий в рамках российских и белорусских технологических платформ и инновационных кластеров, конкурсной программы белорусско-российского фонда фундаментальных исследований. Помимо этого, проанализированы мнения экспертов из РФ и РБ в данной сфере. В результате проведенного анализа выявлены научно-технические направления, обладающие наибольшей степенью согласованности приоритетов между РФ и РБ.

Ключевые слова: научно-технические приоритеты; инновации; инновационные кластеры.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных целей создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ) является модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик, а также создание условий для их стабильного развития. Современные тенденции развития ЕАЭС включают в себя проведение скоординированной и согласованной политики в развитии сферы услуг, в т. ч. научно-исследовательской деятельности [1, с. 283]. Основным требованием к результатам научно-исследовательской деятельности является их коммерциализуемость. Однако на текущий момент в ЕАЭС и СГРБ наблюдается недостаточная степень координации и согласованности в сфере НИОКР с точки зрения коммерциализации их результатов, что актуализирует поиск направлений и путей решения данной проблемы. Так, академик НАН Беларуси Витязь П. А. констатирует: «еще не выработана согласованная промышленная политика...» [2, с. 9]. Далее м. н. с. Института экономики РАН Ильина М. Ю. указывает на отсутствие единой инновационной политики стран-участниц ЕАЭС [3, с. 180]. Одним из путей решения вышеуказанной проблемы является повышение степени согласованности научно-технических приоритетов стран.

Вопросы развития ЕАЭС и Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ) как в целом, так и в контексте научно-технического сотрудничества рассматривали такие ученые из РФ и РБ, как Иванов Г. В., Ильина М. Ю., Федосова Р. Н., Витязь П. А., Спартак А. Н., Глазьев С. Ю., Гринберг Р. С., Савинов Ю. А., Орлова Г. А., Тарановская Е. В., Басилашвили Т. П., Гусаков Б. А., Горда А. С., Мануилова П. В. и ряд других исследователей.

В научных трудах вышеперечисленных авторов основной акцент делается на анализе проблем и перспектив промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС, СГРБ, а научно-техническому сотрудничеству отводится второстепенная, вспомогательная роль. Поэтому вышеуказанные авторы не уделяют достаточного внимания проблематике согласования научно-технических приоритетов в рамках ЕАЭС и СГРБ в контексте основных форм международного научно-технического сотрудничества.

Цель исследования – обосновать направления научно-технического сотрудничества РФ и РБ, являющиеся наиболее приоритетными одновременно для обеих стран.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Сотрудничество России и Беларуси продолжилось и после распада СССР. Так, в 1995 году был подписан «Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве» между Россией и Белоруссией. В январе 2000 года стороны заключили Договор о создании Союзного государства России и Белоруссии (СГРБ). В 2017 году была поставлена цель сформировать единое инновационное пространство России и Белоруссии и составить программу совместного научного развития до 2040 года. В настоящее время РФ и РБ находятся на стадии формирования единой межгосударственной инновационной системы. Достигнуто общее понимание необходимости развития инновационной экономики, реализуется ряд инновационных проектов. Формирование единой инновационной и промышленной политики совместного развития призвано расширить экономическую и научно-техническую интеграцию в рамках СГРБ.

Научно-техническое сотрудничество между РФ и РБ в настоящее время динамично развивается. Белорусские и российские ученые участвуют во многих совместных и международных проектах, наиболее масштабным из которых является возглавляемая Европейским центром ядерных исследований (ЦЕРН, Швейцария) и Объединенным институтом ядерных исследований (Дубна, Россия) программа в области физики частиц и высоких энергий, в реализации которой заняты многие предприятия, российские и белорусские исследователи и инженеры.

Основной формой двустороннего научно-технического сотрудничества РФ и РБ являются научно-технические проекты, реализуемые в рамках Союзного государства. Начиная с 2000 года, реализовано 57 программ Союзного государства по разработке новых технологий и созданию инновационной продукции в тринадцати областях.

На сегодняшний день нашими странами совместно реализуются следующие научно-технические программы, рассчитанные на 2016–2023 годы: «Автоэлектроника», «Технология СГ», «Разработка новых спинальных систем», «Развитие системы гидрометеорологической безопасности», «Комбикорм–СГ», «ДНК–идентификация», «Интеграция–СГ». Цели и содержание реализуемых программ представлены в табл. 1.

Таблица 1

Совместные научно-технические программы Союзного государства

№ п/п	Программа (срок реализации, гг.)	Общий объём финансирования	в том числе	
			Бюджет СГ	Внебюджетные источники
1.	Автоэлектроника (2016–2020)	2 925,0 млн руб.	67 %	33 %
2.	Технология–СГ (2016–2020)	1 937,0 млн руб.	100 %	–
3.	Разработка новых спинальных систем (2017–2020)	96,0 млн руб.	99 %	1 %
4.	Развитие системы гидрометеорологической безопасности (2017–2021)	122,0 млн руб.	100 %	–
5.	Комбикорм–СГ (2017–2021)	577,3 млн руб.	45,4 %	54,6 %
6.	ДНК–идентификация (2017–2021)	1 990,0 млн руб.	100 %	–
7.	Интеграция–СГ (2020–2023)	1 171,0 млн руб.	100 %	–

Источник: [4].

1. Программа «Автоэлектроника» предполагает создание новых базовых промышленных технологий по производству электронных компонентов, изделий и систем, которые позволят обеспечить новое качество продукции. Результатом реализации данной программы является разработка новых технологий производства изделий автоэлектроники, которые позволят снизить существующее отставание в технологическом плане промышленности государств–участников от уровня мировой автомобильной техники и обеспечить независимость от импорта важнейших изделий автоэлектроники для автомобильной техники специального и двойного назначения.

2. В рамках программы «Технология–СГ» предполагается разработать техническую документацию и ряд опытных образцов для военно-космической сферы с целью уменьшения массогабаритных характеристик используемых деталей. В ходе разработки программы используются микросистемотехника, нанотехнологии и нанoeлектроника.

3. Основной целью Программы «Спинальные системы» является разработка в государствах–участниках образцов новых спинальных систем с использованием инновационных технологий прототипирования и новых хирургических технологий лечения детей с тяжелыми врожденными деформациями и повреждениями позвоночника для оказания специализированной медицинской помощи таким детям.

4. Программа развития гидрометеорологической безопасности ставит целью повышение уровня защищенности отраслей экономики, жизненно важных интересов граждан СГРБ, общества и государства от воздействия опасных природных явлений и адаптацию к изменению климата.

5. Целью Программы «Комбикорм–СГ» является снижение зависимости от импорта кормов рыбоводческих и звероводческих хозяйств, снижение доли материальных затрат в структуре себестоимости животноводческой продукции, повышение эффективности производства комбикормов на основе разработки инновационных энергосберегающих технологий и конкурентоспособного оборудования.

6. В рамках программы «ДНК–идентификация» поставлена цель развития криминалистических технологий исследования ДНК для решения приоритетных задач, поставленных перед следственными комитетами России и Беларуси, касающихся сферы безопасности, а также разработка импортозамещающих отечественных наборов реагентов для уже применяемых исследований.

7. Под эгидой Объединенного института проблем информатики НАН в тесной кооперации с российскими партнерами осуществляется масштабная союзная программа «Интеграция–СГ». Одна из ее глобальных целей – сократить отставание от Запада по возможностям космических аппаратов для дистанционного зондирования Земли. По этой программе с белорусской стороны работают 29 предприятий и организаций.

Для успешного освоения новых наукоёмких ниш Россия и Белоруссия намерены планомерно расширять уровень производственной кооперации в наукоёмких отраслях промышленности двух государств. При этом реализация рассмотренных выше программ позволит в полной мере использовать научный, производственный, ресурсный, экономический и образовательный потенциал обоих государств, а также снизить зависимость от импорта в рассматриваемых отраслях промышленности и повысить конкурентоспособность продукции и технологий.

Как уже было отмечено, на 2020–е годы запланировано формирование единого научно-технологического пространства в рамках СГРБ. Председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь А. Шумилин так определил основные проблемы формирования будущего пространства: «В рамках Союзного государства это процесс непростой, небыстрый, но очень важный. Мы стремимся увязать стратегию развития нашей науки с российской, проведение как научных исследований, так и создание высокотехнологичных производств. Определимся, что лучше делать в Беларуси, что – в России. В этой стране много заделов, разработок, осуществляется большая программа по импортозамещению. По отдельности развиваемся хорошо, но пока плохо планируем совместное развитие, здесь слабое звено» [5].

Как было указано, основным проблемным местом научно-технического сотрудничества России и Белоруссии является низкий уровень гармонизации инновационных программ, инструментов, целей и методов развития, а также систем оценки готовности и успешности той или иной программы.

Для того чтобы выявить общие сферы научно-технического взаимодействия России и Белоруссии исследуем структуру существующих приоритетов в сфере технологических платформ и инновационных кластеров в обеих странах как основных форм научно-технического сотрудничества, основные направления программ грантов в рамках конкурса БРФФИ–РФФИ и программы совместного венчурного фонда.

Структура научных приоритетов России и Белоруссии отражена в табл. 2 и 3.

Таблица 2

Структура приоритетов в разработке технологий в рамках российских технологических платформ и инновационных кластеров

Технологические платформы	Число/доля платформ		Инновационные кластеры	Число/доля кластеров	
Промышленность	8	0,222	Здоровье и медицинские науки	5	0,185
Новые материалы и электроника	6	0,167	Производство и машиностроение	5	0,185
Устойчивое развитие	6	0,167	Энергия и окружающая среда	4	0,148
Зелёная энергетика	5	0,139	Микро-, нано- и оптические технологии	4	0,148
Медицина и продукты питания	3	0,083	Авиационные и космические технологии	4	0,148
Космос	3	0,083	Новые материалы и химия	2	0,074
Инфраструктура	3	0,083	ИКТ и креативная индустрия	2	0,074
Информац. технологии	2	0,056	Био- и пищевые технологии	1	0,038

Источник: [6, 7].

Таблица 3

Структура приоритетов в разработке технологий в рамках Российско-Белорусского Венчурного Фонда и белорусских инновационных кластеров

Отраслевой фокус РБВФ		Инновационные кластеры	Число/доля кластеров	
Ad Tech	Технологии рекламы и маркетинга (напр., интернет-сервис RocketData.io)	«зеленая» экономика	3	0,272
		аграрные биотехнологии и биоинформатика	2	0,182
Ag Tech	Сельхоз технологии (напр., проект «АгроДронГрупп» по разработке сельхоз дронов)	информационные технологии	1	0,091
		медико-фармацевтическая промышленность	1	0,091
Med Tech	Медицинские технологии	энергосбережение	1	0,091
		нефтехимия	1	0,091
Ed Tech	Образовательные технологии (напр., семейные портативные проекторы «мульти кубик»)	композитные материалы	1	0,091
		приборостроение	1	0,091

Источник: [8, 9].

Как видно из табл.2 и 3, российская номенклатура более полная и охватывает основные научные направления в мире, поэтому поиск точек соприкосновения необходимо проводить по «узким местам», которые представлены возможностями белорусских партнёров (табл. 3, правая часть). Так, мы видим совпадение в области «зелёной экономики», био- и агротехнологий, медицины, ИТ-технологий и новых материалов.

В целях совместной работы с передовыми технологиями в декабре 2016 года был создан Российско-Белорусский фонд венчурных инвестиций (RBF Ventures). Его размер составляет 1,4 млрд рублей. Инвесторами фонда выступили Белорусский инновационный фонд (Белифонд), РВК и Инфрафонд РВК, которые на первом этапе

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ...

инвестировали в размере 50 %, 49 % и 1 % соответственно. Управляющими партнерами фонда выступают Инфрафонд РВК и Белорусский инновационный фонд. RBF Ventures предоставляет инвестиции в размере 25 млн рублей проектам на ранних стадиях и до 140 млн рублей компаниям, находящимся на стадии роста [8]. На данный момент указанный фонд осуществляет работу с тремя проектами.

Четырьмя основными направлениями работы фонда являются технологии рекламы, сельского хозяйства, медицины и образования (см. табл. 3, левая часть). Как отметил директор дочерних фондов РВК Е. Кузнецов: «Рассмотренные в ходе подготовки к отбору проектов компании показали высокий потенциал и практически все связаны с актуальными рынками – прежде всего, медицины и информационных технологий» [10].

В рамках конкурсной программы совместного белорусско-российского фонда фундаментальных исследований в 2020 году были профинансированы 140 проектов (см. табл. 4). Наиболее востребованными направлениями являются новые материалы и химия, био- и агротехнологии, а также медицина. Заметно некоторое несоответствие общим направлениям белорусско-российского сотрудничества и представленной в табл. 4 структуры. Так, общественные и гуманитарные дисциплины серьёзно потеснили такое важное направление как медицина. Проекты развития информационных технологий в итогах конкурса практически не представлены, хотя данная сфера развита в России и Беларуси на мировом уровне.

Таблица 4.

Конкурсы БРФФИ, структурированные по научно-технологическим направлениям

Направление	Число проектов	Доля в общей сумме
Биотехнологии и агротехнологии	27	19,29 %
Медицина	12	8,57 %
Культурология, философия и история	16	11,43 %
Экономическая теория, право и социология	23	16,43 %
Новые материалы и химия	45	32,14 %
Экология	5	3,57 %
Теоретическая физика	10	7,14 %
Информационные технологии	2	1,43 %
ИТОГО	140	100 %

Источник: [11].

Таким образом, из анализа табл. 1–4 следует, что по степени согласованности между РФ и РБ научно-технологических приоритетов лидируют такие направления как био- и агротехнологии, медицина, «зелёная экономика», ИТ–технологии, новые материалы.

В целях проверки актуальности вышеприведенных направлений, проанализируем мнения экспертов. Заместитель председателя Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре В. Кресс на заседании секции «Российско-белорусское научное и научно-техническое сотрудничество. Состояние и перспективы развития» Форума регионов РФ и РБ заявил: «Необходимо содействовать выполнению совместных исследований и разработок по

приоритетным для обеих стран направлениям. Среди них – информационные технологии и электроника; новые материалы и химические продукты; технологии живых систем; топливо и энергетика; экология и рациональное природопользование» [12].

Как отметил Председатель Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь А. Шумилин на первом заседании комиссии по единому научно-технологическому пространству Союзного государства: «Мы проводим совместные исследования. Используя компетенции двух стран, мы получаем лучшие мировые достижения. Это, в частности, проекты в области космических исследований, медицины, клеточных технологий. Есть большое желание ученых сотрудничать» [5].

По мнению Председателя Правительства России М. Мишустина, «у нас есть реальные возможности для активной работы в области науки и технологий, в цифровой экономике. В первую очередь, необходимо развивать проекты в сфере государственного управления, управления национальными проектами, информационно-технологической платформой, в т. ч. электронного правительства» [13].

Таким образом, по мнению экспертов, основными перспективными направлениями инновационного сотрудничества РФ и РБ являются медицина, информационные технологии, новые материалы и химия, биотехнологии. Это практически полностью совпадает с вышеприведенными выводами по результатам анализа данных табл. 1–4.

ВЫВОДЫ

В итоге основные приоритеты научно-технического сотрудничества в контексте формирования единого инновационного пространства РФ и РБ связаны с информационными технологиями, медициной, био- и агротехнологиями, новыми материалами и химией.

Перспективы дальнейших исследований по данной тематике включают в себя уточнение перечня конкретных научно-технических проектов в рамках выявленных приоритетных направлений и программ сотрудничества, выявление возможных синергетических эффектов от их совместной реализации. Практическая значимость таких исследований заключается в том, что учет их результатов при формировании стратегий и программ научно-технического сотрудничества в рамках СГРБ позволяет внести существенный вклад в повышение эффективности их реализации и, в конечном итоге, формирование единого инновационного пространства РФ и РБ.

Список литературы

1. Иванов Г. В. Приоритетные тенденции формирования единого научно-технического пространства и сферы услуг стран–членов ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prioritetnye-tendentsii-formirovaniya-edinogo-nauchno-tehnicheskogo-prostranstva-i-sfery-uslug-stran-chlenov-eaes/viewer> (дата обращения: 30.10.2020).
2. Витязь П. А. Союзные программы – основа формирования единого научно-технологического и информационного пространства по всем направлениям сотрудничества // Экономика. Право. Общество. 2017. № 2 (10). С. 6–10.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ...

3. Ильина М. Ю. Единое инновационное пространство как фактор реиндустриализации экономик государств-членов ЕАЭС // Вестник Института экономики РАН. 2015. № 4. С. 172–188.
4. Союзные программы и проекты // Официальный сайт Постоянного комитета СГРБ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.postkomsg.com/programs/>.
5. Беларусь и Россия создадут единое научно-технологическое пространство // Российская газета. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/11/15/belarus-i-rossiya-sozdadut-edinoe-nauchno-tehnologicheskoe-prostranstvo.html>.
6. Перечень российских технологических платформ // Министерство экономического развития РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/85bc0df1-b174-4e1b-8d4aa803a158c80b/20181101.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=85bc0df1b174-4e1b-8d4aa803a158c80b>
7. Карта российских кластеров // Высшая школа экономики: сайт. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://map.cluster.hse.ru/>.
8. Российско-Белорусский фонд венчурных инвестиций вложится в 10 новых проектов до 2020 года // Российско-белорусский венчурный фонд: сайт. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://rbf.vc/news/250/>.
9. Карта кластеров Республики Беларусь // Министерство экономики Республики Беларусь. 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://www.economy.gov.by/ru/karta_klasterov-ru/.
10. Четыре проекта получили одобрение Инвестиционного комитета ИТ «Российско-белорусский фонд» // Российско-белорусский венчурный фонд. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://rbf.vc/news/88/>.
11. Конкурс БРФФИ–РФФИ // Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований. 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://fond.bas-net.by/itogi_konkurs_.html#razdel6.
12. В. Кресс: Главная задача сотрудничества России и Беларуси в сфере науки – формирование общего научно-технологического пространства // Новости сибирской науки. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sib-science.info/ru/ras/sovet-federatsii-council-gov-ru-v-kress-glavnaya-07062016>.
13. Мишустин оценил сотрудничество с Беларуссией в области науки и технологий // Российское информационное агентство «Новости». 14 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200714/1574343251.html>.

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

УДК 339.9

МОДЕЛИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Стародубцева Е. Б.

*Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация
E-mail: evdokija59@mail.ru*

Статья посвящена проблеме модернизации экономики с целью вхождения в пятерку ведущих стран мира. Проводится анализ основных моделей догоняющего развития, которые помогли странам сделать рывок в индустриальном развитии за достаточно короткий период времени. Рассматриваются основные проблемы и преимущества данных моделей с целью использования данного опыта для развития экономики России, выделяются отличительные черты и приоритеты России по сравнению с рассмотренными странами, показываются направления и перспективы модернизации экономики.

Ключевые слова: модель догоняющего развития, импортозамещение, экспортоориентированность, иностранные инвестиции, ВВП.

ВВЕДЕНИЕ

Прошло почти десять лет с того момента, когда был объявлен Россией путь на модернизацию экономики и удвоение за счет этого ВВП. В настоящее время ставится новая задача войти в пятерку держав по уровню ВВП к 2024 году. Стоит напомнить, что в 2019 году наша страна занимала по данным МВФ шестое место в мире по ВВП по ППС (4136 млрд долл.) после Китая (23393 млрд долл.), США (21433 млрд долл.), Индии (9542 млрд долл.) Японии (5451 млрд долл.) Германии (4672 млрд долл.). В качестве примера быстрого роста приводятся азиатские страны, сделавшие значимый рывок в развитии.

Постараемся понять, сможем ли мы, учитывая опыт указанных стран, основываясь на модели догоняющего развития, увеличить темпы роста производства и повысить ВВП. Если учесть, что мы серьезно отстали за последние годы от ведущих стран и если ничего не предпринимать (имеется в виду прорывного), то наша страна может оказаться на периферии развития мировой экономики. Приведем несколько данных статистики для подтверждения этих слов. За последние 9 лет (с 2008 г. по 2019 г.) российская экономика выросла на 6 %, тогда как мировая экономика – в среднем на 35 %. За эти годы развитые экономики продемонстрировали темпы роста в среднем вдвое выше темпа роста российской экономики. А темпы роста развивающихся экономик превзошли его в среднем более чем в 7 раз. Доля России в мировом ВВП по ППС снизилась с 3,95 % в 2008 г. до 3,07 % в 2019 г. [1]

При инерционном сценарии, который приводит Столыпинский институт, к 2035 году экономика России вырастет в 1,5 раза, тогда как мировая экономика – в 4 раза (к уровню 1990 г.). К 2035 году Россия может опуститься по ВВП по ППС – с 6-ого на 10–15-е место, по ВВП на душу населения по ППС с 53-го на 65–70-е. Можно ожидать превышения Китаем, Индией и Турцией показателей номинального подушевого ВВП России к 2020 г., а по показателям подушевого ВВП по ППС – на рубеже 2035 [1]

Именно такая не очень позитивная статистика и приводит к необходимости решить вопрос, как справиться с данной проблемой.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Для ответа на поставленный вопрос, прежде всего, хотелось бы немного остановиться на характеристике самих моделей с точки зрения их актуальности в современных условиях, в частности и для России. Модель догоняющего развития была впервые выдвинута в 50–е гг. XX века как симбиоз буржуазной и марксистской экономической теории и применялась она к двум группам среднеразвитых стран – периферийных развитых стран и стран третьего мира [2]. Концепция государства, ориентированного на цели индустриального развития, возникла и быстро распространилась в странах Восточной Азии в середине 70–х годов XX века, в частности в Японии и ряде стран Тихоокеанского региона. [3]. Данная концепция, *developmental state*, восходит к работам японского экономиста К. Акамацу, который сформулировал теорию «гусиного клина» еще в 30–е гг. XX в. Суть данной теории заключается в следующем: страна–лидер («вожак стаи») обеспечивает технический прогресс, который подхватывают другие страны [4]. Иначе говоря, догоняющая модель описывает механизм развития, направленный на прорыв в обеспечении конкурентоспособности национальных товаров, который предполагает, в свою очередь, прорыв в технологиях. Догоняющая модель направлена не на коррекцию действующей рыночной конъюнктуры, а на решение долгосрочных стратегий структурной и промышленной модернизации реального сектора экономики, так как путь развития, основанный на расширении уже действующего, в том числе и экспортного, производства на традиционной основе считается неэффективным. [5]

Изначально данная теория предполагала только наличие модели экспортоориентированной экономики, основанной на открытости экономики для иностранного капитала. Благодаря наличию конкурентных преимуществ в области рабочей силы (более дешевая рабочая сила), местоположения, высокой роли государства, нехватки собственных ресурсов, развитие собственной экономики предполагалось достичь за счет привлечения иностранного капитала, который принесет в страну не только необходимые денежные ресурсы, но и новые технологии, которые на первых порах позволят осуществить индустриализацию страны, построить современные предприятия, которые в последующем на их опыте, привлекая новые технологии и разработки, смогут уже самостоятельно развивать производство и выходить на мировой рынок более конкурентоспособными. Модель догоняющего развития призвана разрешить противоречие между потребностью в новых технологиях и отсутствием ресурсов для ее реализации. Поэтому, в первую очередь, данные страны должны были получить недостающие технологии. Как известно, новые технологии можно приобрести за счет 3 источников – покупки лицензий, патентов, приобретения нового, высокотехнологичного оборудования и привлечения прямых иностранных инвестиций, которые должны были принести в страну не только денежные средства, но и передовое оборудование и технологии. Но все это требует наличия высококвалифицированной рабочей силы, которая смогла бы производительно использовать новые технологии и оборудование, суметь на основе приобретенных лицензий и патентов создать производство. Поэтому возникает необходимость вложений в человеческий капитал и в национальную науку. Такого

рода затраты необходимы для освоения нового технологического уклада. Приобретенная технология подвержена моральному износу, в то время как человеческий капитал становится мощным стимулом дальнейшего развития. Третьим ключевым фактором догоняющей модели развития является мобилизация ограниченных ресурсов страны на решение узкого круга задач технологического прорыва государства. И в этом основная роль должна принадлежать государству, которое должно подчинить текущий ход экономического развития долгосрочным стратегическим национальным целям. Рынок не сможет справиться с такой задачей, поскольку реализует исключительно частные интересы конкурирующих между собой хозяйственных структур. [5]

Первой страной, которая использовала данную модель, была Япония, которая за основу своего развития взяла ориентацию на приобретение лицензий с самостоятельным производством технологического сектора. Такой вариант развития имитирует производство, которое уже имеется в других странах. Лидерство на мировом рынке монополистической конкуренции обеспечивается не тиражированием известного производства, а опережением конкурентов в предложении новой продукции или нового качества. Для того чтобы опередить конкурентов, следует хотя бы к ним приблизиться. Подтягивание технологического уклада создавало базу для дальнейших шагов догоняющего развития. Благодаря серьезной поддержке государства были найдена определенная специализация производства, инвестиции в которая и пользовались серьезными преференциями. Это, прежде всего, электроника, бытовая техника, машиностроение, судостроение и автомобилестроение. Запад очень активно вкладывал в своё время деньги в эти отрасли. Рынок на тот момент, например, автомобилей был уже заполнен, и требовались дополнительные рынки, но протекционизм японской экономики не позволял прийти на этот рынок, стоило только развивать производство непосредственно в Японии, получая разрешение в обмен на инвестиции и технологии. Промышленный шпионаж, который развернула Япония в те годы, был достаточно серьезным, и это помогло Японии приобрести новые технологии, на основе их создать современную по тем временам индустрию и заполнить своими товарами, которые производились не только в Японии, но и странах-сателлитах, где стоимость рабочей силы была дешевой, а издержки ниже, что позволяло проводить демпинговую политику на мировом рынке. Это касалось всех трех вышеназванных отраслей. Даже установленный протекционистский режим с высокими пошлинами не уменьшил экспорта японских товаров. Япония заняла соответствующее место в таблице о рангах, причем не только в данных отраслях, но и по производству в целом и финансовому сектору в частности. В десятке ведущих ТНК в 80-е годы преобладали японские ТНК.

По этому же пути пошли и соседи Японии – четверка азиатских государств – так называемые азиатские тигры, которые решили сделать ставку на экспорториентированность экономики. Используя проторенный Японией путь, они, в первую очередь, определили преференции при привлечении иностранных инвестиций в определённые отрасли, прежде всего в высокотехнологичные, что позволило осуществить достаточно серьезный рывок практически по всем

показателям. Темпы роста производства составляли более 10 % в год, и никому особенно неизвестные страны заявили о себе своей продукцией на мировых рынках, превратившись в индустриальные страны. Не имея квалифицированной рабочей силы и испытывая недостаток в научных ресурсах, чтобы самим развиваться при помощи лицензий и патентов, они избрали путь открытия экономики для инвестиций. Благоприятный инвестиционный климат, дешевая рабочая сила помогли в открытии многих предприятий с иностранным участием. В последующем и другие страны данного региона последовали тому же примеру, в частности Китай, который нарастил в настоящее время не только ВВП, но и занимает ведущие места по всем параметрам в мировой экономике – ведущий экспортер, ведущий импортер, ведущий инвестор и т. д.

Однако стоит отметить, что такое развитие не выступает постоянным. И постепенно другие страны начинают превосходить, необходимо проводить дальнейшие реформы, чтобы не остаться в роли постоянно догоняющих. Эта модель имеет определенные недостатки и ограничения – увеличение иностранных инвестиций не всегда благо, есть масса проблем, с другой стороны, развитие лишь отдельных отраслей при высоком импорте продукции других отраслей тормозит развитие в целом. Мировая экономика не стоит на месте, и период индустриализации постепенно заменяется постиндустриальным обществом, где начинают преобладать другие компоненты, а именно: развитие сферы услуг предполагает развитие других отраслей, однако уже выросший уровень жизни, более высокая стоимость рабочей силы, не позволяют, как и раньше, быть привлекательными для иностранных инвестиций. Необходима своя высококвалифицированная рабочая сила, необходимо находить новые сферы применения такой силы, развивать новые отрасли. И если страна несколько замешкается в проведении данных реформ, она будет опять вынуждена догонять развитые страны, как это стало с Японией – замедляющиеся темпы роста производства привели к стагнации производства, имеющаяся позиция закрепления работника на всю жизнь на одном предприятии привела к высокой безработице среди молодежи, к снижению мотивации к образованию. У государства растут дефицит бюджета из-за необходимости поддерживать социальную политику, что приводит к серьезным проблемам. Появляется так называемое «потерянное десятилетие». В настоящее время Япония вновь обращается к проведению реформ, ищет новые пути для ускоренного роста.

Вторым направлением догоняющего развития выступает коренным образом противоположная модель импортозамещения, которая помогла стать индустриальными и осуществить серьезный рывок в этом латиноамериканским странам – латиноамериканским пумам. Не обладая теми преимуществами, что характерны были для азиатских стран, не имея возможности привлекать значительные объемы инвестиций и не видя каких-либо конкурентных ниш для развития извне отраслей на мировом рынке, они избрали путь развития собственного производства, поддержки со стороны государства своего производителя, создание так называемого трамплина для дальнейшего развития отраслей и превращения их уже при помощи иностранных инвестиций и технологий в высококонкурентные отрасли с целью выхода на мировой рынок. В первую очередь, это коснулось

развития добывающей и на этой основе обрабатывающей промышленности, а затем уже благодаря сокращению затрат на импорт товаров, начинают развиваться экспортоориентированные отрасли. В этой модели также есть свои плюсы и минусы. К плюсам такой модели относится наличие сырьевой базы, на основе которой и появляется накопление капитала, но период догоняющего развития здесь значительно продолжительнее, чем в предыдущем случае.

Рассмотрев две противоположные модели догоняющего развития стоит отметить, что данные модели были направлены на развитие промышленности, т. е. на индустриализацию страны, используя соответствующие преимущества. В настоящее время, учитывая плюсы и минусы таких моделей, стоит подумать, на какой из них остановиться первоначально. Говоря о России, стоит отметить, что для нашей страны все-таки должна быть сформирована своя собственная модель прорывного роста. Это связано с тем, что с 50-х годов XX века прошел достаточно серьезный период, когда большинство экономик стало ведущими державами, постиндустриальными державами, где преобладает сфера услуг, а индустриальное развитие перешло к другим странам третьего мира. И развитые страны в современных условиях обращают внимание на реиндустриализацию страны, на модели опережающего развития, в которых важную роль играет информационное развитие. Так, в рамках проекта «Электронная Европа» выделяют 11 приоритетных направлений, в том числе инвестиции в людей и знания, работа в экономике, основанной на знаниях; развитие электронной коммерции; автоматизация транспортных потоков. Помимо этого в Программе заложены возможности для решения основной базовой проблемы – ускорение появления доступных телекоммуникационных услуг всех типов и назначений. Наряду с общеевропейской инициативой есть национальные программы у Великобритании, Франции и многих других стран Европы и мира [6]. Поэтому и наша страна в рамках индустриализации должна ориентироваться на дальнейшее развитие, которое сопряжено со сферой услуг.

Кроме того, Россия коренным образом отличается от тех стран, которые осуществляли модель догоняющего развития, даже от тех государств так называемой третьей и четвертой волн догоняющего развития. Прежде всего, это наличие высококвалифицированных специалистов, что является серьезным конкурентным преимуществом страны. Во-вторых, несмотря на небольшие затраты на науку, она все-таки уже была создана и продолжает совершенствоваться и развиваться. Во многих направлениях мы имеем достаточно серьезные приоритеты по отношению к другим странам, что может быть использовано при дальнейшем развитии. В-третьих, это наличие собственной ресурсной базы, причем не только природных ресурсов. Несмотря на то, что Россия еще не восстановила производство на уровне 1990 года, тем не менее у нас еще сохранилась промышленность, открываются, пусть и немного, но новые заводы и т. д. Мы имеем развитую финансовую систему, большой собственный потенциал для инвестиций. Особо это проявляется в финансовой сфере, что говорит о необходимости инвестирования в сферу производства, тем более что средства для этого есть. Достаточно только назвать одну цифру: объем вкладов населения на 1 января 2020 года составляет 30549,0 млрд рублей, и при правильном их использовании можно достичь серьезных результатов. Мы серьезно вовлечены в

МОДЕЛИ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ

международное разделение труда и находимся в тесной взаимосвязи с передовыми странами по развитию современных технологических требований, например, цифровизации экономики. В частности, по охвату интернетом наша страна находится в числе передовых стран. Поэтому нужно создать модель – симбиоз экспорториентированной экономики, направленную на привлечение дополнительных технологий из развитых стран, которые будут преумножены нашими специалистами, что приведет к дополнительному росту ВВП, модернизации производства, роботизации, повышению производительности труда, а, следовательно, высвобождению рабочей силы и направленности ее в развитии сферы услуг и импортозамещения.

Что же нужно взять из рассмотренных выше моделей для формирования симбиоза? Первая модель экспорториентированности в данный момент не в полной мере подходит из-за нескольких причин: притока иностранных инвестиций и технологий в необходимых размерах и в необходимые отрасли на данный момент в принципе не может быть, так как серьезных конкурентных преимуществ нет; не очень благоприятный инвестиционный климат, не столь высокое место по легкости ведения бизнеса, низкая стоимость рабочей силы не позволяет расширять платежеспособный спрос на произведённые товары. Несмотря на то, что уже в 2010 году руководство страны говорило о необходимости повышения квалифицированности рабочих, она пока еще не столь высока. Разработка на основе привезенных собственных технологий тоже в полной мере затруднительна, так как доля расходов на НИОКР совсем небольшая (1,1 % ВВП), в то время как в других странах в 2–4 раза выше. Падает уровень образования. В то же время нельзя абсолютизировать данное утверждение, у нас действительно есть великолепные разработки, но они в большей степени сконцентрированы в нескольких областях – ВПК, нефтедобывающей и металлообрабатывающей отраслях. Нам нужно найти какие-либо другие конкурентные отрасли, которые были бы интересны и нам, и инвесторам, однако в настоящее время такого не наблюдается. Был период до 2014 года, когда осуществлялся приток ПИИ в страну, развивалось машиностроение, другие отрасли, но это был лишь конечный продукт – сборки из иностранных комплектующих, что не позволяло в полной мере развивать собственное производство. Объявленные санкции в принципе поставили точку в решении вопроса об экспорториентированной модели догоняющего развития. Поэтому на данный момент скорее импортозамещение нам подходит более всего. Санкции и затем контрсанкции привели к необходимости замены импортных товаров, особенно собственной сельскохозяйственной продукции. Государство приняло дорожную карту импортозамещения, которая отчасти реализована. Если судить по статистике, то по отдельным продуктам – сахару, молоку, свинине, птице и ряду других импортозамещение «сработало», начали производить свое, и импорт резко уменьшился. Однако в промышленности такого серьезного сдвига пока не происходит, комплектующие в основе своей зарубежные, что не дает возможности развивать конкурентоспособное производство. Ушедшие инвесторы не были заменены собственными. Все также остается более финансируемая сфера минеральных ресурсов, а не машиностроение. Государство, опираясь на основную

часть налогов из данного сектора, не спешит терять данного налогоплательщика, чтобы оказывать помощь другим отраслям и предприятиям. Уже несколько десятилетий идет речь отхода от сырьевой зависимости, но пока все-таки основной статьей экспорта остается нефть. Каковы же проблемы импортозамещения в России? Во-первых, низкая роль государства в экономике, во-вторых, недостаток финансирования НИОКР. Основная часть НИОКР в зарубежных странах финансируется за счет бизнеса и лишь меньшая часть – государством. В нашей стране – наоборот, поэтому при имеющейся структуре бюджета кардинальное увеличение расходов на НИОКР невозможно. Бизнес пока не имеет ресурсов для финансирования, а те ТНК, которые располагают такими возможностями, не спешат вкладывать деньги в науку. В-третьих, недостаток в ресурсах. Несмотря на то, что объем денежных средств в банках, страховых компаниях, пенсионных фондах имеется, они в большей степени направляются не в производство, а на потребительское кредитование, особенно импортной продукции, что не стимулирует собственное производство. Кроме того, стоит назвать поддержку, неявное субсидирование экспорта, отсутствие промышленной политики, несмотря на имеющийся закон о промышленной политике.

Догоняющая модель действительно имеет пределы. Но следование ей подготавливает возможность для перехода на разработки и освоение собственных технологий. В России из арсенала модели догоняющего развития можно многое использовать в экономической политике экономического роста. [5] К слагаемым успеха данной модели следует отнести подчинение развития долгосрочной стратегии. Нельзя опираться только на стихию рынка. Стратегическое продвижение в экономическом росте придает ему целенаправленное движение, ускоряя современное освоение новых технологий, проведение структурной политики государства, направленное на содействие долгосрочным факторам экономического роста; вложения в развитие национальных кадров и науку. Тем не менее, необходимым фактором, на который стоит обратить внимание из данной модели, это апробированная рядом стран разработка и реализация стратегии концентрации инвестиций на перспективных точках «роста» при переходе к новому технологическому укладу. С этой целью необходимо сформировать баланс институтов государственного регулирования и рыночной конкуренции, задействование механизмов масштабов привлечения инвестиционных ресурсов для целенаправленной инновационной модернизации и цифровизации экономики. Все это возможно только в условиях увеличения роли государства в индустриализации экономики, в инвестировании в объекты инфраструктуры.

ВЫВОДЫ

Таким образом, для того чтобы сделать рывок, необходимо на данном этапе решить проблему импортозамещения, так как в условиях санкций и ограничения притока иностранных инвестиций с технологиями нет возможности говорить о другой модели, а затем постепенно переходить к другой и искать собственный путь перехода к постиндустриальной экономике. Но это пока дело будущего, а вот в

краткосрочном периоде для достижения указанной В. В. Путиным цели необходимо решить вышеуказанные задачи.

Список литературы

1. Исследование. Новая нормальность. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://stolypin.institute/wp-content/uploads/2018/02/issledovanie_novaya-normalnost-2018.0
2. Мау В. Догоняющая модернизация в современной России // Проблемы теории и практики управления. 2004. № 4. С. 13–16
3. Нехода Е. В. Теории модернизации и догоняющего развития: возможности для России // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teorii-modernizatsii-i-dogonyayuschego-razvitiya-vozmozhnosti-dlya-rossii>
4. Иноземцев В. Пределы «догоняющего» развития. М.: Экономика, 2005.
5. Догоняющая модель развития. [Электронный ресурс]. URL: <https://poisk-ru.ru/s2204t3.html>
6. Титова Ю. С. Институциональные рамки регулирования модернизационных процессов в экономике // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 1. С. 45–48 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalnye-ramki-regulirovaniya-modernizatsionnyh-protsessov-v-ekonomike>

Статья поступила в редакцию 12.10.2020

SUMMARIES

MONITORING OF PECULIARITIES OF INDUSTRIAL AND LABOUR RELATIONS IN THE REGIONAL LABOUR MARKET

Anisimova N. Yu.

The article discloses the role and importance of labor resources in the production process, shows their stable relationship in the system of production and labor relations of the regional level. On the example of the Republic of Crimea, a comparative analysis of the main indicators of the efficiency of industrial and labor relations in industrial industries in the dynamics for 2015-2019 was carried out, their regional features were revealed. It is shown the need to improve the system of industrial and labor relations in the region in the areas of optimizing the structure of the regional economy, modernizing the system of training and increasing the role of motivational mechanisms of personnel.

Keywords: labor economy, industrial production, production and labor relations, gross regional product, labor productivity, wages, efficiency, improvement

SOCIAL DEVELOPMENT MANAGEMENT IN DIGITAL ECONOMY

Apatova N. V.

The main problems of managing the social sphere in the digital economy are considered. First, the role of computers and information technology in society and the associated risks. Second, business management and the creation of e-Government; third, the formation of personnel and competencies; fourth, the development of e-commerce that promotes employment, especially among young people; fifth, the digitalization of social services and the adaptation of all social groups; sixth, digital access and equalization of living standards; seventh, improving gender opportunities for women.

Keywords: digital economy, social sphere, Internet, information technology, management, risks.

ENTERPRISE BUSINESS PROCESSES AS AN OBJECT OF INTERNAL PLANNING

Babin M. M.

The article discloses theoretical and methodological approaches to the essence and content of business processes of the enterprise in the context of internal economic planning of its activities. Various definitions of the concept of "business processes" were monitored, their essential characteristics were clarified, their role in the formation of the organization's planned indicators was outlined. Based on the data of the scientific and bibliographic study, the most effective method of strategic planning of business processes was identified - modeling, its stages, types and principles are reflected. At the end, the system of business

process planning performance indicators was analyzed, their advantages and disadvantages were highlighted.

Keywords: planning, management, process approach, business processes, enterprise, modeling, method, efficiency.

EXPERT ASSESSMENT OF THE IMPACT OF ENVIRONMENTAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF THE LOCAL MARKET

Bobarykina E. N, Khokhlov V. A.

The article reflects the results of research on the impact of environmental factors on the development of the local market of electrical products. The state is forming a multi-level system of industrial commodity markets – national, regional, and local. Research into the development factors of each of these types of markets, including local ones, is an urgent and timely task. With regard to the external environment of influence on markets, it should be said that its factors have a significant impact on the development of the local market as a whole and its individual economic entities. This is particularly important because these factors are generally poorly regulated and controlled by market participants, so there is an urgent need to identify and evaluate them.

It is established that the local market is one of the types of market United by a geographical feature. The author offers the following definition of the concept "local market" - a system of economic relations that arise between sellers and buyers of goods and services intended for personal consumption, in the process of their acquisition, characteristic of a certain territory (city, urban area, city with surroundings, rural settlement, municipal formation).

Generalization of scientific research has allowed us to establish that the local market includes three enlarged segments: the food market, the non-food market, and the consumer services market, which are closely interrelated. Based on a combination of different opinions, it is established that the object of the local market is a product supplied to the consumer by the seller for individual consumption in the form of goods and services.

The subjects of the local market are all participants in the exchange process, namely, consumers (permanent and visiting population of a given territory); commodity producers and service producers (enterprises, organizations, institutions and individuals), enterprises and individual entrepreneurs in the retail sector, to a lesser extent wholesale trade enterprises (intermediaries).

The impact of environmental factors on the development of the local market of "Novacenter K" LLC was assessed using expert assessments. The basis was a ten-point rating scale, which allowed us to derive an integral quantitative and qualitative assessment of the impact of each factor on the development of the local market of "Novacenter K" LLC.

The summary result of the assessment of the impact of environmental factors on the development of the local market of "Novacenter K" LLC is presented, which allowed us to establish the dominance of the impact of economic and political and legal factors.

The study assessed the impact of environmental factors on the development of the local market OOO "Novacenter K" method of expert estimations. The experts were drawn from

the employees of OOO "Novacenter K", in the amount of eight people. The competence of experts was assessed in an objective way, namely, in a documentary way, which involves the selection of experts based on their professional characteristics. The basis was a ten-point rating scale, which allowed us to derive an integral quantitative and qualitative assessment of the impact of each factor on the development of the local market of "Novacenter K" LLC.

As a result, we present a summary of the assessment of the impact of environmental factors on the development of the local market of "Novacenter K" LLC, which allowed us to establish the dominance of the impact of economic and political and legal factors. Their share in the total population was 18.4% and 18%, respectively. It was determined that demographic and socio-cultural factors have an equal impact on the development of the local market of "Novacenter K" LLC, since their share was 17.52% and 17.13%. Environmental and technological impacts are less pronounced, 14% and 15%.

In order to establish the degree of consistency and non-randomness of expert opinions, the study calculated the adjusted concordance coefficient, the standard value of which is assumed to be $W = 0.5$. Based on the fact that the actual concordance coefficient of expert assessments is ≥ 0.5 , the expert opinion is considered to be more consistent than inconsistent, so the results of the expert assessment are reliable.

Keywords: local market, demand, offer, electrical companies products, factor influence, expert, point rating.

SOCIAL ECONOMY AS A NEW TREND OF DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY

Gafarova K. E.

The article provides a comprehensive analysis of the socialization of the global economy through the prism of the development of social services, as its measure. The existing approaches to defining the essence of socialization are generalized, the mechanism of action of socialization in the context of globalization is considered, and three levels of socialization of the economy are identified, which form a system for optimizing socially important proportions of the distribution of resources and incomes of subjects of economic relations.

Keywords: social services, socialization of the economy, social standards, globalization, transformation of the system of social services, the public sector of the system of social services.

STRATEGIES FOR THE ECONOMIC GROWTH OF COUNTRIES IN THE CONDITIONS OF GLOBAL INSTABILITY OF THE WORLD ECONOMY

Gorda A. S., Gorda O. S.

The retrospective of the formation of conceptual theoretical and methodological approaches to substantiating the factors and driving forces of ensuring the economic growth of the countries of the world is studied.

The key imperatives of the practical implementation of strategies for zero, sustainable, noospheric, innovative and inclusive economic growth in the context of global challenges in the development of the world economy have been identified.

The article presents a comparative characteristic of views on the social significance of countries' economic growth and its consequences. It has been established that the use of different approaches to the interpretation of the results of economic growth of countries is important in the context of political and economic shifts and transformations, when government policy forms the expected results in the main directions: economic, innovation, social, environmental.

The role of the government in ensuring economic growth is determined. It was determined that the development of the country should be balanced between technological, social and economic vectors. It should ensure the transition for all countries to the industrial and post-industrial stages of development, with the formation of such a post-industrial society that does not have a significant gap between the poor and the rich.

The key elements of the formation of strategies for the economic growth of countries in the context of the globalization of the world economy are highlighted, among which the key ones are macroeconomic policy, scientific and technological development (overcoming the technological lag behind developed countries), the transition to a knowledge economy and information economy, the creation of high-tech industries, harmonization and adaptation of the country to global challenges, a policy of equal distribution of industrial potential. Government policy should ensure the formation of an effective economic strategy for the country's development, taking into account innovative, social, environmental components, and ensure that the efforts of the population and business are concentrated on achieving them.

A comparative characteristic of the concepts of economic growth of the countries of the world is given. Conceptual directions for the formation of inclusive strategies for economic growth are proposed. It is concluded that the development of strategies for economic growth of countries requires a balanced approach in terms of expected results and available resources. Countries of different levels of economic development require the use of different strategies, but with an increase in the level of development of countries, the intensity of strategies decreases, the emphasis shifts from the development of industry to an increase in the level of employment and the quality of life of the population, the development of civil society, social and environmental responsibility.

It was determined that the national strategy of inclusive growth should be based on the basic principles of parity of economic opportunities in relation to: access of market actors to resources and sales markets; equality in political, legislative, antimonopoly, tax policy; implementation of targeted government policies on the labor market (decent work, productive employment, quality of life of the population) and interaction between business, government, trade unions, workers and the general population regarding an even distribution of national income and narrowing the gap between the poor and the rich.

Keywords: zero, sustainable, noospheric, innovative and inclusive economic growth, concepts of economic growth, strategies of economic growth.

MATERIAL DAMAGE FROM ECONOMIC CRIMES IN CRIMEA

Zinovjev I., Reutov V. E.

In the overwhelming majority of cases, when studying economic crimes, the objects of analysis by researchers are absolute indicators (including quantitative characteristics of registered, preliminary investigated and / or temporarily suspended EC), or (at best) their derivatives. At the same time, researchers often use only statistical data from the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs or the Portal of Legal Statistics of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation as a source of information.

This approach to the study of economic crimes (EC) is explained, in our opinion, by a number of main reasons, among which it should be noted: unwillingness of formal power elites to see and know the real situation with economic crime in the country; order for “social positive”; the degeneration of the model of the social structure of modern society in the country and a number of others, no less negative. Information and analytical reports (on the state of crime and the main results of operational and service activities) of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Crimea are not only formal and declarative in nature, but also are not a source of secondary data for any valid analysis of material damage.

Keywords: economic crime, material damage, dynamic and structural trends, modeling of forecast trends, economic crimes, economic crime in the Republic of Crimea.

TRENDS OF TRANSFORMATION OF THE WORLD ECONOMY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Korolyov O. L., Krulikovskiy A. P.

The article considers the current trends in the transformation of the structure of the world economy under the influence of the digitization processes of socio-economic relations. Emphasis is placed on the analysis of changes in the global economic infrastructure based on modern digital technologies.

The concept of economics of complexity is considered as a stage in the evolution of the development of socio-economic relations on a digital technological basis. The definition and characteristics of the economy of complexity, its distinctive features on the main factors of production in relation to the previous stages of pre-industrial and industrial society are given. The factors of internal and external complexity in the economy, which determine the effectiveness of the functioning of the entire system, are investigated.

It also gives an overview of the main trend of digitalization in certain macroeconomic regions, identifies features and prospects of economic growth under the influence of digitalization processes.

Keywords: digitalization, institutional transformations, blockchain, world economy.

OPENNESS OF ECONOMIES OF STATES – PARTICIPANTS OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: THEORY AND PRACTICE

Nikitina M. G., Butsenko I. N., Selyunina V. S.

In the post-Soviet space, the Eurasian Economic Union (EAEU) has become the next phase of economic integration after the Customs Union and the Common Economic Space. Particular attention among the goals of creating this union from the listed goals is to increase the competitiveness of national economies, which is objectively associated with a change in the degree of openness of economies.

An open economy is a multidimensional economy with the freedom to carry out international transactions in the domestic and foreign markets for goods, services, capital and other factors of production. And the openness of the economy is the degree or condition of a given freedom. Assessment of the degree of openness of the economy includes a set of quantitative and qualitative indicators, among which we have highlighted: foreign trade quota, export quota, import quota, share in world exports, share in world imports, share of foreign investment in GDP, share of the country's GDP in the world GDP, the share of external debt in the country's GDP.

The study found that the highest degree of openness of the economy is in the following countries: Singapore, Vietnam, Russia. The economies of Serbia, Moldavia, Kyrgyzstan, Belarus and Iran are relatively open. The economies of Armenia and Kazakhstan are less open. Among the EAEU member states, the most open economies are Belarus, Russia and Kyrgyzstan. In the dynamics, a positive tendency towards an increase in individual indicators of the degree of openness of the economies of Armenia and Kyrgyzstan was noted. The countries joined to the EAEU within the framework of agreements on the creation of a free trade zone, as well as Moldova, which has the status of an observer state, generally have a greater degree of openness in comparison with the EAEU countries.

For a number of indicators of the degree of openness, a positive dynamics of their growth in the EAEU countries was noted, but it is formed at the expense of the countries joined to this association. The negative dynamics of growth in the values of the degree of openness of the economies of the EAEU countries is offset by positive growth rates for the same indicators at the expense of partner countries. And as a result, the dynamics of the general group is balanced with a positive result. Accordingly, the result of such a partnership can contribute to an increase in the degree of openness of the EAEU member states in the future, but taking into account the permissible values that will not disturb the balance of external economic security of the national economy of the EAEU member states. Despite the obvious connection between the indicators of the degree of assessment of the openness of the economy, they show themselves in different economies in different ways.

Keywords: open economy, openness of the economy, quantitative and qualitative indicators of openness of the economy, the Eurasian Economic Union, export quota, import quota, foreign trade quota, share of FDI inflows in GDP; share of participation in world exports and imports.

SCIENTIFIC AND TECHNICAL PRIORITIES IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF A SINGLE INNOVATION SPACE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS

Prihodko I. I., Vanyushkin A. S.

The article deals with the problems of the formation of scientific and technical priorities within the framework of the Union State of Russia and Belarus (USRB). The structure of funding sources for joint scientific and technical programs and projects of USRB, the prospects for the commercialization of their results, the structure of priorities in the development of technologies within the framework of Russian and Belarusian technological platforms and innovation clusters, the competition program of the Belarusian-Russian Foundation for Fundamental Research are analyzed. In addition, the opinions of experts from the Russian Federation and the Republic of Belarus in this area were analyzed. As a result of the analysis, scientific and technical areas have been identified that have the greatest degree of coordination of priorities between the Russian Federation and the Republic of Belarus.

Keywords: scientific and technical interests; innovation; innovative clusters.

MODELS OF CONTRACTING DEVELOPMENT: OPPORTUNITIES FOR RUSSIA

Starodubtseva E. B.

The article is devoted to the problem of economic modernization in order to enter the top five leading countries of the world. The Russian economy is currently in the sixth world in the world and needs serious renovation and development in order to reach the fifth place in terms of PPP GDP. However, the stratified situation does not speak in favor of the development of the Russian economy by the already existing methods, the GDP growth rates are rather low. There was a need to change the development model. In the author's opinion, it is necessary to pay attention to the varieties of the catching-up model. The catch-up development model is designed to resolve the contradiction between the need for new technologies and the lack of resources for its implementation. For this purpose, the article analyzes the main catch-up development models that have helped countries to make a breakthrough in industrial development in a fairly short period of time. The first model is export-oriented, which was typical for the countries of Southeast Asia, the so-called Asian tigers. It assumed an inflow of foreign capital, which was supposed to bring both monetary and material resources for the development of the country. The second model is import substitution, characteristic of the development of Latin American countries. In this case, by reducing imports, increase opportunities for economic development. The article highlights the main problems and considers the advantages of these models in order to use this experience for the development of the Russian economy. However, it is noted that these models led to the industrialization of countries, which is currently not so relevant for Russia.

The directions and prospects of the modernization of the Russian economy, which needs to become a high-tech power, were shown. The analysis made it possible to identify the distinctive features and priorities of Russia in comparison with the countries considered. It has been proved that Russia is fundamentally different from those countries that followed the model of catch-up development, even from those countries of the so-called third and fourth waves of catch-up development. The article shows that the import substitution model already being introduced in Russia has a number of problems. Among them are the low role of the state in the economy and the lack of funding for R&D. In addition, in the context of sanctions, and currently a pandemic, the flow of resources is limited. Therefore, this model should be supplemented with elements of an export-oriented model. At the same time, a number of factors are indicated that do not fully follow the foundations of this model. It is concluded that it is necessary to form a balance between the institutions of state regulation and market competition, the use of mechanisms for attracting investment resources for targeted innovative modernization and digitalization of the economy. All this is possible only in the context of the increasing role of the state in the industrialization of the economy, in investing in infrastructure facilities.

Keywords: catchup development model, import substitution, export orientation, foreign investment, GDP

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимова Н. Ю., кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов и кредита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Апатова Н. В., доктор экономических наук, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой бизнес–информатики и математического моделирования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Бабин М. М., ассистент кафедры финансов и кредита ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Бобарыкина Е. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Буценко И. Н., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Ванюшкин А. С., доктор технических наук, профессор кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Гафарова К. Э., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда А. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Горда О. С., кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Зиновьев И., доктор экономических наук, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Королев О. Л., кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес–информатики и математического моделирования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Круликовский А. П., кандидат физико-математических наук, доцент кафедры бизнес–информатики и математического моделирования ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Никитина М. Г., доктор экономических наук, доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Приходько И. И., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Реутов В. Е., доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Селюнина В. С., аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

Стародубцева Е. Б., доктор экономических наук, профессор департамента мировой экономики и международного бизнеса ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»

Хохлов В. А., кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимова Н. Ю. Мониторинг особенностей производственно-трудовых отношений на региональном рынке труда	3
Апатова Н. В. Управление развитием социальной сферы в цифровой экономике	11
Бабин М. М. Бизнес–процессы предприятия как объект внутривозвратного планирования ...	22
Бобарыкина Е. Н., Хохлов В. А. Экспертная оценка воздействия факторов внешней среды на развитие локального рынка предприятия	32
Гафарова К. Э. Социальная экономика как новый тренд развития мирового хозяйства	45
Горда А. С., Горда О. С. Стратегии экономического роста стран в условиях глобальной неустойчивости мировой экономики	57
Зиновьев И., Реутов В. Е. Материальный ущерб от преступлений экономической направленности в Крыму..	68
Королев О. Л., Круликовский А. П. Тенденции трансформации мировой экономики в контексте цифровизации.....	78
Никитина М. Г., Буценко И. Н., Селюнина В. С. Открытость экономик государств–участников Евразийского экономического союза: теория и практика	87
Приходько И. И., Ванюшкин А. С. Научно-технические приоритеты в контексте формирования единого инновационного пространства Российской Федерации и Республики Беларусь	104
Стародубцева Е. Б. Модели догоняющего развития: возможности для России	112
Summaries	120
Сведения об авторах	128
Содержание	130
Contents	131

CONTENTS

Anisimova N. YU. Monitoring of peculiarities of industrial and labour relations in the regional labour market.....	3
Apatova N. V. Social development management in digital economy	11
Babin M. M. Enterprise business processes as an object of internal planning	22
Bobarykina E. N, Khokhlov V. A. Expert assessment of the impact of environmental factors on the development of the local market.....	32
Gafarova K. E. Social economy as a new trend of development of the world economy	45
Gorda A. S., Gorda O. S. Strategies for the economic growth of countries in the conditions of global instability of the world economy	57
Zinovjev I., Reutov V. E. Material damage from economic crimes in Crimea	68
Korolyov O. L., Krulikovskiy A. P. Trends of transformation of the world economy in the context of digitalization	78
Nikitina M. G., Butsenko I. N., Selyunina V. S. Openness of economies of states – participants of the Eurasian economic union: theory and practice	87
Prihodko I. I., Vanyushkin A. S. Scientific and technical priorities in the context of the formation of a single innovation space of the Russian Federation and the Republic of Belarus.....	104
Starodubtseva E. B. Models of contracting development: opportunities for Russia.....	112
Summaries	120
Authors Data.....	128
Contents.....	131